

РУССКИЕ КНИГО- ЛЮБЫ

П. Н. БЕРКОВ

П. Н. БЕРКОВ • РУССКИЕ КНИГОЛЮБЫ

П. Н. БЕРКОВ . РУССКИЕ КНИГОЛЮБЫ

П. Н. БЕРКОВ

РУССКИЕ КНИГО- ЛЮБЫ

О Ч Е Р К И

Советский писатель

Москва · Ленинград

1967

002
Б 48

7-2-2
363-67

**КНИГА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
СТАЛА ВЕРНЫМ ДРУГОМ И СО-
ВЕТНИКОМ МИЛЛИОНОВ ТРУДЯ-
ЩИХСЯ, НАСТАВНИКОМ И ВОСПИ-
ТАТЕЛЕМ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.
ОНА ВООРУЖАЕТ ЛЮДЕЙ ВСЕХ
ВОЗРАСТОВ И СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
ЗНАНИЯМИ МАРКСИСТСКО-ЛЕ-
НИНСКОЙ ТЕОРИИ, ПРИОБЩАЕТ К
СОКРОВИЩНИЦАМ ОТЕЧЕСТВЕН-
НОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ, К
ДОСТИЖЕНИЯМ НАУКИ И ТЕХ-
НИКИ, ПОМОГАЕТ ИМ ПОЗНАВАТЬ
НОВОЕ, ПЕРЕДОВОЕ, ЧТО РОЖ-
ДАЕТСЯ ПРАКТИКОЙ КОММУНИ-
СТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.**

*Центральный Комитет Ком-
мунистической партии СССР —
коллективу Государственной
ордена Ленина библиотеки
СССР имени В. И. Ленина. Всем
работникам библиотек Совет-
ского Союза.*

БЕЗ КНИГ ТЯЖКО.

*В. И. Ленин. Письмо
А. М. Горькому, ранее 25 авгу-
ста 1912 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Успех, выпавший на долю «Рассказов о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского, сборника очаровательных библиофильских новелл В. Г. Лидина «Друзья мои — книги», «Записок старого книжника» Ф. Г. Шилова и многих аналогичных изданий, увидевших свет в Москве Ленинграде и других городах, семидесятипяти тысячный тираж ежемесячного журнала «В мире книг», издаваемого уже седьмой год, — все это является свидетельством создавшегося у советских читателей прочного интереса к библиофильской и книжной тематике. Поэтому предлагаемое собрание очерков о русских библиофилах, книголюбях и книгособирателях едва ли нуждается в предисловии обычного типа, то есть в таком, в котором обосновывается право избранной автором темы на литературную обработку.

Я хочу сказать лишь несколько слов о том, как возникла данная книга и каково ее построение.

Историк литературы по специальности, я постоянно имею дело с книгами — печатными и рукописными — и со школьных лет собираю их. Для своей работы я часто должен был обращаться за нужными материалами не только в государственные библиотеки, но и к личным собраниям многих советских книжных коллекционеров. С давних лет мое внимание стала привлекать психология книжных собирателей, книготорговцев, библиотекарей, переплетчиков и прочих «книжных людей». Постепенно у меня накопился обширный и, как

Мне кажется, не лишенный общего интереса материал о людях, связанных с книгами, и о книгах, почему-либо замечательных в истории культуры. С конца двадцатых по конец тридцатых годов я читал в ряде ленинградских высших и специальных учебных заведений курсы по истории русской и западной книги. Вводившиеся мною в лекции материалы о библиофилах и о примечательных книгах неизменно привлекали внимание слушателей. Тогда в основных чертах и возникла идея настоящей книги. Отвлеченный другими работами, лишь в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов я мог обратиться к осуществлению своего давнего замысла — книги «о людях и книгах». Когда она была завершена, по настоятельному предложению издательства мне пришлось изъять из рукописи материалы, рассматривающие в основном западноевропейскую тематику. Эта часть рукописи вышла в 1965 г. в издательстве «Книга» под названием «О людях и книгах. Из записок книголюбца».

Настоящий же сборник посвящен только русской тематике. Основное ядро его образуют три очерка: «В. И. Ленин — книголюб», «Личные библиотеки трех русских писателей» и «Старинные русские библиофилы и советские книголюбцы». Все они посвящены характеристикам — то более, то менее подробным — ряда русских дореволюционных и советских книголюбцев и библиофилов, их отношению к книге, методам ее собирания, судьбам их библиотек. Вторую часть книги занимает большой очерк «Из истории русской библиофильской литературы», цель которого рассказать, в каких литературных формах проявлялась любовь к книге у русских библиофилов — не писателей

вообще, а именно библиофилов-писателей — на протяжении последних 250 лет. Обе части книги взаимосвязаны и, дополняя друг друга, дают основное представление об истории русского библиофильства и его национальных особенностях.

Следует предупредить читателей об одной черте моей книги: она, как отмечено уже несколькими строками выше, состоит из ряда очерков, то есть не представляет целостной монографии. Поэтому было бы неправильно рассматривать образующие книгу отдельные очерки в качестве глав единого труда. У каждого из них своя самостоятельная идея, своя особая задача, своя логика построения, возможно, даже свой особый язык. Хотя их объединяет общая тема — русские библиофилы и книголюбы, русское библиофильство, его большая, но мало осознаваемая общественно-культурная роль и ценность, — моя книга не была задумана как история русского библиофильства.

Очерковым построением книги объясняется то, что осведомленный читатель не найдет в ней сведений о ряде известных ему русских дореволюционных и современных библиофилов, умолчание о которых было бы непростительно в монографическом труде. О некоторых библиофилах я говорю не в одном каком-нибудь определенном очерке, а в нескольких (хотя я и старался по возможности избегать ненужных повторений). Наконец, характер изложения в отдельных случаях напоминает скорее беллетристику, чем научное исследование: моя книга обращена к широким слоям читателей, к студенту, библиотекаря, журналисту, писателю и т. д., а не к специалисту-библиофилу. Замечу, кстати, что в настоящее время мною

почти закончена «История советского библиофильства», имеющая в сравнении с данной книгой более систематичный характер изложения.

Я должен остановиться еще на одном вопросе — терминологическом. В последние два-три года в кругах библиофилов, в особенности московских, к слову «книголюб» почему-то стали относиться с некоторым предубеждением, осмысляя его только в качестве недавнего и к тому же неудачного перевода с греческого и видя в нем столь же топорное порождение языкового пуризма, как пресловутые «мокроступы», которыми предложил называть калоши лет полтора назад адмирал А. С. Шишков. Я не разделяю подобного отношения к слову «книголюб». Оно имеет гораздо более древнюю историю, чем предполагают его гонители. В форме «книголюбец» оно встречается в древнерусской письменности, в той же форме оно употребляется таким далеким от языковых изысков автором, как московский библиофил — купец А. П. Бахрушин, в книге «Кто что собирает» (М., 1916). В форме «книголюб» оно зафиксировано в академическом «Словаре русского языка» (1910), в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (с пометой «книжное, устарелое»), и в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (без указанной пометы), и, наконец, в «Словаре современного русского языка» Академии наук СССР. Странно, однако, что его нет в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Слово это было известно и библиофилам середины XIX века, например С. А. Соболевскому (см. ниже, стр. 194), его употребляют крупнейшие советские писатели — К. А. Федин, Л. М. Леонов, К. Г. Паустовский,

В. Г. Лидин. Таким образом, по-моему, нет необходимости изгонять из языка это слово, имеющее свой особый смысловой оттенок по сравнению со словом «библиофил». Они не синонимы.

Существует афоризм римского писателя Теренциана: *Pro captu lectoris habent sua fata libelli*. Обычно цитируют только вторую часть его, означающую: «Книги имеют свою судьбу». Первую почему-то опускают. Целиком изречение это надо перевести так: «По тому, как принимает читатель книги, они имеют свою судьбу, свою историю».

Передавая своих «Русских книголюбов» в руки читателя, я не могу не думать о том, как он примет мою книгу, какова будет ее судьба.

**В. И. ЛЕНИН —
КНИГОЛЮБ**

В конце 1961 г. вышла в свет прекрасно оформленная книга «Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог», подготовленная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Всесоюзной Книжной палатой и Кабинетом и квартирой В. И. Ленина в Кремле. В этой книге подробно описаны принадлежавшие В. И. Ленину печатные издания (книги, брошюры, журналы, газеты, атласы, журнальные и газетные вырезки), которые хранятся в Кабинете и квартире В. И. Ленина в Кремле и в музее в Горках, а также в библиотеке Института марксизма-ленинизма и в Центральном партийном архиве института. В составе Кремлевской библиотеки

Владимира Ильича находится некоторое количество книг, принадлежавших Н. К. Крупской. Всего описано 8450 названий. Более 900 из них имеет различные пометы В. И. Ленина, иногда очень существенные для истории его государственной и литературной деятельности.

Появление этой книги имеет большое научное значение, так как благодаря ей перед исследователями раскрываются огромные, разнообразные литературные источники, которыми Владимир Ильич пользовался в своей научной работе в течение всей жизни, но преимущественно в советский период, и тем самым в известной мере предоставляется возможность изучать творческую лабораторию гениального создателя первого пролетарского государства.

Нет необходимости подробно говорить о том, какую громадную роль играли книги в жизни Ленина, как много он читал, как постоянно, напряженно и систематически работал в русских и зарубежных библиотеках. В известной книге Н. К. Крупской «Что писал и говорил Ленин о библиотеках» и в статье А. В. Усова «Книга и библиотека в жизни В. И. Ленина» собран обильный и интереснейший материал по этому вопросу. Однако обе названные работы были написаны до появления в свет каталога Кремлевской библиотеки Владимира Ильича, и поэтому сейчас — с учетом и других печатных данных — тема «Ленин — книголюб» может быть освещена с гораздо большей подробностью и документальностью.

Основываясь на экспозиции Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске, А. В. Усов охарактеризовал книжные интересы родных Владимира Ильича в его детские и

отроческие годы: «...в семье Ульяновых, — пишет он, — культурные потребности всегда стояли на первом месте, а книга занимала особое, почетное место. Во всех комнатах — книги. В кабинете Ильи Николаевича много педагогической литературы. На столах — журнал «Вестник Европы», газета «Русские ведомости». Здесь же — «Современник» и «Отечественные записки» — журналы, живо откликавшиеся на общественные вопросы современности и знакомившие читательскую публику с идеями Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина. Певец страдания, нужды и народного горя Некрасов был любимым поэтом Ильи Николаевича и детей Ульяновых».

«В комнате Марии Александровны, — продолжает А. В. Усов, — также много книг, среди которых «История французской революции» Тьера на французском языке, полное собрание сочинений Шекспира на английском языке. В детской — журналы и книги. Дети Ульяновых читали лучшую детскую литературу того времени и классиков. В комнате Александра Ильича, где он провел свои гимназические и студенческие годы, много книг по химии, истории, политической экономии. Здесь он изучал «Капитал» К. Маркса. Революционер, он, бесспорно, оказал влияние на пробуждение у Володи Ульянова интереса к изучению политико-экономических вопросов и общественных явлений. Книги старшего брата, с которым Володя Ульянов проводил много времени, помогая ему ставить химические опыты, часто перемещались в комнату младшего брата. В столовой, где вся семья собиралась по вечерам для чтения, — повсюду книги. Здесь дети Ульяновых по субботам читали и обсуждали

свой домашний журнал «Субботник», который они сами составляли. Володя писал в этот журнал статьи под псевдонимом „Кубышкин“...»

Сохранились ли в Кремлевской библиотеке Владимира Ильича какие-нибудь книги симбирского периода? С полной уверенностью это можно сказать только о двух книгах. Первое место следует уделить книге, которая описана в Каталоге под № 5898. Это — «Немецкие поэты в биографиях и образцах. Под ред. Н. В. Гербеля» (СПб., 1877). На переплете имеется типографским способом сделанная надпись: «За благонравие и успехи, а на форзаце читается следующий текст: «Конференция Симбирской Мариинской женской гимназии, уважая отличные успехи, прилежание и похвальное поведение воспитанницы IV класса Ольги Ульяновой, наградила ее сею книгою при похвальном листе. Симбирск. Июня 8 дня 1884 года. — Начальник Мариинской гимназии Керенский». Далее следуют прочие подписи.

О. И. Ульянова — сестра Владимира Ильича, умершая в Петербурге весной 1891 г. от брюшного тифа. Она была похоронена на Волковом кладбище. В октябре 1893 г. в первом сохранившемся письме к родным Ленин писал: «На Волковом кладбище был вскоре после приезда: там все в сохранности — и крест и венок».¹

Видимо, книга «Немецкие поэты», которой была награждена О. И. Ульянова в 1884 г., позднее перешла к Владимиру Ильичу, как и другая книга сестры, описываемая ниже.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 1.

Можно не сомневаться, что «Немецкие поэты» в доме Ульяновых читались и по вечерам, и в другое время. Может быть, именно отсюда и возникла любовь В. И. Ленина к Гейне и «Фаусту» Гете; эти авторы были у него в сибирской ссылке. В 1921 г. Владимир Ильич просил достать ему на время томика два Гейне и «Фауста» Гете, «по-немецки, лучше бы малого формата», а в каталоге Кремлевской библиотеки Гейне представлен и на русском и на немецком языке, так же как и Гете. По-видимому, с «Немецкими поэтами» у Ленина были связаны особые воспоминания, чем и объясняется сохранение этой книги в его Кремлевской библиотеке.

Другая книга О. И. Ульяновой, также имеющаяся в библиотеке В. И. Ленина, — учебник итальянского языка (на немецком) Mussafia «*Italienische Sprachlehre in Regeln und Beispielen*» (Вена, 1873). Вероятно, по этой книге В. И. Ленин занимался изучением итальянского языка, который он впоследствии знал достаточно хорошо: в его произведениях имеются ссылки на 50 итальянских источников, а в иностранном отделе Кремлевской библиотеки хранятся итальянские книги.

О книжных приобретениях В. И. Ленина в гимназические годы до нас не дошло никаких сведений. Несомненно, больше знаем мы о его книжных покупках, времен студенчества. Несомненно, ему приходилось приобретать университетские учебники и пособия. Среди книг Кремлевской библиотеки сохранилось одно такое издание, по которому Владимир Ильич готовился к экзаменам. Это — книга проф. Ю. Э. Янсона «Теория статистики» (СПб., 1887). В отличие от многих других книг, принадлежавших Ленину и имеющих

только его владельческую помету, на «Теории статистики» сохранилась датированная надпись: «18 $\frac{19}{X}$ 90. В. Ульянов». Надо полагать, этой книгой В. И. Ленин дорожил и возил ее с собой в течение многих лет: она была с ним, как можно думать, и в ссылке, и за границей, — в Кремлевскую библиотеку она поступила в составе женевских книг Владимира Ильича. «Теория статистики» была подробнейшим образом проработана Лениным: на ней сохранилось большое число его подчеркиваний и пометок. К литературной деятельности Ю. Э. Янсона Владимир Ильич относился внимательно: несколько раз цитировал его произведения, а на его «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» как на авторитетное мнение специалиста сослался в своем «Проекте речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе», написанном для социал-демократических депутатов.¹

В письмах Ленина к родным и к другим лицам находится много интересных сведений о том, что он расходовал деньги на приобретение разных книг. Так, в том же первом письме из Петербурга Владимир Ильич писал матери в октябре 1893 г., что за месяц у него ушло 54 р. 30 коп., в том числе и на книги.² В 1895 г. он сообщал матери из Берлина: «...к великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т. п. так велик,

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 131. Ссылки на работы Ю. Э. Янсона см. у В. И. Ленина в тт. 3 (стр. 68 и 155) и 5 (стр. 218—219).

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 2.

что деньги уходят чорт их знает куда».¹ Собираясь возвращаться домой, Ленин просит мать узнать у брата Дмитрия и сестры Марии, не нужны ли им книги.²

По возвращении в Петербург Владимир Ильич уже располагал небольшой библиотекой. Значительная часть ее относилась к вопросу о развитии капитализма в России, особенно интересовавшему в это время Ленина. Видно это из того, что, когда, арестованный вскоре по приезде из-за границы, Ленин в доме предварительного заключения задумал труд на эту тему и послал друзьям на волю список нужных ему для работы печатных изданий, он указывал: «...те, которые есть у меня, отмечаю крестиком».³ Должно быть, у Ленина было тогда уже довольно много книг, потому что в письме к сестре Анне Ильиничне от 16 января 1896 г. из дома предварительного заключения, сообщая, что ему разрешили поставить для книг небольшой ящик в цейхгаузе, он писал: «Все мои книги, конечно, не стоит свозить сюда».⁴ Собирая с помощью родных и друзей материалы, необходимые для принятого научного труда, Владимир Ильич не мог обойтись только фондами разных библиотек: «Некоторые книги придется, конечно, купить, — писал он, — и я думаю, что смогу ассигновать на это некоторую сумму».⁵

И в дальнейших письмах Ленина — из тюрьмы,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 12.

² См. там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 20.

⁵ Там же, стр. 16.

ссылки, из-за границы — встречается немало сведений о книгах, о приобретении, получении их, напоминания о возврате взятых у него изданий и т. д.

В литературе о Ленине неоднократно отмечалось, что при частых переменах места жительства он бывал вынужден расставаться с накопившимися у него в том или ином городе книгами. Лишь немногие из бывших у него до 1917 г. книг сохранились в составе Кремлевской библиотеки. Частично — это те собрания книг Ленина, которые впоследствии Центральному Комитету КПСС удалось уже в советское время получить из-за границы, частично, вероятно, те книги, которыми Владимир Ильич особенно дорожил и даже при переездах с места на место возил с собой. Определить некоторые из этих книг помогают его владельческие пометы, надписи на титульных листах или обложках этих книг. Владельческие пометы делались Владимиром Ильичем в разное время по-разному, и едва ли на всех книгах. У него не было строго и раз навсегда соблюдавшейся формы надписей на книгах для подтверждения принадлежности их ему, и поэтому, как будет показано ниже, некоторые виды владельческих помет встречаются у Ленина и в ранние и в более поздние годы. Существенно, однако, что они у него были. Наличие их на некоторых книгах Кремлевской библиотеки позволяет сделать ряд конкретных наблюдений и определить причины появления подобных помет.

Если проанализировать надписи на книгах, принадлежавших Владимиру Ильичу и описанных в каталоге, наиболее ранняя форма его владельческой пометы была: «Из книг В. Ульянова». В каталоге

Кремлевской библиотеки книг с такой надписью — четыре, причем первые две относятся, возможно, к числу самых ранних приобретений Владимира Ильича. Это — «Психологические этюды» И. М. Сеченова (СПб., 1873) и «Капитал» Маркса, т. II (Гамбург, 1885; на немецком языке). Обе книги имеют пометки, подчеркивания, отчеркивания на ряде страниц.

Третья надпись «Из книг В. Ульянова» относится к значительно более позднему времени и находится на книге К. Кульчицкого (Мазовецкого) «Автономия и федерация в современных конституционных государствах. Перевод с польского А. Паткина» (М., 1907). По-видимому, и этой книгой В. И. Ленин дорожил: на обложке ее — надпись «В. Ульянов», а внутри, на страницах 25, 103 и 137, сделана помета «Из книг В. Ульянова». Можно предположить, что это была мера предосторожности, предпринятая Владимиром Ильичем против любителей зачитывать чужие книги. Сам он был ярким противником подобного отношения к книгам. Характерна в этом смысле надпись Ленина на одной из книг, находящейся сейчас в Центральном партийном архиве и поступившей туда в качестве книги с автографом Владимира Ильича. Это брошюра некоего М. Лидина на немецком языке «Материалы к выяснению партийного кризиса в Российской социал-демократической рабочей партии» (Женева, 1904). Вот эта надпись или, точнее, четыре надписи: «Из книг Лидина?», «Чужой экземпляр. Надо вернуть!!» (дважды подчеркнуто), «Из книг Лидина», «Вернуть Бончу-Бр<уевичу>».

О четвертой книге с надписью «Из книг В. Ульянова» будет сказано ниже.

Некоторые из книг, принадлежавших Ленину в ранний период его жизни, могут быть опознаны по другой помете, представляющей, так сказать, его адрес. Это относится к изданиям, которые Владимир Ильич получал во время пребывания в петербургском доме предварительного заключения. Так, на первом томе «Капитала» (на немецком языке), сохранившемся в Кремлевской библиотеке, есть надпись, сделанная рукою А. И. Ульяновой-Елизаровой: «Владимиру Ульянову». На первом томе «Капитала» Владимир Ильич сделал большое число разных помет, свидетельствующих о длительной, многократной работе над этим произведением.

Такая же «адресная» надпись «Владимиру Ульянову» сохранилась на «Сборнике статистических сведений по Воронежской губернии» (т. 3, вып. 1, Воронеж, 1886). Встретив упоминание об этой книге в списке книг, присланном ему в тюрьму сестрой Анной Ильичиной, Ленин в письме к ней от 16 января 1896 г. писал: «Затем сборники саратовского земства и земско-статистические сборники по Воронежской губернии даны, кажется, на время каким-то статистиком. Может быть, ты узнаешь, можно ли их пока оставить. Сюда везти их сейчас не стоит».¹ В этом же письме Владимир Ильич писал: «Земские сборники (тверские, нижегородские, саратовские) связать в одну кипу по счету, переписывать не стоит: думаю, что эту связку тоже можно поставить в цейхгауз. Тогда бы можно сразу покончить с моими книгами и не хлопотать больше. Из цейхгауза (после просмотра) можно будет

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 20.

получить книги». К слову «кипу» Ленин сделал примечание: «вместе с «Военно-статистическим сборником» и „Сводным“». ¹ «Военно-статистический сборник» сохранился в Кремлевской библиотеке с пометой «Из книг В. Уль<янова>». Это и есть четвертая книга с таким указанием.

«Сводных сборников» в каталоге Кремлевской библиотеки описано три: один — более поздний, изданный в 1897 г., присланный Ленину в ссылку и полученный им 8 ноября 1898 г., и два без каких-либо помет. Так как на «Сводном статистическом сборнике хозяйственных сведений» есть подчеркивания Ленина, можно думать, что в письме Владимира Ильича речь шла о нем.

В одном из более поздних писем Ленин вспоминал о том, что в доме предварительного заключения «после обеда, вечером для отдыха <...> regelmässig брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме». ²

При выходе из заключения Ленин имел довольно много книг и в ссылку повез с собою целый чемодан со всякими печатными материалами, которые были необходимы ему для подготавливавшегося труда «Развитие капитализма в России».

В ряде писем к родным он давал указания о книгах, оставленных в Петербурге и также нужных ему для работы. «Транспорт моих книг, я думаю, — писал он матери в письме от 5 апреля 1897 г. из Красноярска, — можно отправить тотчас, не дожидаясь окон-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 20.

² Там же, стр. 209. R e g e l m ä s s i g — регулярно (нем.).

чательного назначения». ¹ О том, как посылать книги, Ленин писал в письмах от 17 апреля, 18 и 25 мая и др. Его беспокоило долгое путешествие отправленных книг, и он не раз писал об этом матери и сестрам.

Как подсчитано исследователями, в книге «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич использовал 583 различных источника. Было бы крайне интересно проверить по упоминаниям в письмах его к родным и по кремлевскому каталогу, какие из этих источников сохранились в библиотеке Ленина и в каком виде они были им использованы. Это, конечно, относится и ко всем другим его произведениям, — каталог Кремлевской библиотеки дает в этом отношении исключительно богатый и ценный материал.

Как известно, почти в каждом письме к родным из с. Шушенского Ленин просил посылать ему нужные для работы книги. В кремлевском каталоге в разделе статистики описан ряд изданий, полученных Владимиром Ильичем в то время. Они не имеют владельческих помет, но зато на них сохранились даты — вероятно, получения каждой из этих книг. Наиболее ранняя дата — 29.VIII.97 — находится на вып. 3 «Промыслов Владимирской губернии» (М., 1882), наиболее поздняя — 4.XII.98 — на вып. 7 «Сельскохозяйственных статистических сведений по материалам, полученным от хозяев» (СПб., 1897). Всего таких датированных книг в отделе статистики насчитывается до десяти.

Естественно возникает вопрос, по каким источникам устанавливал Владимир Ильич названия нужных

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 29.

ему книг. С юного возраста он привык работать в больших библиотеках и, конечно, неоднократно пользовался библиографическим аппаратом этих книгохранилищ. Можно не сомневаться, что Ленина привлекало удобство систематических каталогов, позволявшее легко ориентироваться в материале и дававшее представление о старой и новой литературе вопроса. Поэтому не удивительно, что в первом же письме, отправленном из с. Шушенского (18 мая 1897 г.), он просит сестру Марию Ильиничну: «Присылай мне всякие каталоги, особенно букинистов и особенно заграничных». ¹ В следующем письме, от 25 мая того же года, Ленин просит А. И. Елизарову: «Посылай мне побольше всяких каталогов от букинистов и т. п. (библиотек, книжных магазинов)». ² Наконец, в письме к ней же от 8 июня 1897 г. Владимир Ильич просил: «Присылай мне побольше всяких «проявлений литературы»: для начала хоть каталогов, проспектов и т. п. Надо написать об них в разные концы, чтобы собрать побольше». ³ Из какого-то источника Ленин узнал о выходе в свет каталога Петровской библиотеки в Москве и сразу запросил мать: «...нельзя ли прислать каталог ее (новый)?» ⁴ Владимира Ильича заинтересовало объявление о выходе в свет литературно-библиографического журнала «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» — он просит прислать ему и этот журнал. Попутно он с огорчением отмечает: «Вообще у меня нет ничего для библиогра-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 38.

² Там же, стр. 42.

³ Там же, стр. 44.

⁴ Там же, стр. 56.

фических справок и для ознакомления с новыми книгами». ¹ Ознакомление с журналом помогло Ленину в подборе литературы для «Развития капитализма в России». Хотя «Известия» понравились ему, ² но дальше Ленин их не выписывал.

Однако в шушенской библиотеке Владимира Ильича были не только специальные научные книги. По воспоминаниям Н. К. Крупской, там находились и произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чернышевского, Гейне, «Фауст» Гете; был там и Тургенев, причем также и на немецком языке.

Ко времени окончания срока ссылки в шушенской библиотеке Ленина накопилось около 500 книг, что составило до 15 пудов багажа. Н. К. Крупская впоследствии вспоминала, что эта небольшая библиотека занимала целый шкаф, на верхних полках которого помещались разные статистические сборники, а на самых нижних — нелегальная литература. Мимоходом Н. К. Крупская упомянула также, что перед отъездом из Шушенского Владимир Ильич «деловито увязывал книги», а во время короткой остановки в Уфе он в первый же день пошел в книжный магазин.

Книги, собранные Владимиром Ильичем в Шушенском, частично были вывезены им за границу, а в настоящее время — вероятно, не в полном составе — находятся в Кремлевской библиотеке; другие были разысканы в Москве и поступили в Музей В. И. Ленина, в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина и другие книгохранилища.

¹ Там же, стр. 58.

² См. там же, стр. 60.

О заграничных книжных собраниях Владимира Ильича до первой революции мы знаем меньше. И опять главным источником наших сведений об этом являются письма Ленина к родным. Так, в одном из первых писем он просит посылать «все имеющиеся» для него книги,¹ в других письмах благодарит за присылку новых книг и журналов, пишет, что «соскучился опять по мирной книжной работе...»² и т. д.

В письме от 2 апреля 1902 г. Владимир Ильич подробно сообщал матери, как поступить с его книгами, еще оставшимися дома. «Насчет книг,— писал он,— попрошу Маяншу <сестру Марию Ильиничну> подождать посылать, пока пришлю новый адрес. За разборку книг очень ей благодарен; немецкие я хотел бы получить сюда только такие, какие не нужны (или даже не могут быть нужны) в России вам или знакомым. Это потому, что немецкие книги здесь я легко достану, в них недостатка нет. А вот в русских здесь недостаток, поэтому просил бы отобрать все возможные и в особый ящик даже всю статистику, о которой я немного начинаю тосковать и думаю всю ее переправить». И далее следует особенно интересное указание Ленина, характеризующее состав книг, предназначенных к отправке ему: «За добавление русских классиков особенно благодарен Маянше».³

Однако в целом письма Владимира Ильича к родным, относящиеся ко времени его первой эмиграции,

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 55, стр. 189.

² Там же, стр. 198.

³ Там же, стр. 219.

содержат меньше материалов о его книжных покупках, о росте его библиотеки и пр., чем письма из ссылки. Мало нового прибавляют и воспоминания Н. К. Крупской. Уезжая осенью 1906 г. в Россию, Ленин передал около двухсот книг из своей библиотеки в женевскую библиотеку и архив РСДРП. Это были книги только по статистике. Позднее они были возвращены в Россию и теперь находятся в составе Кремлевской библиотеки.

Во время пребывания в России и в Финляндии в 1905—1907 гг., в условиях революционной борьбы и затем вынужденной конспирации, Владимир Ильич едва ли имел время и возможность покупать книги, да если они у него и были, то, уходя по льду из Огльбю, он, конечно, ничего не мог взять с собой.

Снова поселившись в 1908 г. в Женеве, а затем в Париже, Владимир Ильич стал уже более систематически собирать книги, и главным образом издания периода революции 1905—1906 гг. Надо полагать, что именно в это время он завел резиновую печатку с французской надписью «Vl. Oulianoff», которую ставил обычно в верхнем правом углу титульного листа книги. В кремлевском каталоге насчитывается свыше ста брошюр и книг с подобной пометой. Наиболее ранняя книга, имеющая надпечатку «Vl. Oulianoff», — анонимная брошюра «Рабочие союзы» (пер. с латыш., Женева, 1902), наиболее поздние: Спектатор «Защита отечества и иностранная политика социал-демократии» (Берн, 1917; на немецком языке) и В. П. Милютин «Рабочий вопрос в сельском хозяйстве России» (Пг., 1917). По этим данным не следует делать заключений о подлинном составе и величине женевской и

других заграничных библиотек Ленина. Они сохранились в далеко не полном виде. Известно, например, что библиотека Ленина в Поронине и в Кракове была очень значительна: польский полицейский чиновник, производивший осмотр библиотеки в квартире Владимира Ильича, в своем донесении определил ее вес в 10 центнеров, то есть она была по величине вчетверо больше шушенской библиотеки. А книги, собранные Владимиром Ильичем в Париже, Лондоне, Мюнхене, либо вовсе не сохранились, либо не могут быть выделены из общей массы книг Кремлевской библиотеки.

Книги за границей Владимир Ильич и покупал и получал из России. В ряде писем он обращается к родным, как во время шушенской ссылки, с просьбой о присылке книг. Некоторые полученные таким образом издания находятся сейчас в Кремлевской библиотеке, например книга Т. В. Локтя «Бюджетная и податная политика России» (М., 1908). Просьба о высылке ее включена Лениным в письмо к сестре Марии Ильичне от 17 февраля 1908 г.; очевидно, она была вскоре за тем получена, и Владимир Ильич проставил в ней штамп «Vl. Oulianoff». Вероятно, таково происхождение и некоторых других книг. Однако несомненно, что и русские и иностранные издания, выходившие в Западной Европе, Ленин приобретал на месте. Как известно, в каждом большом европейском городе тогда, как и сейчас, имелись книжные магазины, в которых можно было доставать русские книги, в частности изданные за границей.

Покупки книг не имели у Ленина ни тогда, ни в какое другое время случайного характера. Он рано при-

учился пользоваться библиографическими справочниками и, как уже было отмечено, особенно ценил систематические каталоги больших библиотек, книжных издательств и магазинов. Из женевского периода до нас дошло несколько таких справочников, бывших в составе библиотеки Владимира Ильича. Это французские «Каталоги библиотеки Фрейбургского педагогического музея» и немецкий «Каталог библиотеки Цюрихского музейного общества». Все эти справочники имеют штамп «VI. Oulianoff» и содержат пометки и подчеркивания, сделанные рукой Ленина.

Попутно следует отметить, что у Владимира Ильича были за границей и русские библиографические справочники, как, например, «Каталог издательства „Посредник“» (М., 1915) и каталоги книгоиздательства «Жизнь и знание» (СПб. и Пг., б. г.). И на этих справочниках Ленин поставил свой французский библиотечный штамп. Не дошел до нас несомненно бывший у Владимира Ильича справочник Н. А. Рубакина «Среди книг», которому Ленин посвятил рецензию, очень важную для понимания его отношения к библиографии.

К числу справочников, находившихся в зарубежных библиотеках В. И. Ленина, следует отнести «Календарь для всех на 1908 год» (СПб., 1907; со штампом и многими пометками) и популярный французский однотомный словарь П. Ларусса — «Маленький иллюстрированный Ларусс» (Париж, 1910; также со штампом).

Кроме штампа «VI. Oulianoff», Владимир Ильич часто в качестве владельческой пометы применял подписи, то французскую — «Lénine», то немецкую или

английскую — «Lenin». Иногда на одном и том же издании встречаются и надпись и штамп. В ряде случаев Владимир Ильич делал помету: «Экземпляр Ленина» (например, на книге «Из истории новейшей русской литературы», М., 1910) или: «Экземпляр Н. Ленина» (на «Письмах Карла Маркса к члену Интернационала Кугельману», СПб., 1907).

Хотя большая часть книг, находившихся в заграничных библиотеках Владимира Ильича, относится к области политической литературы, однако несомненно у него были и издания по литературе художественной и по литературоведению. Их было меньше, не все они до нас дошли, но кое-какие сохранились. О сборнике «Из истории новейшей русской литературы» только что упоминалось. К этой же группе относится книга В. М. Фриче «Художественная литература и капитализм» (М., б.г.; со штампом «Vl. Oulianoff»).

Н. К. Крупская вспоминала, что в Мюнхене Владимиру Ильичу нравились роман Гергарда «У мамы» («Bei Mama») и «Крестьянин» («Büttnerbauer») Поленца. В Кремлевской библиотеке первая из этих книг нашлась; только память слегка изменила Надежде Константиновне: автором романа был А. Гарборг. В эту книгу вложена записка М. И. Ульяновой: «Ник. Сем. экз. Ильича, просьба сохранить. Нового романа пока не нашла. М. У.». О каком «новом романе» идет речь в этой записке, мы не знаем. Может быть, о «Крестьянине» Поленца, а может быть, и о другой книге. Пример с романом А. Гарборга для нас важен в том отношении, что, как видно, не все книги Владимира Ильича имели владельческие пометы. Может быть, он делал их на книгах, которыми дорожил.

В отделах «Художественная литература» и «Издания на иностранных языках» кремлевского каталога есть несколько книг, вышедших до 1917 г., которые хотя и не имеют ни штампа, ни рукописных владельческих помет, но, по всей видимости, принадлежали Владимиру Ильичу. Таковы, например, «Сборник товарищества «Знание» за 1910 год» с повестью М. Горького «Городок Окуров», «Свободные стихотворения Пушкина, Лермонтова и др.», «Карузо» и др. С меньшей уверенностью можно говорить о том, принадлежали ли В. И. Ленину или Н. К. Крупской книги на иностранных языках, находящиеся сейчас в Кремлевской библиотеке, как, например: Бодуэн «Натиск», Бенинь «Девушки, за которыми плохо смотрят», «Антология французских писателей XIX в.» на французском языке, Л. Браун «Печальная вдова» — на немецком, Д. Голсуорси «Человек из Девона» — на английском, А. Фогацаро «Привидение» — на итальянском. Следует указать, что в этом разделе Кремлевской библиотеки находятся такие классики мировой литературы, как, например, П. Корнель, Данте, Дидро, Диккенс, Гейне, Шекспир, Шиллер, Байрон, Гете, Мопассан, В. Гюго и др.

В связи со сказанным целесообразно отметить, что недавно были опубликованы новые архивные данные о том, какие книги читал В. И. Ленин в женевской библиотеке «Общества чтения» в 1905 и в 1908 гг. Оказывается, что, кроме книг по истории французских революций и Парижской коммуны, а также работ Маркса и Энгельса по военным вопросам, Ленин читал Бальзака, Флобера, Гюго, Корнеля и Мопассана. Поэтому можно предположить, что наличие в Кремлев-

ской библиотеке книг некоторых из перечисленных авторов объясняется интересом к ним не Н. К. Крупской, а Ленина.

К началу 1917 г. у Владимира Ильича в Женеве образовалась довольно обширная библиотека, по-видимому осложнявшая домашний быт семьи. В письме от начала 1917 г. Н. К. Крупская полусутоливо жаловалась В. А. Карпинскому, заведовавшему в то время женевской библиотекой и архивом РСДРП: «У нас набралось некоторое количество книг, которые девать некуда, но которые Ильич жалеет отдать совсем (из жадности), будем их посылать в пользование библиотеки. Согласны ли принять в пользование? Раньше, помнится, брали. Послала уже Деборина». Речь здесь шла о незадолго до того вышедшей из печати книге А. М. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» (Пг., 1916). Этой книги в Кремлевской библиотеке сейчас нет, есть ее второе издание, вышедшее уже в советское время.

Письмо Н. К. Крупской интересно не только тем, что отмечает у Ленина типичную черту книголюба — нежелание «из жадности» отдать книги, мешающие поддерживать домашний порядок, но и упоминанием о том, что частичная отсылка книг в партийную библиотеку производилась Лениным и раньше. Возможно, что Н. К. Крупская имела в виду упоминавшуюся выше передачу в партийную библиотеку двухсот книг по статистике в 1905 г.

Рассмотренные до сих пор материалы относятся полностью к досоветскому периоду жизни Владимира Ильича. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции начинается вторая часть истории

Кабинет В. И. Ленина в Шушенском

12

Книгоиздательство Е. Д. Игумова
"МОЛОКОЛЪ".

V. L. OULIANOFF

Первая библиотека

Х. Маркс.

18-е Брюмера
ЛУИ БОНАПАРТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТА Н. А. РОМАНОВА.

цѣна 20 коп.

МОСКВА

1906

Книга из библиотеки В. И. Ленина
с его печаткой (в правом верхнем углу)

его книжного собирательства. Если в дореволюционный период время позволяло, а недостаток материальных средств вынуждал В. И. Ленина усиленно посещать публичные библиотеки, то после 1917 г. положение решительно изменилось: государственная и партийная деятельность давала ему время только на чтение у себя в кабинете, а о работе в библиотеках теперь не могло быть и речи. У Владимира Ильича постепенно образуется большой книжный фонд, составивший основную часть Кремлевской библиотеки.

Подробная история этой библиотеки не написана, о чем приходится очень пожалеть. Кое-какие сведения о том, как Ленин в этот период знакомился с книгами и давал указания о доставлении их ему, дошли до нас в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича, Л. А. Фотиевой и личного библиотекаря Владимира Ильича — Шушаники Никитичны Манучарьянц. Сохранились также и давно уже опубликованы записки и перечни, составлявшиеся Лениным для библиотекаря.

Большое значение для ориентировки Владимира Ильича в потоке выходившей литературы имело то обстоятельство, что он, как сообщает Бонч-Бруевич, в это время узнал о существовании «Книжной летописи», издаваемой Книжной палатой и регулярно оповещающей общественность о всех книгах, изданных за определенный период. «Книжная летопись» начала выходить в июле 1907 г., когда Владимир Ильич находился в Финляндии и ему было не до библиографии. Узководомственное издание, «Книжная летопись» не поступала в дореволюционное время в широкое обращение и не попадала в те иностранные библиотеки, в которых в эмиграции работал Ленин. А если она и

поступала в библиотеки, то отражалась в каталогах, предназначенных только для служебного пользования и для специалистов — главным образом лингвистов и литературоведов, изучавших русский язык и русскую литературу. Неудивительно поэтому, что, узнав от Бонч-Бруевича о существовании «Книжной летописи» и заинтересовавшись ею, Владимир Ильич затребовал комплекты этого журнала с 1917 г. (начиная с № 13) и в дальнейшем внимательно знакомился с ним. В кремлевском каталоге описаны сорок восемь номеров «Книжной летописи» с пометками Ленина о книгах, с которыми он желал познакомиться.

Регулярный просмотр «Книжной летописи» Владимиром Ильичем прекращается в 1920 г., и это совпадает с тем обстоятельством, что Книжная палата, вероятно из-за медленности печатания в то время «Книжной летописи», стала присылать Ленину для скорейшего ознакомления его с новыми книгами непосредственно так называемый «обязательный экземпляр», то есть экземпляр каждого напечатанного в нашей стране издания, в обязательном порядке доставляемого в Книжную палату. Ш. Н. Манучарьянц в статье «В библиотеке Владимира Ильича», являющейся в то же время и рецензией на кремлевский каталог, пишет: «Занятый огромной государственной работой, Ленин всегда находил время для просмотра литературы, присылаемой из Книжной палаты (обязательный экземпляр). Получал Владимир Ильич не только то, что выходило в нашей стране, но и зарубежную литературу как на русском, так и на иностранных языках и сам отмечал, что нужно выписать для библиотеки». Действительно, в кремлевском каталоге есть много

библиографических журналов, издававшихся за рубежом белоэмигрантами: «Русская книга» (Берлин, 1921), «Новая русская книга» (Берлин, 1921—1923), «Новости литературы» (Берлин, 1922), «Вестник русского книжного рынка» (Берлин, 1922) и др. На некоторых из них, например на «Русской книге», есть надписи Владимира Ильича: «Прошу дослать мне отмеченное» или: «Прошу достать подчеркнутое». Два последних из перечисленных журналов Ленин оставил в своем кабинете. Следует здесь указать, что часть просмотренных материалов он возвращал назад в Книжную палату, часть оставлял в своей библиотеке, находившейся рядом с приемной Совета Народных Комиссаров, предполагая, очевидно, в дальнейшем обратиться к этим книгам и журналам, а часть сохранял в рабочем кабинете. В последнюю группу входили издания, которыми чаще всего пользовался Ленин в своей работе. Естественно, что книги, остававшиеся Владимиром Ильичем в библиотеке кабинета, представляют для нас интерес в первую очередь. В кремлевском каталоге они имеют помету «Кабинет».

«Какая же литература находилась в шкафах кабинета Ленина? — пишет Ш. Н. Манучарьянц. — Прежде всего произведения К. Маркса и Ф. Энгельса — на русском и на иностранных языках. Владимир Ильич очень интересовался перепиской Маркса и Энгельса... Значительное место занимали сочинения революционных демократов: Белинского, Добролюбова, Герцена, а также сочинения Плеханова. Я предложила Владимиру Ильичу достать сочинения Чернышевского и переплести их. Он согласился и попросил переплести также сочинения Герцена».

«В кабинете Ленина, — продолжает Ш. Н. Ману-
чарьянц, — были две «вертушки». Это особые вертя-
щиеся этажерки, названные так Владимиром Ильичем
и стоявшие по обе стороны его письменного стола.
Ленин очень оберегал правую вертушку и не сразу до-
пустил меня к ней. На этой вертушке находился спра-
вочный материал, необходимый для повседневной ра-
боты. На ней стояли словари. Здесь же помещались
протоколы съездов партии и материалы к ним; мате-
риалы по пересмотру партийной программы, под ре-
дакцией и с предисловием Ленина; протоколы съездов
Советов; бюллетени конгрессов Коминтерна (II—IV)
на русском, немецком, французском, английском язы-
ках; собрание узаконений и распоряжений рабоче-
крестьянского правительства 1917—1922 годов; стати-
стические справочники и журналы».

Трудно в кратких словах охарактеризовать Крем-
левскую библиотеку Ленина. Трудно потому, что
интересы его были необыкновенно широки и разнооб-
разны, что книг было много, что на десятках и сотнях
книг и журналов есть пометки и подчеркивания Вла-
димира Ильича, заслуживающие пристального изуче-
ния. Насколько разнообразна и своеобразна Кремлев-
ская библиотека Ленина, видно из того, что состав-
ляющие ее книги в каталоге сгруппированы в 31 отдел:
1. Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Лени-
на. Литература о К. Марксе, Ф. Энгельсе и марксизме.
Литература о В. И. Ленине. 2. Коммунистическое дви-
жение. 3. Юношеское коммунистическое движение.
4. Философия. Социология. Психология. 5. Политиче-
ские партии. 6. Женский вопрос. 7. История. 8. Эконо-
мические науки. Политическая экономия. 9. Статисти-

ка. 10. Мировая экономика и международные отношения. 11. Социалистическое строительство СССР. 12. Торговля. Кооперация. 13. Финансы. Государственное страхование. 14. Труд. 15. Государство и право. 16. Военное дело. 17. Естественные науки. Математика. 18. Техника. Промышленность. 19. Сельское хозяйство. 20. Транспорт и связь. 21. Здравоохранение. Медицина. Физическая культура. 22. Культура. Просвещение. Наука. 23. Языкознание. 24. Литературоведение. Художественная литература. Фольклор. 25. Искусство. 26. Атеизм. Наука и религия. Религия. 27. Печать. Книговедение. Библиотечное дело. Библиография. 28. Справочники общего характера. Энциклопедии. Календари. 29. Периодические издания. 30. Карты и атласы. 31. Издания на иностранных языках.

Вполне понятно, что такое суммарное перечисление отделов Кремлевской библиотеки Ленина дает только общее и, конечно, неполное представление о книжных интересах Владимира Ильича. В настоящей работе не может быть поставлена задача всесторонней характеристики и библиотеки, и Ленина как читателя. Это дело не по силам одному человеку, им должен заняться большой коллектив. Поэтому я ограничусь только беглым перечислением некоторых книг, в первую очередь — находившихся в кабинете Владимира Ильича и во вторую — оставленных им в библиотеке; при этом они будут перечисляться только начиная с раздела «Языкознание».

В кабинете Ленина находились «Толковый словарь» Даля, «Словарь украинского языка» (изд. журнала «Киевская старина»), «Русско-украинский» и «Украинско-русский» словари В. Дубровского, «Бол-

гарско-французский» и «Французско-болгарский» словари Н. Маркова, «Учебник болгарского языка» В. Н. Щепкина, «Самоучитель польского языка» Кунце (на немецком языке), «Язык, война и революция» С. И. Карцевского и др. В библиотеке хранились «Новые словечки и старые слова» А. Г. Горнфельда, «Краткое введение в науку о языке» Д. Н. Ушакова, сборник «Русская речь» под ред. Л. Д. Щербы и ряд словарей. Следует в этот перечень включить книгу Андрея Белого «Глоссолалия. Поэма о звуке», описанную в разделе «Литературоведение». Ряд словарей перечислен в разделе «Издания на иностранных языках».

Значительно больше по количеству названий раздел «Литературоведение. Художественная литература. Фольклор». Всего в нем 725 названий, не считая книг, описанных в разделе «Издания на иностранных языках». Если же прибавить свыше 110 книг по литературе и литературоведению на иностранных языках, то окажется, что общее число книг по литературе и литературоведению составляет около 850 названий или 10% всего числа книг Кремлевской библиотеки.

В разделе «Литературоведение» собрано все то, что выходило в первые годы советской власти по этому вопросу. Значительная часть литературоведческих изданий находится в кабинете Владимира Ильича, остальные — в библиотеке. Вероятно, именно количеством и тематикой выходивших в 1918—1923 гг. литературоведческих работ объясняется то, что в кабинете Ленина оказалось 14 изданий о Пушкине, 11 — о Некрасове, 10 — о Короленко, по 9 — о Тургеневе и Достоевском, 8 — об Островском, 7 — о Л. Толстом и т. д. В библиотеке Владимира Ильича находились книги по

устной народной словесности, труды по древнерусской литературе (В. М. Истрина, М. Н. Сперанского), книга А. С. Орлова «Слово о полку Игореве», «Старорусская повесть» Н. К. Пиксанова, «Сатирические журналы XVIII века» А. Н. Афанасьева и т. д. Здесь же находятся книги по истории литературы народов СССР («Белорусская литература» под ред. Н. Я. Янчука, «Очерк истории образованности и литературы татар (до революции 1917 г.)» Д. Валидова, «Райнис. Певец борьбы, солнца и любви» П. Дауге и др.) и ряд работ по литературе Востока, античности, Западной Европы и Америки.

Не было ни одного классика русской литературы, сочинения которого отсутствовали бы в кремлевском кабинете или библиотеке Владимира Ильича, начиная с Фонвизина, Радищева и Карамзина и кончая Короленко и Чеховым. Очень много было в библиотеке и отдельно изданных произведений русских писателей XIX—XX веков, и советских писателей первых лет революции. Все книги И. Эренбурга находились в кабинете Ленина; там же были «Мышиные будни» и «Повести о многих днях» В. Г. Лидина. Шесть книг Маяковского и десять Д. Бедного хранились в библиотеке Владимира Ильича.

Особое внимание проявлял Ленин к эмигрантской литературе, которая за редкими исключениями находилась вся в его кабинете и только несколько сборников — в библиотеке. Здесь много книг И. Наживина, А. Аверченко (в том числе и «Дюжина ножей в спину революции», на которую Ленин написал рецензию), А. Ремизова, Тэффи, Н. А. Лаппо-Данилевской и др. Особенно поражает своим разнообразием раздел ино-

странной литературы, в котором мы встречаем и китайскую лирику, и У. Уитмена; и театр Еврипида, и рубаи Омара Хайяма; и А. Мицкевича, и «Театр Клары Газуль» П. Мериме; и «Приключения барона Мюнхгаузена» Распе, и «Человека-массу» Э. Толлера. Большая часть книг этого раздела находилась в библиотеке Владимира Ильича. В его кабинете хранились трагедии Шекспира, «Итальянские хроники» Стендаля и произведения ряда современных писателей («Дом и мир» Рабиндраната Тагора, «Конченный человек» Дж. Папини и пр.).

В разделе «Искусство» были книги по общим вопросам искусства, по живописи, графике и скульптуре, по музыке, театру, хореографии и т. д. Всего в этом разделе вместе с отдельно описанными иностранными книгами несколько больше ста. Лишь некоторые из них находятся в кабинете Владимира Ильича (например, «Ход конем» Виктора Шкловского, «Художник в русской революции. 1917—1922» и «Русская старина. Архитектура и прикладное искусство» Г. К. Лукомского), остальные хранились в библиотеке.

Много интересного и неожиданного встречаем мы в разделе «Печать. Книговедение. Библиотечное дело. Библиография». Хотя почти все книги данной категории находятся не в кабинете Владимира Ильича, а в его библиотеке, но и самый факт отбора им этих изданий очень любопытен. Среди книг, хранившихся в кабинете, мы находим только «Опыт библиографии Г. В. Плеханова» В. Ваганяна, «Обзор иностранной и русской зарубежной прессы» В. А. Дуцмана, «Каталог русского книжного магазина «Москва» в Берлине и Нью-Йорке» (№ 8. Зима 1921—1922 гг.) и «Указатель

социал-демократической литературы на русском языке. 1883—1905 гг.». В библиотеке же Ленина были в большом количестве каталоги разных книгоиздательств («Прибой», «Всемирная литература», «Скорпион», «Мусaget», «Альциона» и т. д.), библиотек (С.-Петербургского общества грамотности, Московского педагогического собрания), «Библиографический ежегодник» И. В. Владиславлева и т. д. И тут же — «Список болгарских периодических изданий, книг и брошюр» (СПб., 1904, издание Академии наук) и «Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции» С. М. Строева (М., 1841).

В подотделе «Общие вопросы. Газетно-журнальное дело» обращает на себя внимание отчет товарищества «Задруга», на обложке которого Владимир Ильич надписал: «Особо сохранить. Ленин». Рядом помещено описание «Отчетной ведомости Херсонского земского книжного склада за 1900 год» с датой, подписанной рукой Владимира Ильича: «З.V.02.». Это — одна из ранних книг его заграничной библиотеки.

К области библиографии относятся хранящиеся в библиотеке Владимира Ильича книги Б. С. Бондарского «Библиографическая классификация» и «Классификация кооперативной литературы по международной десятичной системе». Следовательно, и этот вопрос интересовал Ленина. Еще более неожиданным представляется наличие в библиотеке Владимира Ильича «Истории книги» В. В. Буша, «Книги» Н. М. Пакуля, «Искусства книги» А. А. Сидорова.

И совсем уж неожиданным оказывается, что Владимира Ильича интересовало и библиофильство в

чистом, так сказать, виде: в его библиотеке находятся брошюра А. И. Малеина и М. Г. Флеера «О редкой книге», «Книжные знаки русских художников. Под ред. Д. И. Митрохина», «Книжные знаки Владимира Изенберга» В. К. Охочинского и «Экслибрис. Краткий исторический очерк книжного знака» Р. Фреймана.

Книжные интересы В. И. Ленина были многогранны и широки. По разнообразию и глубине своих знаний, изучений, исканий это был один из величайших энциклопедистов всех времен. Кремлевская библиотека отражает только самую малую часть прочитанного и продуманного Лениным множества книг. И совершенно ясно, что его книжные интересы были продиктованы не эгоистической любознательностью кабинетного аскета, а безграничной любовью к жизни, к свободе, к борьбе за человеческое счастье. И поэтому нельзя не согласиться со словами Ш. Н. Ману-чарьянц: «Владимир Ильич был страстным книголюбом. Но книга никогда не была для него фетишем, самоцелью. Книга — оружие в борьбе за коммунизм, вот как подходил Ленин к политической и научной литературе». Я бы прибавил: «и к художественной литературе».

К словам человека, близко знавшего Владимира Ильича и видевшего его повседневное, обычное отношение к книге, присутствовавшего при том, как Ленин знакомился с книгами, отбирал их, давал указания, где хранить их, наконец читал и работал с ними, мы должны отнестись с полным доверием.

Да, Ленин был страстным книголюбом. Все то, что мы знаем о роли книги в его жизни, собирании им

книг, его заботах о своей библиотеке, подтверждает слова Ш. Н. Манучарьянц.

Правда она и тогда, когда пишет: «Личная библиотека В. И. Ленина... Одно это название вызывает большой интерес не только у нас, советских людей, но и у всего прогрессивного человечества».

Поэтому книгу о русских книголюбях нельзя не начать с характеристики — хотя бы и беглой — Кремлевской и других библиотек В. И. Ленина, с характеристики В. И. Ленина как книголюбца.

ЛИЧНЫЕ БИБЛИОТЕКИ
ТРЕХ РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
ЛОМОНОСОВА, ПУШКИНА, М. ГОРЬКОГО

1

Читатель! Знаете ли Вы, что такое «цимелий», или «кимелий»? Если не знаете, то не ищите этого слова в старых и новых русских энциклопедиях и словарях иностранных слов: его там нет. Не спрашивайте о нем у ботаников: «кимелий», или «цимелий», — не разновидность камелии. Не думайте также, что оно принадлежит к числу модных слов электронного машиностроения или кибернетики, еще не учтенных составителями словарей.

«Кимелий», или «цимелий», — термин западного библиофильства.

Я встретил его несколько лет назад в таком контексте, из которого не мог установить его смысла и значения. В мои руки попал один из последних номеров довоенного журнала польских библиофилов с очень красивым и не совсем сразу понятным латинским названием «*Silva rerum*»¹ — № 3 за 1939 г. Там был помещен курьезный, написанный в гротескной форме отчет о юбилейном заседании Общества польских библиофилов. Оказывается, у них существовал свой особый ритуал — пародийное воспроизведение распорядка средневековых монашеско-рыцарских орденов — с комически-высокопарными речами, с иронически-торжественными дипломами, с возложением на лиц, удостоивавшихся высокой почести, ордена «Белой вороны», «ленты, с искусно вытканными символами знания, почтения и любви к книгам, то есть инкунабулами с цимелиями, в образе тканых серебром белых ворон».

Естественно, я обратился сначала к одному, затем к другим доступным мне польским словарям, но повсюду был, как говорят библиотечные библиографы, «отказ», — это слово в них не было учтено. Не нашел я его и в латинских словарях.

Из польского контекста, в котором встретился мне «цимелий», можно было заключить, что непонятное слово обозначает нечто имеющее отношение то ли к библиофильству, то ли к истории книгопечатания — раз оно было поставлено рядом с инкунабулами,

¹ «*Silva rerum*» — дословно «лес вещей», в переносном значении «множество», «богатый запас», «неиспользованный, необработанный материал».

книгами, напечатанными в первые пятьдесят лет существования типографского искусства. А выражение «белая ворона» подтверждало, что здесь имеется в виду что-то особенно редкое: словами «реже белой вороны» (на латинском языке — «*albi corvi rarior*») отмечались в старинных библиографических и библиофильских трудах редчайшие книги. Но если слово «инкунабула» я давно и хорошо знал, то «цимелий» долгое время оставался для меня таинственным и интригующим незнакомцем.

Я забыл уже об этом непонятном слове и вдруг неожиданно, в недавно полученном мною немецком «Лексиконе книговедения» Иоахима Кирхнера, увидел слово «*Zimelien*» («цимелии») — с пояснением: «по-гречески: кимелион — драгоценность». В разъяснительной части говорилось, что так называются «библиотечные единицы» — рукописи, книги, гравюры и т. д., — имеющие особенно большую, музейную ценность. И дальше перечислялись виды «кимелий», или «цимелий»: античные папирусы, средневековые иллюминированные (раскрашенные от руки) рукописи, преимущественно так называемые «часовники», ксилографы (книги, напечатанные с гравированных деревянных досок и представляющие первые опыты печатания до изобретения типографского искусства), особенно замечательные инкунабулы, книги из типографий выдающихся книгопечатников, и т. п. —

Таким образом, я понял, что кимелии, или цимелии, — особенно редкие книги какого-либо книжного собрания, его «белые вороны», его «сокровища», «драгоценности». Понял я также, что хотя в языке русских библиофилов не было слова «цимелий», однако соот-

ветствующее ему понятие существовало у них с давних пор. Почти всякая характеристика — не описание в форме каталога, а именно характеристика — библиотеки какого-либо русского библиофила состояла целиком или в значительной части из перечисления «редчайших книг» данного собрания. В одном из первых русских библиофильских журналов «Антиквар» (1902—1903) был даже специальный отдел «Материалы для словаря русских библиофилов», в котором отдельные русские собиратели сообщали сведения о своих библиотеках, а именно сначала указывали общее число книг, затем называли отделы библиотеки и, наконец, с большим или меньшим торжеством перечисляли свои цимелии — «редкости моего собрания».

В библиофильстве, как и во всяком проявлении человеческой психологии, есть свои закономерности, и хотя самое понятие «книжной редкости» очень неустойчиво и изменчиво, все же шаблон, применявшийся в журнале «Антиквар», продолжал существовать в течение многих лет¹ и, в известной мере, существует и сейчас. Как только сходятся два библиофила, сразу между ними завязывается разговор о «редкостях моего собрания», начинается перечисление книг, которыми тот или иной собиратель особенно дорожит и гордится, — это могут быть вовсе не редкие книги, но имеющие дарственные автографы писателей, любопытные владельческие надписи или книжные знаки

¹ Выражение «книжная редкость» встречается уже в «Опыте российской библиографии» В. С. Сопикова, вышедшем в 1813—1821 гг. Особенно популярно оно стало после появления «Русских книжных редкостей» Г. Н. Геннади (СПб., 1872).

(экслибрисы), подтверждающие принадлежность данного экземпляра какому-нибудь знаменитому историческому лицу. Это могут быть также «особые» экземпляры не редких книг — например, напечатанные на лучшей или цветной бумаге, с широкими полями, с необрезанными краями, именные экземпляры, то есть такие, в которых в самом начале, до титульного листа, типографским способом указана фамилия владельца, нумерованные экземпляры, экземпляры с «дополнениями», то есть имеющие какие-либо отличия от обычных экземпляров, в частности гравюры, цветные вкладки и т. д.

Эта традиция характеризовать библиотеку с помощью перечисления цимелий — «редкостей моего собрания» — представляет даже определенный практический и научный интерес: благодаря ей удалось, например, проследить судьбу отдельных экземпляров первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, установить наличие вариантов среди изданий произведений русских писателей XVIII—XX веков, учесть книги, отсутствующие в печатных библиографиях, в крупнейших библиотеках нашей страны и в зарубежных книгохранилищах. Словом, «смешное тщеславие», как обычно говорят, старых библиофилов принесло науке немалую пользу.

Однако, избрав темой настоящего очерка личные библиотеки русских писателей, я вовсе не намерен последовать примеру старинных и современных библиофилов и заняться перечислением принадлежавших тому или иному литературному деятелю книжных редкостей, — это и невозможно, так как чаще всего мы не располагаем подобными сведениями, это излишне,

так как одно «голое» перечисление «цимелей» — как ни любопытно оно порою бывает само по себе, особенно для книголюбца, — не может представить интереса для читателя небиблиофила.

В литературной науке давно уже обращено внимание на изучение библиотек писателей, как сохранившихся полностью или частично, так и известных по различным описаниям и другим источникам: каталогам, спискам или счетам на приобретенные книги, упоминаниям в произведениях, дневниках, письмах писателя, в воспоминаниях о нем, в письмах к нему и пр. Эти данные, а в особенности непосредственное знакомство с экземплярами книг из библиотеки того или иного писателя, почти всегда вносят в наши представления о нем и его творчестве много нового и подчас неожиданного, интересного не только исследователю, но и широкому кругу читателей. Благодаря этому выясняются не только проблемы, привлекавшие внимание автора, но и его отношение к читаемому материалу, проявляющееся в форме помет, надписей на полях (маргиналий), отчеркиваний, подчеркиваний, бумажных закладок, вкладок разного рода (например, газетных вырезок, соответствующих выписок из произведений других писателей), записей на переплете или обложке и пр. Как известно, Л. Н. Толстой часто ставил на полях книг отметки писателям по пятибалльной системе. Все это позволяет судить о методике чтения данного автора, помогает понять, как он собирал материалы для своих произведений, с кем полемизировал, что у кого заимствовал, приоткрывает завесу над приемами его творчества. Дарственные и владельческие надписи на книгах, в частности дати-

рованные, могут определять время знакомства автора с тем или иным произведением, темой, проблемой, литературным фактом.

Поэтому в исследовательской литературе очень часто встречаются статьи, порою даже большие книги о библиотеках писателей. Таковы книги о библиотеках В. И. Ленина, Вольтера, Пушкина и др.

Однако задача данного очерка иная — просто рассказать о том, как собирали свои библиотеки русские писатели, как относились они к книгам, как отражалось их книголюбие в их литературном творчестве, — а когда материалы позволяют, привести высказывания писателей о книгах и библиотеках. Иными словами — этот очерк имеет не библиофильский и не литературоведческий в указанном выше смысле характер, а общекультурный.

Должен предупредить: материалов для этого очерка мною собрано гораздо больше, чем в него включено. Я не ставил своей целью исчерпывающе изложить сведения о библиотеках всех тех русских писателей с древнейших времен и до наших дней, о которых дошли до нас печатные, рукописные и устные известия. И как ни интересны, например, для меня лично и, может быть, еще для небольшого круга читателей данные о книжных собраниях писателей доломановского периода, все же в настоящем очерке я ограничусь рассмотрением материалов о библиотеках только трех великих русских писателей XVIII—XX веков — Ломоносова, Пушкина и М. Горького, так как эти библиотеки, как мне кажется, представляют блестящие образцы русских частных книжных собраний трех веков, трех эпох, трех разных мировоззрений.

Может быть, только в жизни Максима Горького книга играла такую же большую роль, как в жизни Ломоносова. То немного, что нам известно о его юношеских годах, о денисовском периоде его жизни, в основном связано с книгами. Знаменитые «врата учености» Ломоносова — книги, выпрошенные им у соседей — братьев Дудиных и взятые затем в Москву, — положили начало его будущей библиотеке. Это были «Арифметика» Леонтия Магницкого, «Грамматика» Мелетия Смотрицкого и «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого, первые русские книги по точным и филологическим наукам и первая русская печатная книга стихов.

Но можно не сомневаться в том, что в Денисовке, где родился и жил Ломоносов до ухода в Москву, у него была библиотека из рукописных церковных и светских книг на славянском и русском языках. Такие библиотеки и сейчас еще встречаются во многих деревнях Карело-Финской АССР, в Архангельской и Вологодской областях. Известный советский археограф В. И. Малышев и вслед за ним более молодые ученые из года в год ездят в те места и постоянно привозят оттуда ценные и весьма обильные «уловы».

Можно ли назвать те несколько десятков рукописных книг, которые обычно составляют собрание того или иного старика старообрядца, библиотекой? Безусловно. Рукописная русская литература, при всем ее разнообразии и богатстве, в каждый отдельный

период была представлена отбором наиболее читавшихся, наиболее популярных книг, и этот своеобразный «книжный репертуар» и являлся типичной, так сказать, личной библиотекой того времени, каковы бы ни были ее размеры.

Законоспасское училище, в котором учился Ломоносов в Москве, находилось в непосредственном соседстве со Спасским мостом, где производился в те времена книжный торг, где отставные подьячие занимались перепиской наиболее популярных произведений тогдашней русской литературы. Мог ли Ломоносов, так жадно глотавший книги, где бы они ему ни попадались, не поддаться соблазну и не купить какую-нибудь повестушку или, скорее всего, историческую рукописную книгу?

Вызванный в Петербург в Академический университет и приехавший в столицу 2 января 1736 г., Ломоносов из первой же полученной стипендии в конце января того же года покупает первый русский трактат по стиховедению — «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского. Этой книгой Ломоносов так дорожил, что повез ее с собой за границу, тщательно проработал ее там, захватил ее при возвращении и сохранил до конца своей жизни. Одна из немногих подлинных книг библиотеки Ломоносова, она дошла до нас и сейчас находится в Архиве Академии наук СССР.

Представлявшиеся в обязательном порядке заграничные отчеты Ломоносова о занятиях и расходовании стипендиальных денег пестрят указаниями на книги, приобретенные им в Фрейбурге и в Марбурге. Здесь больше всего книг на международном языке

тогдашней науки — на латинском, затем, конечно, на немецком и французском. Позднее Ломоносов приобретал книги и на итальянском, английском, польском и других известных ему языках. По содержанию это были книги самые разнообразные: и по физике и химии, и по медицине, и по философии, и по риторике, и, конечно, по литературе — современной и особенно античной.

Не все свои книги Ломоносов смог захватить с собой при отъезде из Германии в Петербург. Поэтому в письмах к товарищу, дольше задержавшемуся в Марбурге, Ломоносов просил прислать несколько оставленных им книг. Характерно, что это были книги по истории России и по риторике. Сейчас, когда научной деятельности Ломоносова в области точных наук придается такое большое значение, а занятия его гуманитарными предметами — поэзией, филологией и историей — отодвигают на очень далекий задний план, полезно вспомнить заботы великого ученого о получении своих гуманитарных книг из-за границы.

Привезенные Ломоносовым из Германии книги, возможно вместе с сохранившимися из более ранних книг, оставленных им в Петербурге перед отъездом за границу, образовали начальное ядро его библиотеки. Став академиком, Ломоносов получил право и возможность выписывать книги из-за границы через академическую книжную лавку. Сохранилось несколько счетов на книги, выписанные ученым. Тематика заказанных Ломоносовым книг очень разнообразна. Его интересуют во второй период жизни книги, в которых описываются путешествия в неизвестные страны,

новые произведения немецкой и французской литературы, даже сборники песен. Часть таких книг Ломоносов не выписывает, а непосредственно покупает в академической книжной лавке.

Из книг ломоносовской библиотеки, кроме упомянувшегося уже «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» Тредиаковского, до нашего времени дошла еще только одна книга — подаренная ему венгерским ученым Кальмаром «Грамматика древнееврейского языка», им составленная и снабженная посвятителем надписью Ломоносову. Проживая некоторое время в Петербурге, Кальмар встречался с русским поэтом-ученым и оставил ему на память свой труд.

Характеризуя библиотеку какого-либо лица — Ломоносова, Ленина, Пушкина, М. Горького, — мы формально не вправе говорить о том, какие книги читал он в других библиотеках, брал у знакомых, упоминал в своих произведениях. Все это относится к его читанности, а не к составу его библиотеки. Однако степень интенсивности такого чтения — чтения вне собственной библиотеки — и самый читаемый таким образом материал имеют существенное значение. Эти данные дополняют друг друга, знакомство с ними позволяет приводить в связь, казалось бы, разнородные данные, наталкивает на неожиданные наблюдения, соображения и выводы. Поэтому в современной литературной науке никак нельзя ограничиваться, как это было еще не так давно, изучением только библиотеки того или иного писателя (а иногда даже одного ее каталога). Сейчас говорят о «круге чтения» писателя, о сфере его литературных и научных интересов. Ино-

гда, объединяя данные о личной библиотеке писателя со сведениями о прочитанных им книгах, взятых в других местах, создают библиографические исследования, которые, однако, по традиции называют «библиотекой писателя», но уже в более широком смысле этих слов.

Во время празднования 250-летия со дня рождения Ломоносова, в конце 1961 г., вышла в свет книга покойного Г. М. Коровина «Библиотека М. В. Ломоносова». Составитель собрал с совершенно исчерпывающей полнотой все какие только можно было найти в то время в печати и в архивах сведения о книгах, с которыми в какой-либо форме соприкасался Ломоносов — как читатель, как рецензент, как редактор. Полученные таким образом материалы Г. М. Коровин систематизировал и сгруппировал по разным отделам и подробно описал самые книги, что было не всегда легко и просто: техника библиографических записей во времена Ломоносова была много проще, примитивнее, чем наша современная, записи названий книг делались кратко и неточно. Некоторые расшифровки ломоносовских записей особенно удались Г. М. Коровину, и благодаря этому мы сейчас можем с гораздо большей степенью полноты, глубины и точности судить о разных сторонах культурных интересов и разнообразной деятельности великого поэта и ученого.

Перед самым юбилеем Ломоносова и позже Г. Н. Моисеева, с помощью сотрудников Группы XVIII века Пушкинского Дома, обнаружила еще одну большую и совершенно неизвестную сторону в научно-литературной деятельности поэта-ученого: его работу над рукописными материалами по истории

России. Открытые Г. Н. Моисеевой материалы охватывают период с начала 1730-х годов и вплоть до конца жизни Ломоносова. Изучение его подчеркиваний в тексте, отчеркиваний и надписей на полях, употребления разных видов значков — крестиков, решеточек, кружков с точками внутри¹ — все это раскрывает перед нами интереснейшую картину техники научного чтения Ломоносова.

Не только тщательное изучение, но даже простой внимательный просмотр, с одной стороны, сочинений Ломоносова и его рукописных помет, с другой — книги Г. М. Коровина приводит к выводу, что гениальный поэт и ученый был в то же самое время и гениальный читатель. «Библиотека Ломоносова» (в широком смысле слова) — поучительный материал для читателя и писателя любого времени.

Анализ дошедших до нас материалов о библиотеке Ломоносова приводит к заключению, что великий ученый с необыкновенным интересом следил за современной ему научной журналистикой и особенно за теми периодическими изданиями, в которых помещались критические рецензии на нововыходившие книги. На основании этих библиографических сведений он выписывал новые книги. Как это ни покажется невероятным, но литературные интересы Ломоносова выходили далеко за пределы обычных в то время поэти-

¹ Ломоносов усвоил у своих московских и зарубежных учителей приемы подчеркиваний и отметок, вероятно и со своей стороны кое-что добавил, но нельзя думать, что, кроме него, никто больше не применял в России в его время значков для отметок в читаемом тексте.

ческих авторитетов и образцов периода классицизма: в его библиотеке были произведения арабских и древнескандинавских поэтов, португальских и польских писателей, не говоря уже об античных, новолатинских, французских, немецких, итальянских, английских авторах. Ломоносова интересовали сведения о новых археологических открытиях в Италии (Помпея и Геркуланум) и в Малой Азии (Пальмира); он собирал материалы о новонайденных надписях на языках древних народов, населявших Апеннинский полуостров до возникновения Римского государства; в его библиотеке находилось много книг, атласов и иных источников по истории завоевания Америки испанцами и т. д.

Во времена Ломоносова печатных произведений русской художественной литературы почти не было. Изданный в 1750 г. первый том «Собрания разных сочинений и переводов Михайлы Ломоносова» был первым собранием стихотворений в русской литературе, напечатанным гражданским шрифтом. Вся литература того времени, за исключением многочисленных печатных торжественных од, была рукописной. В библиотеке Ломоносова имелись в большом числе рукописные литературные произведения русских авторов: сатиры А. Кантемира, копии различных исторических, географических, юридических и иных памятников древнерусской литературы. С детства превосходно знавший народную поэзию, Ломоносов составил один из первых сборников русских пословиц более чем за четверть века до того, как в русском обществе обнаружился интерес к этому разделу фольклора; к сожалению, этот сборник утрачен.

Приходится все же напомнить, что сама библиотека великого поэта до нас не дошла, не сохранилось также и ее каталога, если он вообще был. Поэтому можно не сомневаться, что воссоздаваемое исследователями представление о библиотеке Ломоносова неточно: в ней, несомненно, были такие книги и рукописи, которые ни разу не упоминались им ни в печатном, ни в письменном виде и поэтому не попали в «Библиотеку Ломоносова» Г. М. Коровина, а в то же время нельзя считать книгами Ломоносова те произведения ученых и писателей, равно как и журналы, которые он брал в Библиотеке Академии наук.

Но и то, что мы знаем сейчас как «библиотеку Ломоносова», имеет важное значение для науки. Изучение ее, начавшееся по-настоящему только в самое последнее время, и лишь по разделу гуманитарных наук, во многом меняет наши традиционные представления о великом русском поэте XVIII века. Нужно думать, что на этом исследователи не остановятся.

В начале 1750-х годов Ломоносов написал одно из лучших своих поэтических творений — поэму «Письмо о пользе стекла», единственное в мировой литературе произведение на эту тему. Перечисляя различные виды применения стекла, Ломоносов говорит о значении очков.

Как это ни может показаться кое-кому комичным, мы редко задумываемся над вопросом о том, когда появились в человеческой истории очки и какое значение для культуры имело это изобретение. Недавно немецкий литературовед, профессор Г. Айз в статье «О темпе работы средневековых немецких поэтов»

(1962) впервые, насколько мне известно, связал вопрос о возрастном ослаблении зрения в период до изобретения очков с так называемым «старческим упадком» литературной производительности писателей периода раннего феодализма. Очки впервые появляются в Европе в конце XIII века и вскоре получают широкое распространение. Ими пользуются сперва более состоятельные люди, — у нас, например, как сообщил мне Д. С. Лихачев, одним из первых стал носить очки Иван Грозный; позже они стали доступны и менее богатым людям, в том числе и писателям. Благодаря употреблению очков, значительно увеличился период творчества писателей, ранее ограниченный временем хорошего зрения.

Употребление очков объясняет еще одно интересное явление в истории человеческой культуры. Известно, что так называемые «парадные» средневековые рукописи писались крупными буквами («уставом», «майускульным унциалом»), а позднее переписчики стали употреблять более мелкие почерки — «полустав», «минускульный унциал», а затем появилась «скоропись». Обычно смена этих шрифтов объясняется «законами саморазвития почерков» — «от крупного к более мелкому». Однако можно предположить, что постепенное применение более мелких почерков-шрифтов объясняется появлением и широким распространением очков.

В поэзии античности и в особенности эпохи Возрождения и барокко был популярен жанр «похвалы». Писались стихи (иногда проза) не только в честь людей, стран, городов и рек, но и различных явлений общественной и индивидуальной жизни, разных пред-

метов и т. д., например «Похвала черному кофе», «Похвала термометру» и даже — в сатирическом плане — «Похвала глупости» гуманиста Эразма Роттердамского и «Гимн бороде» Ломоносова, направленные против реакционного католического и православного духовенства.

Ломоносов, как уже сказано было выше, написал «Письмо о пользе стекла», представляющее, по существу, совокупность то шуточных, то серьезных «похвал» различным предметам, изготавливаемым из стекла, начиная от стаканов и пузырьков для лекарств и кончая громадными астрономическими приборами. Среди этих разных «похвал» находится также и упомянутая «похвала» очкам.

Однако больше, чем стекло в форме очков, прославляет Ломоносов в своей поэме само чтение. Это место в «Письме о пользе стекла» заслуживает того, чтобы его привести полностью:

По долговременном теченьи наших дней
Тупеет зрение ослабленных очей.
Померкшее того не представляет чувство,
Что кажет в тонкостях натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книг;
Скучнее вечной тьмы, тяжелее вериг!
Тогда противен день, веселие — досада.
Одно лишь нам Стекло в сей бедности отрада.
Оно способствием искусных руки
Подать нам зрение умеет чрез очки!
Не дар ли мы в стекле божественный имеем?
Что честь достойную воздать ему коснем?

Приведенные стихи Ломоносова — самое раннее в новой русской поэзии прославление чтения. На первый

взгляд стихи, в которых Ломоносов говорит о «великой сердцу скорби» при утрате возможности читать книги, не содержат ничего особенного. Однако при более внимательном отношении к тексту становится понятным скрытый антицерковный смысл этих стихов. «Вечной тьмой», по учению церкви, является адское пространство, находящееся якобы за пределами мира, освещаемого солнцем (мы и сейчас говорим «тьма крошечная», не предполагая, что это выражение является «вежливой» заменой слов «тьма адская» или «вечная»). А Ломоносов считает, что утрата возможности читать книги «скучнее», то есть неприятнее, досаднее, «вечной тьмы». Эта невозможность читать книги, по словам Ломоносова, «тяжелее вериг» — цепей, гирь, кусков железа, которые носили религиозные фанатики с целью аскетического истязания плоти. Таким образом, простые казалось бы поэтические сравнения Ломоносова являются отражением его светлого, антицерковного, гуманистического мировоззрения. И поэтому совершенным гимном человеческому гению являются последние стихи приведенного отрывка, смысл которых, если связать их с самым началом цитаты, таков: по законам природы («по долговременному теченьи наших дней») человеческое зрение ослабляется, но «способствием искусных руки», при помощи человеческого гения, стекло-очки парализует несправедливость природы, — человек сам создает то, что является «даром божественным». «Похвала стеклу» превращается, таким образом, в «похвалу» гению человека, в «похвалу» человеческой сметливости, изобретательности, а также в «похвалу чтению».

Мы очень долго задержались на рассмотрении материалов о библиотеке Ломоносова, которая представляет для нас интерес как книжное собрание великого русского просветителя — поэта, ученого, общественного деятеля, человека XVIII столетия. Не в меньшей мере привлекает наше пристальное внимание и библиотека гениального Пушкина, величайшего русского человека первой половины XIX века.

«Книги всегда и везде сопутствовали Пушкину, — и мы назвали бы его библиофилом в лучшем значении этого слова», — писал Б. Л. Модзалевский, оставивший полезную, хотя и очень устаревшую работу «Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание)» (СПб., 1910). Его сын Л. Б. Модзалевский под тем же заглавием поместил в «Литературном наследстве» (№ 16—18, 1934) большую статью, дополняющую книгу его отца. Работы Модзалевских представляют собою ценнейший источник для установления круга общественных, литературных и научных интересов Пушкина, для определения возможных связей его творчества с творчеством его русских и зарубежных предшественников и современников, для характеристики его как читателя, исследователя, писателя.

Так, внимательное изучение каталога библиотеки Пушкина показывает, что он тщательно собирал все, что в его время могло дать представление об истории древней и новой русской литературы и фольклора. Мы находим в перечнях книг пушкинской библиотеки многочисленные сборники народных песен, в том числе

«Древние российские стихотворения» Кирши Данилова и знаменитые чулковский и новиковский «Песенники», лубочные сказки, пословицы, Несторову летопись, многочисленные переводы и исследования о «Слове о полку Игореве», произведения Андрея Курбского и переписку его с Иоанном Грозным, сочинения Феофана Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина, Фонвизина, Радищева (включая и «Путешествие из Петербурга в Москву»), Карамзина и почти всех других русских писателей XVIII — начала XIX века. В библиотеке поэта сохранились, хотя и не полностью, старинные русские журналы, начиная с «Ежемесячных сочинений» (1756—1764), «Трудолюбивой пчелы» Сумарокова (1759) и «Праздного времени, в пользу употребленного» (1759—1760). Внимание Пушкина привлекли и сатирические журналы Новикова — «Живописец» и «Кошелек», а также екатерининская «Всякая всячина» и «Барышек Всякия всячины». Можно не сомневаться, что в библиотеке Пушкина был и «Трутень» Новикова, и возможно, его же «Пустомеля», но они не дошли до нас, как и многие другие книги, безусловно бывшие у поэта, например произведения И. А. Крылова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя и пр. Были у него комплекты газеты «Санктпетербургские ведомости» XVIII века за ряд лет. Однако связать приобретение их с его интересом к Пугачеву и к французской революции нельзя: газета у Пушкина была за 1755, 1756, 1758 и 1766 гг.

Естественно, что в собрании Пушкина были библиографические труды по русской литературе: «Опыт российской библиографии» Сопикова, «Роспись

российским книгам из библиотеки для чтения А. Ф. Смирдина» и даже две части «Русской библиотеки» Бакмейстера (на немецком языке). Трудно предположить, что у Пушкина не было «Опыта исторического словаря о российских писателях» Новикова, — вероятно, эта книга до нас не дошла, как и ряд других. Интересен отдел, посвященный истории русской литературы: биографические работы о Грибоедове Ф. В. Булгарина, о Елизавете Кульман А. В. Никитенко, исследования о «Слове о полку Игореве» и переводы его на русский язык, общие работы по истории русской литературы — «Опыт краткой истории русской литературы» Н. И. Греча, «Руководство к изучению русской словесности» П. Е. Георгиевского и др.

Конечно, больше всего в русском отделе пушкинской библиотеки книг по русской художественной литературе начала XIX века и в особенности 20-х и первой половины 30-х годов. Многие книги этого отдела сохранили дарственные надписи авторов или издателей.

На некоторых сам Пушкин отмечал, что книга получена от такого-то автора. Характерно, что у него не было привычки делать на книгах владельческую надпись: она сохранилась на очень небольшом количестве экземпляров (немногим более 15). Своего экслибриса Пушкин не имел.

При более или менее пристальном изучении каталога пушкинской библиотеки становится несомненным, что поэт сознательно приобретал книги петровского времени. У него были «История о разорении града Трои» (1709), «Политиколепная Апофеосис» (1709),

«Одеяния всех ординов воинских» (1710),¹ «Описание коронации Екатерины Алексиевны» (1724), «Копии с указов 1721 года» (1725) и др. Еще больше было у Пушкина книг второй половины XVIII века, — екатерининское царствование его особенно интересовало, и поэтому книги этого периода и исторические исследования о нем представлены в библиотеке поэта довольно полно.

Исследователи отметили, что в библиотеке Пушкина было большое число книг по отделу «Rossica», то есть изданий на иностранных языках о России, ее истории, географии, культуре, литературе. Все эти материалы были нужны ему для задуманных работ по истории Петра и по истории Пугачева.

В пушкинском книжном собрании было много различных справочников и энциклопедических словарей как на русском, так и на иностранных языках, например: один из первых русских энциклопедических словарей «Церковный словарь» Петра Алексеева, двенадцатитомная «Всеобщая немецкая реальная энциклопедия» Брокгауза (1830) и ее продолжение (1832—1834), знаменитая «Энциклопедия» Дидро и Даламбера (35 томов, 1750—1780) и др. Очень много было в библиотеке Пушкина различных лингвистических словарей, начиная от «Словаря Академии Российской» (6 томов, 1789—1794), о котором поэт упоминал в «Евгении Онегине», «Общего церковнославяно-

¹ У Пушкина был экземпляр без титульного листа, и это ввело Б. Л. Модзалевского в заблуждение: в каталоге он описал книгу по первой фразе сохранившегося текста. Точное название этого издания: «История о ординах или чинах воинских».

российского словаря» П. И. Соколова (1834) и т. п. Приобретение этих справочников находится в тесной связи с тем высоким значением, которое придавал поэт славянскому языку. «Как материал словесности, — писал Пушкин в статье «О предисловии г-на Лемонта к переводу басен И. А. Крылова» (1825), — язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими. <...> Сам по себе уже звучный и выразительный, отседе <из древнегреческого> заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

Обращает на себя внимание наличие в библиотеке Пушкина большого числа словарей и грамматик языков западных и южных славян, например польского, чешского, сербского, сербско-вендского, словенского¹ и др. Внимание поэта привлекли «Словацкие песни» (Харьков, 1832), «Письма из Болгарии» В. Теплякова (1833), «Сербские песни» Вука Караджича (как в оригинале, так и в немецких переводах Тальви и П. фон Гетце и во французском — Э. Бояр) и, конечно, «Гусли» («La Guzla») Проспера Мериме, из которых Пушкин перевел свои «Песни западных славян». Заинтересовала Пушкина также книга У. Уилкинсона «Историческая, географическая и политическая кар-

¹ Может быть, и книга «Замок Хайнфельд, или Зима в Нижней Штирии» Бэзила Холла, имеющаяся в библиотеке Пушкина, обратила на себя внимание поэта по той причине, что в Нижней Штирии живут словенцы.

тина Молдавии и Валахии» (Париж, 1824; на французском языке), в которой разрезаны страницы, посвященные нравам и обычаям жителей Молдавии и Валахии и молдавскому языку.

Среди языковедческих материалов библиотеки Пушкина следует выделить группу книг об испанском языке: ряд самоучителей и грамматик испанского языка и несколько словарей — испано-английский и два испано-французских. Наличие этих изданий в библиотеке подтверждает слова отца поэта, С. Л. Пушкина, о том, что Пушкин «выучился в зрелом возрасте по-испански». Как известно, среди пушкинских автографов сохранились два листка с испанским текстом и параллельным французским переводом из новеллы Сервантеса «Цыганочка». В библиотеке Пушкина имеются на испанском языке «Дон Кихот» и «Образцовые новеллы» Сервантеса (последняя книга — в двух изданиях), а также драматические произведения Кальдерона и «Собрание наиболее известных древнеиспанских романсов», то есть всемирно известные «Романсы о Сиде».

Пушкиноведа отыскиали среди автографов поэта листок с записями древнееврейского алфавита, но особенно серьезного значения этой находке не придали. Мимоходом о ней говорит Д. П. Якубович в статье «Пушкин в библиотеке Вольтера» («Литературное наследство», № 16—18) и Т. Г. Зенгер-Цявловская в книге «Рукою Пушкина». Между тем материалы библиотеки поэта свидетельствуют о том, что и в данном случае он проявил самое серьезное отношение к начатому изучению древнееврейского языка. В составе его библиотеки имеется французская Библия с параллель-

ным древнееврейским текстом, изданная в Париже в 1831—1836 гг. и, следовательно, приобретенная поэтом в последний год его жизни; имеется книга профессора древнееврейского языка в Лондонском университете Гаймэна Гурвица («Грамматика древнееврейского языка», 1829) и древнееврейский и халдейский словарь И. Буксторфа в новом издании 1824 г. По-видимому, еще и во французском «Атласе к сочинениям Ж. Ж. Бартелеми», на который ссылается в упомянутой выше заметке Т. Г. Зенгер-Цявловская, находятся материалы по древнееврейскому языку. Наличие в библиотеке Пушкина других изданий Библии, в частности французских переводов книги Иова и апокрифических сочинений Ветхого завета, а также пояснительных, так называемых «библейских» словарей на русском и французском языках показывает, что Пушкин серьезно интересовался поэзией древних евреев и относился к Библии именно как к поэтическому, а не религиозному произведению. Ряд переводов Пушкина из «Песни песней» подтверждает это предположение.

В связи с поэтическим восприятием Пушкиным Библии как памятника восточных литератур становится понятным наличие в его библиотеке «Арабской антологии, или Собрания неизданных арабских стихотворений» (на французском языке), индийской «Панча-Тантры» (на французском), китайской драмы «Чао-ши-ку-эль, или Китайский сирота. С прибавлением китайских новелл и стихотворений» (на французском), «Тысячи и одной ночи» (на французском) и других произведений литератур Азии, например «Гюлистана» и «Пенд-наме» Саади, древнеиндийской драмы «Са-

кунтала», «Шедевров индийского театра» и пр. Была у Пушкина псевдодревнеегипетская «новелла» «Хи-жина в пещере», переведенная на французский язык якобы с «рукописи, избежавшей пожара Александрийской библиотеки Птолемея».

Раздел античных и западноевропейских литератур представлен в пушкинской библиотеке очень подробно и разнообразно. Гомер имеется в ней и на русском, и на европейских языках, и даже в греческом оригинале. В греческом же оригинале находятся Анакреон, «Греческая Антология», из которых поэт сделал ряд переводов, и «Библиотека» Аполлодора Афинского.

Есть, конечно, Овидий, Гораций, Вергилий, Ювенал, Проперций, Катулл, Цезарь, Цицерон, Светоний и другие римские писатели.¹

Европейские литературы занимают еще больше места в библиотеке. Здесь мы находим средневековые французские «Повести веселой науки», «Фаблю XII—XIII веков», «Романы о Ренаре», многотомную «Всеобщую библиотеку романов», содержащую французские и переведенные на французский язык романы XVI—XVIII веков, южноирландские «Волшебные легенды и предания», «Собрание древних и современных шотландских баллад, сказок и песен», «Поэмы Оссиана» (в двух изданиях — 1799 и 1825; переводы из Оссиана Пушкин делал по первому изданию) и многое другое.

¹ У Пушкина были две серии «Латино-французской библиотеки» (Ж. Пьерро и Панкука), в которые входит свыше тридцати томов произведений всех важнейших римских писателей.

Все крупнейшие европейские писатели, начиная с Данте, Боккаччо,¹ Рабле и М. Лютера и кончая современниками Пушкина — О. Бальзаком, Г. Гейне, В. Гюго, А. де Мюссе, А. Мандзони, А. Мицкевичем, Ю. Словацким («Кордиан») и др., — имеются в библиотеке поэта. Особенно много было у него изданий Байрона, Гете, В. Скотта, В. Ирвинга, Вольтера. Шекспир представлен в библиотеке Пушкина как однотомником на английском языке, так и тринадцатитомным французским переводом, по которому, очевидно, поэт контролировал свое чтение в оригинале. Был у Пушкина ряд книг о Шекспире, в том числе и немецкое исследование Т. Эхтермайера, Л. Хеншеля и К. Зимрока «Источники Шекспира в новеллах, сказках и преданиях» (1831).

Среди книг этого отдела встречается много таких, из которых Пушкин делал переводы, например «Полное собрание произведений Клемана Маро», Байрон, Т. Мур, А. Мицкевич и др., или которые упоминаются в его собственных сочинениях, как, например, «Мельмот-скиталец» М. Мэтчюрина, романы С. Ричардсона «Памела», «Кларисса Гарлоу» и «Сэр Чарльз Грандисон», французская «Реляция о подробностях бунта Стеньки Разина» (1672), томик произведений Сэя, несколько книг И. Бенстама и т. д.

Кроме книг по фольклору, художественной литературе, литературоведению и языкознанию, в библиотеке Пушкина было большое количество исторических со-

¹ Отсутствие сочинений Петрарки в библиотеке Пушкина — очевидно, случайность: для него итальянский язык — «язык Петрарки и любви».

чинений — в том числе и по истории России, — трудов по философии,¹ географии, включая описания путешествий и этнографию, а также некоторое число изданий по юриспруденции, естествознанию, медицине, истории церкви и богословию и пр. Общее число сохранившихся книг библиотеки поэта и известных по разным источникам немногим более 1800 названий. Количество томов, по-видимому, было не менее 10—12 тысяч.

Куда девались книги, несомненно бывшие ранее в библиотеке Пушкина, сказать трудно. Одни из них обнаружены в разных государственных и частных собраниях, другие исчезли бесследно, хотя, может быть, фактически они и существуют: отсутствие у Пушкина экслибриса и нелюбовь его к владельческим надписям лишают нас возможности опознать среди множества известных экземпляров той или иной книги тот, который был в библиотеке поэта.

Задумавшийся над тем, что «многих книг, вне всякого сомнения бывших у Пушкина, в ней <библиотеке> не оказалось», Б. Л. Модзалевский писал: «Объяснений этому факту можно найти несколько: во время многочисленных перевозок библиотеки с места на место часть книг могла просто растеряться; несомненно, что после смерти поэта его друзья и знакомые получили «на память» некоторые книги (даже рукописи его, как известно, широко раздавались); многочисленное потомство и родня поэта также, без

¹ В частности, у Пушкина была анонимно изданная книга выдающегося французского философа-материалиста Гельвеция «Об уме» («De l'Esprit»).

сомнения, оставили себе что-нибудь из его книг, по всей вероятности — экземпляры его собственных сочинений». К словам Б. Л. Модзалевского можно прибавить, что, возможно, и лица, описывавшие, по поручению опеки, библиотеку Пушкина, оставляли у себя некоторые экземпляры. Были, вероятно, хищения и в более позднее время. Таким образом, едва ли удастся восстановить библиотеку Пушкина в сколько-нибудь полном виде. Только экземпляры с его надписями и более или менее значительными пометками могут быть обнаруживаемы время от времени в библиотеках, принадлежавших ранее Жуковскому (ныне в Томском университете), Вяземскому, Плетневу и другим близким поэту лицам.

История формирования библиотеки Пушкина недостаточно выяснена. Первые собственные книги появились у него, очевидно, в лицейский период, особенно когда ему стали дарить свои произведения поэты старшего поколения — Жуковский и другие. Была ли у Пушкина сколько-нибудь значительная библиотека в Кишиневе и в Одессе, сведений как будто не сохранилось, но из его писем и мемуарной литературы известно, что в каком-то количестве книги у него там были. Особенно много книг стал Пушкин приобретать в михайловский период и затем после ссылки. Михайловская библиотека поэта была довольно обширна. Существуют сведения — впрочем, не документальные, а полученные устно через 25 лет — о том, что при перевозке ее из Михайловского в Петербург книги были уложены в двадцать четыре ящика, по-видимому большого размера, так как на каждой подводе умещалось только по два ящика. В дальнейшем Пушкин по-

купал много русских и иноязычных книг в книжных магазинах Петербурга и Москвы, как за наличные деньги, так и в долг. Сохранился ряд счетов из магазинов Беллизара, Смирдина и др. Несмотря на то что личная библиотека поэта была, как мы видели, очень богата, он брал много книг для чтения у своих знакомых, например у известного библиофила С. А. Соболевского, у Е. Н. Вревской и других лиц. Пользовался он также библиотекой для чтения Смирдина, ряд книг из которой, как видно по упомянутым в описании Б. Л. Модзалевского экслибрисам, остался в библиотеке Пушкина.

Судьба библиотеки поэта после его смерти была печальна. «Мы слышали, например, — писал Б. Л. Модзалевский, — что некоторое время, уже по выходе Н. Н. Пушкиной за П. П. Ланского, библиотека помещалась в подвалах казарм лейб-гвардии Конного полка (которым Ланской командовал в 1844—1853 гг.), потом была перевезена в с. Ивановское, вскоре проданное, и опять вывезена в другое имение; но около 20 лет тому назад <т. е., по-видимому, в начале 1890-х годов> А. А. Пушкин <внук поэта> вновь приобрел Ивановское, — и книги снова водворились там...» По просьбе академика Л. Н. Майкова А. А. Пушкин в 1899 г. разрешил перевезти остатки библиотеки в Петербург для описания и изучения. Хотя Майков вскоре умер, все же командированный Академией наук Б. Л. Модзалевский перевез библиотеку в 1900 г. в Петербург. Она была доставлена в 35 ящиках и помещена в одной из зал старой Библиотеки Академии наук. В 1906 г. библиотека Пушкина была приобретена для только что основанного Пушкинского

Дома, а затем, когда была организована в качестве мемориального музея квартира Пушкина, книги были перевезены туда и размещены в кабинете поэта — приблизительно на тех же местах, на каких они были при его жизни.¹

Со слов Жуковского известно, что привезенный после дуэли домой поэт, узнав о своем тяжелом положении, обратился к полкам своей библиотеки и произнес: «Прощайте, друзья!» Эти достоверные сведения постепенно превратились в легенду, будто последние слова Пушкина были обращены к книгам: «Прощайте, прощайте!»

Наша краткая история библиотеки Пушкина была бы неполной, если бы мы обошли молчанием вопрос о том, как его книги отразили процесс чтения, процесс его работы над ними.

Как известно из биографии Пушкина, он учился в лицее не особенно хорошо, хотя и сильно выделялся среди своих соучеников литературной одаренностью. Вместе с тем известно, что в годы зрелости он был едва ли не самым образованным из русских людей второй четверти XIX века. Свои знания Пушкин приобрел самообразованием, важность и значение которого он осознал в молодые годы. В известном кишиневском письме к брату Льву Пушкин изложил свое понимание вопроса о роли самообразования. Здесь поэт, между прочим, сформулировал положение, кото-

¹ «План квартиры Пушкина, — пишет Б. Л. Модзалевский, — начерченный Жуковским, с указанием, где и как была расположена в его кабинете библиотека, имеется в Музее А. Ф. Онегина в Париже». Онегинское собрание находится сейчас в Пушкинском Доме.

рое является ключом к решению противоречия между плохой успеваемостью Пушкина в лицее и тем, что впоследствии он стал образованнейшим русским человеком своего (и не только своего) времени. «Чтение — вот лучшее учение», — писал Пушкин брату.

В другом месте он говорил о необходимости в просвещении «быть с веком наравне».

Не отставать от современности, понимать, откликаться и участвовать в живом процессе творимой истории Пушкин мог, только внимательно и постоянно следя за текущей русской и европейской политикой, культурой, наукой и литературой. Именно этим объясняется наличие в его библиотеке в преобладающем количестве книг и журналов второй половины 20-х — первой половины 30-х годов XIX века. Современность была для Пушкина предметом сосредоточенного, настойчивого, вдумчивого ознакомления и изучения. Так, по материалам его библиотеки было установлено, что в последние годы жизни Пушкина особенно интересовала борьба английских рабочих-чартистов за свои права. Сохранившиеся планы ряда исторических работ, в том числе и по истории европейского феодализма, объясняют наличие в библиотеке Пушкина трудов по истории французской революции, его стремление собрать другие необходимые для задуманного исследования источники; и все это приобретает особый смысл и значение, так как идея труда по истории европейского феодализма возникла у Пушкина под непосредственным впечатлением июльской революции 1830 г.

Биографы Пушкина и исследователи его творчества установили, что поэт в основном читал «с пером в

руках». Слова эти надо понимать относительно, так как большая часть пометок Пушкина на книгах сделана карандашом. Вот что писал по этому поводу профессор М. Н. Куфаев, автор превосходной статьи «Пушкин-библиофил»: «Удалось и нам рассматривать эти пометки Пушкина. Некоторые места он подчеркивает в тексте, иные отчеркивает на полях, на полях же ставит разные знаки (NB, !, ?, X и пр.), пишет замечания, иногда несколько фраз. Никакого маранья и небрежности эти заметки не представляют и, за редчайшим исключением, делаются карандашом, а не чернилами. В тех случаях, когда замечание Пушкина должно принять пространную форму, мы видим бережно обрезанные, в уровень с книгой, вкладные листики писчей или почтовой бумаги, покрытые замечаниями Пушкина и вложенные в соответствующие места книги».

Изучение библиотеки Пушкина, несмотря на то что каталог ее был издан Б. Л. Модзалевским более полувека назад, можно сказать, еще находится в начальном периоде. Исследователя ждут буквально на каждом шагу находки и открытия, иногда существенные, порою спорные. Одним из таких наблюдений мне хочется закончить главу о библиотеке Пушкина.

Кто из нас не помнит знаменитых стихов Пушкина из «Медного всадника»:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

Вероятно, однако, не всякий читатель помнит, что к этому месту поэт сделал примечание: «Альгаротти где-

то сказал: „Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу“».

Откуда взял Пушкин эту цитату? Книга Альгаротти «Письма о России» в его библиотеке не сохранилась; не упомянута она и в описи, составленной после смерти поэта опекой. Это, конечно, не значит, что книги Альгаротти Пушкин вообще не имел или не читал, взяв ее у кого-либо из своих знакомых. Однако среди книг, принадлежавших Пушкину и сохранившихся в его библиотеке, находится французское издание начала XIX века «Общая картина современной России» некоего В. С.; эпиграфом к этой книге являются именно те самые слова Альгаротти о Петербурге, которые были использованы Пушкиным в примечании к «Медному всаднику», но в несколько более пространной форме.¹

Случайность ли это? Едва ли можно предположить, что, встретив такой необычный, остроумный эпиграф, Пушкин при его интересе к иноязычной литературе о России не обратил на него внимания и не пожелал познакомиться с книгой Альгаротти. Таким образом, скорее нужно считать случайностью, что «Письма о России» не сохранились в библиотеке Пушкина. Но тогда удивительно, что поэт написал: «Альгаротти где-то сказал». Это могло быть в том случае, когда Пушкин не знал, где именно находятся врезавшиеся в его память слова итальянского писателя.

¹ «С.-Петербург — окно, через которое Россия постоянно смотрит в Европу». Ср. заметку Д. П. Якубовича «Альгаротти» в Полн. собр. соч. А. С. Пушкина, т. VI, М.—Л., 1931, стр. 33.

О библиотеке М. Горького сведений в печати имеется гораздо меньше, чем следовало бы и можно было бы ожидать. Как это ни прискорбно, но ни каталога, ни даже краткого описания ее до сих пор не издано. А между тем для изучения биографии и — особенно — творчества М. Горького его библиотека представляет источник исключительной важности.

В настоящее время в Москве, в последней квартире писателя (ул. Качалова, № 6), находится его библиотека, насчитывающая до 10 000 томов. В нее вошла небольшая коллекция книг, бывшая на подмосковной даче Горького в Горках и состоявшая из 722 названий (около 1500 томов). Однако по этим цифрам никак нельзя судить о действительных размерах того, что мы понимаем под библиотекой М. Горького. Если бы собрать все те книги, которые в разное время принадлежали ему или были взяты им на прочтение в библиотеках других лиц или в общественных, получились бы совершенно ошеломляющие данные.

Из произведений самого писателя, из его переписки и воспоминаний о нем известно, с какой страстью и, по его словам, «ненасытной жадностью» читал Горький книги с самого раннего возраста, как постепенно стал он приобретать их — за деньги и иными способами (вспомним его признание о том, как у него очутилась дразнившая его воображение книга грузинского писателя начала XVIII века Сулхана-Сабы Орбелиани, названная в русском переводе «О мудрости вымысла» или «О мудрости лжи»). Но приобретенные книги не оставались в это время у Горького: скиталь-

ческий образ жизни не давал ему возможности собирать настоящую библиотеку. В лучшем случае в его дорожной котомке оказывались Евангелие и «еще какие-то две-три книжки безвредные», как вспоминал он впоследствии в письме к одному из своих биографов. Можно, однако, усомниться в том, были ли книжки, которые Горький носил с собой, просто «безвредными», — такими они могли быть сочтены полицией при его аресте; вероятно, это были книги, которые ему почему-то особенно нравились. «Быть писателем, — об этом я тогда еще не мечтал, — писал позднее Горький. — Писатель в моем представлении — чародей, которому открыты все тайны жизни, все сердца. Хорошая книга, точно смычок великого артиста, касается моего сердца, и оно поет, стонет от гнева и скорби, радуется, — если этого захочет писатель».

У нас нет достаточных данных, чтобы точно установить, что читал в эти годы Горький. Было ли его чтение систематическим или бессистемным — сказать трудно. Скорее всего оно было и тем и другим, то есть Горький читал то, что его интересовало в тот или иной момент, и в этом была своя логика, своя система. Несомненно только одно, что в эти ранние годы Горький внимательно читал и изучал произведения классиков мировой литературы. Вероятно, не случайно герой рассказа «Читатель» (1898), безымянный ночной собеседник автора, обращается к нему с такой тирадой: «Когда-то среди нас жили великие мастера слова, тонкие знатоки жизни и человеческой души, люди, одаренные неукротимым стремлением к совершенствованию бытия, одухотворенные глубокой верой в человека. Они создавали книги, которых никогда не

коснется забвение, ибо в книгах тех запечатлены вечные истины, нетленной красотой веет с их страниц. Образы, начертанные в тех книгах, живы, они одушевлены силой вдохновения. В тех книгах есть и мужество, и гнев пылающий, в них звучит любовь искренняя и свободная, и ни одного лишнего слова нет в них. Оттуда, я знаю, ты черпал пищу душе своей...»

Исследователей творчества М. Горького всегда поражала его феноменальная начитанность и еще более феноменальная память. Можно предположить, что лишь тогда, когда наконец будет издана книга «Круг чтения М. Горького», в которую войдут сведения обо всех прочитанных им в течение всей жизни художественных и научных произведениях, мы по-настоящему сможем оценить труд Горького как читателя.

Библиотека в прямом смысле появилась у Горького в конце 90-х годов, в нижегородский период его жизни. Однако и здесь Горький оказался больше читателем, чем собирателем книг. От прочитанных произведений его сейчас же тянуло к новым: прочитанными — по крайней мере, частью их — он не особенно дорожил и поэтому с легким сердцем с ними расставался. Так, например, в «Отчете Нижегородской городской общественной библиотеки за 1900 год» (Нижний Новгород, 1901) сообщалось, что в отчетном году от А. М. Пешкова (М. Горького) поступило в библиотеку 71 название книг в 75 томах; в 1901 г. Горький подарил библиотеке 214 названий в 298 томах; в 1902 г. поступило книг от Горького 161; а в 1903 и 1904 гг. соответственно — 145 и 94. После отъезда из России Горький еще дважды — в 1909 и 1910 гг. — посылал книги в Нижегородскую городскую общественную би-

блиотеку — 7 и 173. Итого Горький подарил ей 953 книги.

Большая часть этих книг имеет различные пометки Горького. Профессор Д. А. Балика, первый исследователь этой коллекции, писал, что «при ознакомлении с ними <подаренными библиотеке изданиями> поражает богатство подбора книг, прочитанных А. М. с карандашом в руках. Тут и труды по политической экономии, и обилие книг по истории разных стран и народов, и исследования по искусству, книги о верованиях и преданиях народа, труды по естествознанию и медицине, не говоря уже о том, что среди книг представлена классическая художественная литература от Древней Греции до XX века».

Отметив, что среди переданных Горьким изданий большое число книг было по разделу философии, Д. А. Балика останавливается на характеристике одного из трудов по истории философии, по-видимому особенно привлечшего внимание писателя. «Книгу Кирхнера «История философии» А. М. Горький читал всю и читал с карандашом в руках не раз. Об этом свидетельствуют его пометки на страницах книги лиловым карандашом, а во второй раз — черным. Подчеркивания в тексте, отчеркивания на полях, нотабене и, наконец, надписи говорят о подлинном изучении истории философии, о выяснении Алексеем Максимовичем ряда вопросов, изложенных в данной книге».

В другой своей работе — в статье «Горький над страницами философских книг (по неизданным материалам)» — профессор Балика еще подробнее говорит о пометках писателя на подаренных Нижегородской библиотеке изданиях. Из этих материалов видно, что

Горький без огорчения расставался не только с прочитанными книгами, но и со своими записями о них, не считая нужным сохранять их для повторного чтения, для возобновления своих впечатлений и восстановления в памяти мыслей, возникавших в процессе знакомства с той или иной работой.

Пребывание Горького с 1906 г. по 1914 г. за границей лишило его возможности покупать все те книги, которые выходили в России в большом числе после революции 1905 г. и которые по разным причинам привлекали его внимание. Однако из его писем к К. П. Пятницкому, И. П. Ладыжникову, С. Боголюбову, Б. Лезину и др., относящихся к каприйскому периоду жизни Горького, видно, что он довольно внимательно следил за появлявшимися книгами и просил своих корреспондентов приобретать и присылать ему все интересовавшее его в области художественной и научной литературы.

Каковы были размеры каприйской библиотеки М. Горького и какая судьба постигла ее, нам неизвестно.

Вернувшись в Петербург в самом начале 1914 г. и поселившись в квартире на Кронверкском проспекте (ныне проспект М. Горького), великий писатель начал собирать книги с особенным увлечением. В мемуарах многих лиц, писавших о своих встречах с Горьким и посещениях его квартиры, почти всегда упоминается о его библиотеке, о ее размерах, любви писателя к своему собранию, его «походах» в книжные магазины на Литейном проспекте, его внимательном и доброжелательном отношении к букинистам, деятельность которых он высоко ценил.

О петроградской библиотеке Горького известно, что после отъезда его за границу часть ее была по его просьбе отправлена к нему в Сорренто; другая часть хранилась в ящиках на каких-то складах. Точная судьба ее неизвестна.

В Сорренто Горький вновь стал формировать библиотеку, выписывая большое количество книг из Советского Союза и получая много изданий от авторов. Покидая Италию, он, как сообщают некоторые источники, взял с собой только часть книг, в основном те, которые были присланы ему из Петрограда. Некоторые из книг этой группы, по имеющимся печатным сведениям, будто бы были приобретены Алексеем Максимовичем еще в юношеские годы и будто бы он не расставался с ними в течение всей жизни. Мне кажется, что факты биографии Горького противоречат этому утверждению. Ответ мы сможем получить только после того, как будет подробно описана и изучена его московская библиотека. Существует мнение, будто оставшуюся в Сорренто часть книг, принадлежавших Горькому, приобрел профессор славянских литератур в Римском университете Этторе Ло Гатто, большой знаток, любитель и превосходный переводчик русской литературы на итальянский язык. Однако на мой запрос об этом профессор Ло Гатто ответил отрицательно.

По возвращении из-за границы М. Горький стал собирать книги с особенной настойчивостью и размахом. Именно в эти годы сложилась его московская библиотека. Из разрозненных свидетельств его биографов и мемуаристов можно заключить, что в эти годы Горький принадлежал к числу тех читателей, которые могут читать и с особым чувством и продуктивностью читают

только книги собственной библиотеки. Ведь при авторитете и связях Горького он мог получить любую оставившую на себе его внимание книгу, даже самую редкую, из Ленинской библиотеки или из какого-либо другого крупного государственного книгохранилища, или, наконец, от какого-нибудь своего знакомого собирателя книг. А между тем мы знаем, что всякую заинтересовавшую его книжную новинку или ставшую ему известной старую работу Горький стремился приобрести. Объяснить эту тягу к приобретению «нужных» книг можно прежде всего тем уже известным нам обстоятельством, что Горький любил читать — вернее сказать, мог читать — только с карандашом в руках, живо и незамедлительно реагируя на читаемое, делая пометки, исправляя опечатки и неряшливости языка писателя, возражая, полемизируя с автором или выражая свое согласие с его мыслями. В чужих экземплярах, в особенности взятых из государственных книгохранилищ, Горький не мог позволить себе что-либо подобное и, следовательно, просто не мог их читать.

Директор московской Книжной лавки писателей, ныне покойный Д. С. Айзенштат, пишет: «Диапазон книжных интересов Горького был поистине необъятен, ничто новое в области мысли, культуры, литературы и искусства не проходило мимо него. Но все же главная линия книжного собирательства вела его к материалам русской истории и русского народного быта. Особенно влекло его к отделу этнографии и фольклора, где были собраны все сборники Киреевского, Бессонова, Афанасьева, Шейна, Ореста Миллера, Ончукова, Гильфердинга, Кирши Данилова и других. Рядом с этими собраниями песен и сказок нашли себе

Место исследования о русском народном творчестве. А еще рядом стояли книги и брошюры, подчас весьма редкие, в которых отражались своеобразные и оригинальные черты русского быта. Здесь был и «Пансальвин, князь тьмы» (1809), и «26 московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков», и «Житие Ивана Яковлевича, московского юродивого», и «История кабаков в России», «Нищие на святой Руси» Прижова».

Далее Д. С. Айзенштат сообщал о том, что «на нескольких полках горьковской библиотеки расположились книги по истории русских земель, областей и городов, — отдел этот неизменно пользовался особым вниманием Алексея Максимовича, в особенности в отношении родных приволжских мест. Рядом — книги и материалы по истории русской промышленности как дореволюционной, так и советской. В процессе работы над этими книгами, вероятно, зародилась мысль об издании «Истории фабрик и заводов» и о журнале «Наши достижения». Последние годы особое внимание Алексей Максимович уделял подбору литературы по крестьянскому вопросу, в связи с тем что он задумал грандиозное издание «Истории деревни».

Можно было бы привести еще немало других свидетельств об интересах М. Горького как читателя и покупателя книг, — все они, дополняя друг друга в отношении конкретного материала, подтверждают его собственные слова: «Чтение — высокое удовольствие для культурного человека, — я ценю книгу, — она моя дорогая привычка».

Но, ценя и любя книгу, и в этот период Горький относился к ней очень своеобразно. В. А. Десницкий, имевший возможность наблюдать в течение многих лет

Горького в домашней обстановке, — сам выдающийся русский книголюб и владелец одной из богатейших русских библиотек советского периода, — не без некоторого упрека писал: «Все новое, выходявшее на русском языке, можно было найти в его библиотеке. Но жадности владельца-скопидама к этой книге, новой, он не проявлял, скорее наоборот — страдал вредной для него самого расточительностью. Прочитанную им книгу всякий его знакомый мог брать свободно, уносить с собой и не возвращать». К. И. Чуковский в своих воспоминаниях о Горьком писал, что Алексею Максимовичу доставляло особое удовольствие дарить знакомым книги из своей библиотеки по тем темам, над которыми они в данный момент работали. И. Я. Айзеншток рассказал мне следующее: приехав в самом начале 20-х годов юношей в Петроград и имея поручение из Харькова передать Горькому письмо, он в беседе с Алексеем Максимовичем на вопрос последнего, чем он занимается, ответил, что изучает жизнь и творчество Шевченко; Горький, не прерывая разговора, подошел к полкам своей библиотеки (они стояли не вдоль стен, а перпендикулярно к ним), отобрал большую пачку книг и брошюр и подал их молодому гостю. Это были материалы о Шевченко. Когда растерявшийся юноша наотрез отказался взять подарок, Горький был по-настоящему огорчен.

Все это позволяет согласиться с характеристикой, данной библиотеке писателя Д. С. Айзенштамом: «Таким образом, библиотека Горького имела живой, текучий характер и являлась не столько собранием книг коллекционера, сколько сокровищницей, доступной для всех и каждого».

Из материалов о Горьком как читателе и собирателе книг, частично приведенных выше, может создаться впечатление, что он был равнодушен к прочитанным книгам. Такой вывод был бы поспешным и неверным. По-видимому, определенными книгами он все же дорожил и не желал с ними расставаться. Так, например, в списке книг, подаренных Горьким Нижегородской городской общественной библиотеке, из 953 томов нет ни одной книги по фольклору.¹ Это показывает, что с материалами о русском народном творчестве писатель не желал расставаться и сохранял их у себя. Любопытно отметить, что книгу «26 московских лжепророков, лжеуродивых, дур и дураков» М. Горький в 1901 г. подарил Нижегородской библиотеке, а впоследствии, как видно из приведенной выше справки Д. С. Айзенштата, приобрел вновь.

В. А. Десницкий отметил еще одну любопытную особенность книжного собирательства М. Горького: «Но в эти же <нижегородские> годы было у него и другое отношение к книге, которое носило характер своего рода библиофильства. Был интерес к старой и старинной книге, к книге «редкой», и эти «редкие» книги он не так охотно выпускал из своих рук, следил за их судьбой, берег, даже не всем и показывал. Но и такое собирательство определялось у него прежде всего глубоким и серьезным, постоянным интересом к литературе и к истории вообще, к русскому историче-

¹ Д. А. Балака указывает две книги по фольклору: А. Е. Богданович. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Этнографический очерк. Гродно, 1895, и В. И. Михайлов. Обряды и обычаи чуваш. СПб., 1907. — Обе книги относятся к отделу не фольклора, а этнографии.

скому прошлому и к русской литературе в частности. «Редкости» подбирались и хранились им из этих областей... При этом на некоторых книжках подобного порядка собственной рукой владельца были сделаны даже пометки: «редка», «книжка весьма редкая»...»

Как своеобразно и альтруистично ни было отношение Горького к собственной библиотеке, как ни характеризовало оно его в качестве человека большой души, исключительной благожелательности и уважения к людям, все же приходится очень жалеть о том, что великий писатель так щедро — как говорится, направо и налево — раздавал книги. В результате такого распыления горьковской библиотеки для науки утрачены многие ценные данные по истории создания ряда художественных и публицистических произведений великого писателя. Хорошо еще, что книги, подаренные им Нижегородской библиотеке, составили «Отдел М. Горького» и благодаря этому сохранились и доступны для изучения. А как учесть и обнаружить те сотни и тысячи книг и брошюр, которые он с такой готовностью и душевной теплотой раздавал знакомым и почти незнакомым людям?

Какое исключительно важное значение имеет изучение работы М. Горького над читанными им книгами, можно заключить по статье И. М. Касаткиной «О пометах А. М. Горького на книгах его личной библиотеки в Горках». Правда, библиотека писателя в Горках имела несколько иной характер, чем московская. Это была, как указывает И. М. Касаткина, вспомогательная, подручная библиотека, которой Горький пользовался во время работы над произведениями, писавшимися на его подмосковной даче с 1931 по 1936 г.

Поэтому подбор книг здесь особый, специальный. Например, в работе над статьей «О женщине» (1934) М. Горький использовал ряд старых и новых книг, начиная с «Исторических судеб женщины» С. С. Шашкова (СПб., 1871) и диссертации С. В. Ешевского «К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века» (М., 1855) и кончая изданными в советское время трудами археолога П. П. Ефименко «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (Л., 1931) и С. Г. Лозинского «История папства» (М., 1934). «На страницах этих и ряда других книг, — пишет И. М. Касаткина, — имеются многочисленные пометы Горького, относящиеся к теме названной статьи».

Еще более интересные сведения сообщает И. М. Касаткина о том, как Горький писал четвертую часть «Жизни Клима Самгина». Исследовательница указывает, что «отмеченные тексты в книгах разных авторов Горький часто приводит в своем произведении как цитаты, нередко вводит эти тексты в живую речь действующих лиц. Материалы библиотеки часто помогали писателю документировать «хронику» событий».

Работы, подобные статьям Д. А. Балики «Горький над страницами философских книг» и И. М. Касаткиной «О пометах А. М. Горького на книгах его личной библиотеки в Горках», являются только началом большого и важного исследования о роли книжных источников в творчестве великого писателя.

Имеют значение и другого характера работы, как, например, статья Л. Ульрих «Интерес М. Горького к Востоку». Автор этого небольшого, но богатого материалами исследования, опираясь на печатные источ-

ники — как произведения Горького, так и книги его московской библиотеки, — установил, что интерес к Востоку, его культуре, искусству и литературе был присущ великому писателю с юных лет и до последних дней его жизни, и, в частности, внимание Горького привлекал Узбекистан, его население, нравы, история. Но с таким же основанием и с такими же положительными результатами можно исследовать интерес Горького к славянам, народам Прибалтики, Кавказа, евреям, татарам и т. д. И все эти и многие другие литературные, этнографические и исторические интересы писателя отразились на составе его библиотеки, на подборе книг, которые он передал Нижегородской библиотеке, которые он дарил или предлагал разным лицам. Д. А. Балаки в статье «Горький над страницами философских книг» отметил, например, что еще до революции 1905 г. в Нижегородскую библиотеку от Горького поступили «разнообразные издания и на национальные темы: армянский вопрос, еврейский вопрос, положение евреев в России, украинский вопрос, жизнь национальностей в России представлены большим числом работ. Любопытно, что из книг по художественной литературе Горький дарит не только русских и западноевропейских классиков, но и писателей украинских (Коцюбинский, Шевченко, Иван Франко, П. Кулиш), армянских, грузинских, еврейских и др.».

Изучение библиотеки Горького дает представление не только о ее составе, об интересах писателя, источниках его произведений, но и о самом процессе его работы как читателя. «Горький, — пишет И. М. Касаткина, — любил подчеркивать отдельные слова или группы слов. При этом он так искусно выделял главные,

узловые моменты, что последовательное прочтение подчеркнутых им слов дает сжатый, ясный конспект прочитанного».

Останавливается И. М. Касаткина и на других особенностях работы Горького над книгой. «Одним из специфических приемов Горького-читателя, — продолжает она, — является применение бумажных закладок небольшого формата, которые он обычно заготавливал на своем письменном столе. На этих же листочках писатель делал свои критические замечания, указывая нужные ему страницы прочитанной книги. Часто на форзаце книги Горький указывал и тему, затронутую на отмеченной им странице». На самих же страницах Горький делал особые пометы.

Об этих последних И. М. Касаткина пишет: «Из знаков на полях Горький чаще всего употреблял «птички», или «галочки», затем знак «нотабене»; широко применял он вопросительный и восклицательный знаки. Нередко на полях книг встречаются сдвоенные знаки. Свои пометы Горький всегда делал цветными карандашами, преимущественно красным и синим. Очень часто в сдвоенных знаках он делал один знак красным карандашом, другой — синим».

По-видимому, Горький обратил внимание на метод своей работы как читателя. И. М. Касаткина указывает, что в четвертой части «Жизни Клима Самгина» Горький отмечает особенность библиотеки одной героини: «все читано с карандашом, вложены записочки, что где искать».

Выработал ли Горький свой собственный метод работы над книгой и перенес его на Марину Зотову или сам усвоил эти приемы от других лиц, не так, в конце

концов, существенно. Интересно и важно, что так он работал и, очевидно, эта система его удовлетворяла.

Еще существеннее то, что подобный метод работы может быть с пользой и успехом применен другими лицами. Горький не раз говорил, что надо всегда и во всем учиться работать, учиться делать.

5

Охарактеризовать в небольшой статье библиотеки трех великих русских писателей, живших в три разные эпохи и сильно отличавшихся друг от друга своими философскими, политическими и эстетическими взглядами, — задача трудная, и, я думаю, мне не раз придется еще дополнять и пересматривать этот очерк. Трудность написания его, помимо обилия и разнообразия материала, подлежащего обработке, состояла еще и в следующем: я сознательно избегал включения в текст общеизвестных цитат, как, например, характеристики чтения Евгения Онегина («Хранили многие страницы...») или обязательных для каждой статьи на тему «Горький и книга» фраз о том, что лучшим, что в нем есть, Горький обязан книге или что книга — величайшее из чудес. Я не считал возможным вводить эти цитаты в текст статьи, потому что, во-первых, они общеизвестны и любой читатель ждет их, иногда с раздражением, иногда с сокрушением, считая их своеобразным «принудительным ассортиментом», и во-вторых — они неверны по существу. Горький не раз с гневом говорил о книгах вредных, например о книгах человеконенавистников, мракобесов, фашистов, рели-

гиозных изуверов, о книгах пессимистов, индивидуалистов, антидемократов; он постоянно возмущался серыми, бездарными, тусклыми произведениями писателей-ремесленников, книгами холодными, ненужными. И поэтому его слова о книге — величайшем чуде и о том, что лучшим в себе он обязан книге, нельзя принимать без ограничений, без поправок. Вернее было бы сказать, что лучшим в себе Горький был обязан глубокой связи с народом и вере в народ, в его созидательные силы, в то высокое и непреходяще ценное, которое несет в себе коллективный разум, коллективная совесть народа. Именно этим объясняется постоянный интерес Горького к фольклору, этнографии и истории быта русского и других народов; это же проливает свет на его восторженное отношение к произведениям классиков мировой, в том числе и русской литературы.

Но если мы вспомним то, что говорилось выше о составе библиотек Ломоносова и Пушкина, мы увидим, что и у них был такой же глубокий и постоянный интерес к народному творчеству и классической литературе. Привлекала внимание всех трех великих русских писателей история русская и всемирная, философия, география (описательная и политическая).

Сопоставляя данные о методах работы над книгой всех трех писателей, мы, думаю, не без удивления должны будем признать, что в их манере читать и изучать материал, в их творческих приемах чтения есть много общего и практически интересного.

Наконец, мы заметим, что много поразительно общего есть и в том, какие книги собирали три великих русских писателя. Они внимательно следили за совре-

менностью — политической, научной, литературной, философской — и стремились быть в курсе всего нового в широкой области русской и мировой культуры. Вместе с тем они исключительно высоко ценили литературное наследие прошлого и отводили в своих библиотеках значительное место памятникам родной и мировой литературы. Ни пренебрежения к прошлому, ни равнодушия к современности не проявляли они в подборе книг своих библиотек. Книголюбыв в прямом и лучшем значении этого слова, они не приобретали книг только за их редкость. «Цимелий», как таковых, не было ни у одного из трех великих писателей.

Но как интересны, как поучительны материалы об их библиотеках и без «цимелий», без «редкостей моего собрания»!

**СТАРИННЫЕ
РУССКИЕ БИБЛИОФИЛЫ
И СОВЕТСКИЕ КНИГОЛЮБЫ**

1

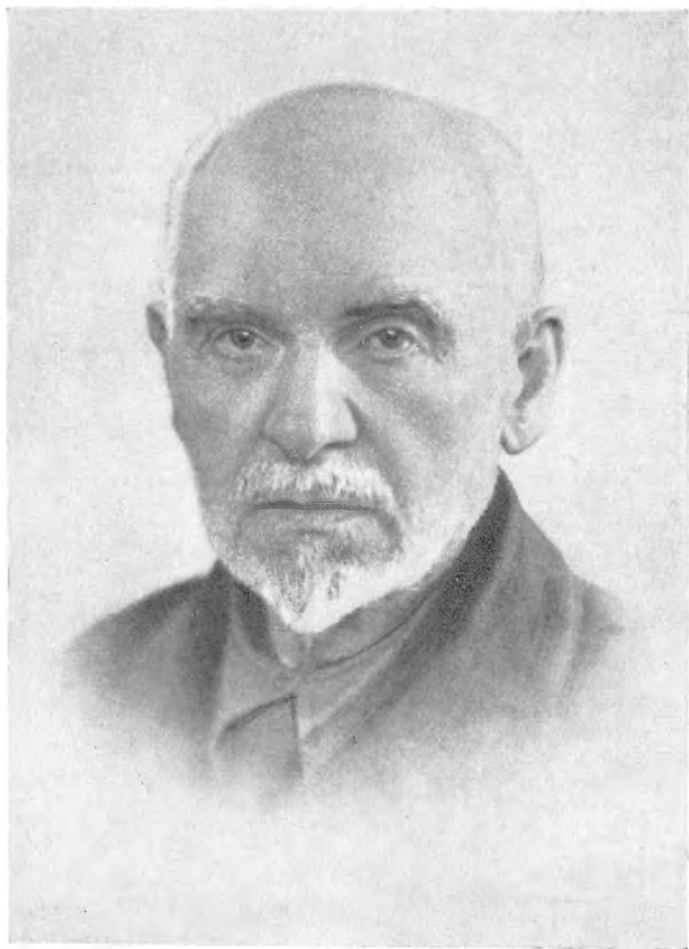
«Дом без книг подобен бугаяну (плодовому саду) без фонтана, из которого ты и жажду утоляешь, и поливаешь деревья и цветы, и которого вид улаждает твои взоры».

Эти слова средневекового восточного поэта-философа приходят мне на ум всякий раз, когда я слышу о скромных советских любителях книги — рабочих, колхозниках и служащих — у которых на протяжении многих лет постепенно собираются хорошие домашние библиотеки. Вспоминать слова этого философа мне приходится в последнее время все чаще и чаще:

число книголюбов у нас растет быстро, и в газетах и журналах постоянно, едва ли не ежедневно, встречаются сведения о подобных собирателях.

Характерно, что во всех печатных материалах о советских собирателях домашних библиотек не употребляется слово «библиофил», однозначное по смыслу со словом «книголюб». Объясняется это, очевидно, тем, что со словом «библиофил» у большинства из нас не совсем правильно связано представление о чудаках, коллекционирующих книги не из-за их ценного идейного, научного или художественного содержания, а потому, что они редки, напечатаны в миниатюрных форматах, снабжены особыми иллюстрациями, оригинально переплетены и т. д. Понятие «библиофил» связано у нас также с теми буржуазными коллекционерами, которые становились жертвами своей всепоглощающей страсти к приобретению книг, все новых и новых, вернее, все других и других — почти всегда не новых, а старых, но по каким-либо причинам «нужных» данному собирателю. Слово «нужных» я взял в кавычки, так как «нужность» этих книг была у подобных библиофилов особая: в большей части случаев библиофил своих книг не читал или читал с одной только целью — найти в них сведения о других, почему-либо интересных для него изданиях. У него был свой список «дезидерат» (желательных, нужных книг), и как только данная книга была приобретена, она уже утрачивала для библиофила свой жгучий интерес.

Многие из таких чудаков-книголюбов собирали к тому же еще и всякие диковинки. «К подобным скупщикам старья и редкостей, — вспоминал в конце XIX века об одном из этих коллекционеров известный

Доктор Ф. С. Авиновский

Экслибрис В. А. Кенигсона

библиофил Я. Ф. Березин-Ширяев, — принадлежал купец Сокуров, у которого были старопечатные, петровские и многие другие книги и рукописи, гравюры, монеты, фарфор, японские и китайские вещи, минералы, окаменелости и проч., — но все это хранилось за замками в шкапах, сундуках и особенных комнатах, никому не доступных».

Об этих старинных библиофилах современный советский книголюб едва ли имеет представление. Между тем почти каждый из них являлся интересным образцом человеческой психологии, а некоторые, может быть, даже психопатологии, потому что у многих из них в их коллекционерской, библиофильской психике было что-то болезненное, ненормальное. А во всем остальном это были люди как люди, даже умные, бывалые; часто это были наблюдательные, интересные собеседники.

Мне пришлось еще в начале моего собирательства сталкиваться с некоторыми — по-видимому, последними — представителями этой категории людей. Я встречался с ними у разных книгопродавцев, в Публичной библиотеке, в Ленинградском обществе библиофилов, в Русском библиологическом обществе и т. д. Знакомство с этими людьми заставило меня много думать о них, об условиях, в которых они сформировались как собиратели, о положительных и отрицательных сторонах в их библиофильстве.

Особенно запомнились мне два таких библиофила, с которыми я познакомился в середине 20-х годов. Но предварительно необходимо сказать несколько слов об обстоятельствах, при которых состоялись эти знакомства.

В начале 20-х годов, в годы нэпа, государственных книжных магазинов, продававших старую — букинистическую и антикварную книгу, в Ленинграде было еще мало. Существовало несколько больших книжных магазинов, принадлежавших главным образом еще до-революционным книгопродавцам; эти магазины находились на Литейном, отчасти на Среднем проспекте Васильевского острова и Большом проспекте Петроградской стороны. Кроме них несколько мелких лавочек ютилось в Апраксином дворе и — особенно много — в Александровском рынке, тогда еще не перестроенном. Однако больше привлекала книголюбов торговля на «толкучках», «барахолках»: на Сенной площади, Сытном рынке и на маленькой «барахолке» на углу Фонтанки и Забалканского (теперь Московского) проспекта. Самая же интересная торговля старыми книгами была сосредоточена на главной «барахолке», в Чубаровом (ныне Транспортном) переулке, действовавшей только раз в неделю.

В воскресенье, с самого раннего утра, владельцы маленьких книжных лавочек, закрыв свои основные «предприятия» в Апраксином дворе и Александровском рынке, устремлялись в Чубаров переулок и там, на рогожках, положенных прямо на землю или, реже, на фанеру, раскладывали свой «товар», то есть партии книг, скупленных у населения за предшествующую неделю. Книги большей частью приобретались по мелочи у «старорежимных» стариков и старух за бесценок и продавались также за бесценок — по 5, 10, 15 и 20 копеек за книжку (дороже книжка на «барахолке» не котиновалась). «Товар» сортировался по толщине экземпляров, и над каждой кучкой книг водружалась

картонная табличка с цифрами, кратными пяти (но, как сказано, не свыше двадцати). Если «на неделе» какому-нибудь апраксинодворскому книгопродавцу предлагалась большая партия книг, цена которой превышала его личные средства, он сообщал об этой возможной покупке своим приятелям по профессии, они объединялись в «вязку», сообща покупали «товар» и распределяли его между собой по только им одним известным принципам. Научная и литературная ценность книг при установлении их продажной цены никакой роли не играла — все определялось толщиной экземпляра. Одно время, в конце 20-х годов, — правда, очень недолго — книги продавались «на вес», по рублю за килограмм; так торговали книгами не только в Александровском рынке, но даже и на Литейном проспекте (в магазине Ф. П. Наумова, помещавшемся в здании теперешнего бюро пропусков Куйбышевской больницы). Однако вскоре такая продажа была прекращена.

Среди торговцев книгами в Александровском рынке у меня были хорошие знакомые, — о них я надеюсь сказать подробнее в другом месте, — и однажды в субботу, по-видимому в 1924 или 1925 г., Володька Басков, милый, почти всегда пьяный парень, у которого я чаще и охотнее всего приобретал книги в большом количестве, предупредил меня, что в воскресенье будет в Чубаровом переулке новый и в том числе «по моей части» «товар», то есть по художественной литературе и театру XVIII века, литературоведению, истории и книговедению.

Когда в воскресенье рано утром я приехал на рынок и разыскал на знакомом месте В. Н. Баскова, я с

огорчением увидел, что меня опередил какой-то старик, рывшийся в книгах. А это могло означать, что, пока я добирался сюда на трамвае с проспекта Маклина, где я тогда жил, «сливки» он уже собрал. Как только я подошел к «товару» Баскова, старик закричал: «Нет, нет!», растопырил руки и ни за что не хотел пустить меня к книгам. Но Басков успокоил его: «Доктор! Не волнуйтесь: они покупают не по вашей части». Старик подвинулся, и мы мирно стали отбирать интересные каждому книги. Так произошло мое знакомство с доктором Фаддеем Соломоновичем Авиновицким.

Я уже и до этого слышал о нем как о фанатическом библиофиле, а после этого воскресенья ближе узнал и стал собирать отчасти у него, отчасти у других лиц сведения о его библиотеке. То, что мне сообщили (главным образом покойный А. Г. Фомин, выдающийся советский библиограф, книговед и литературовед), было настолько необыкновенно, даже гротескно, что я и до сих пор не убежден в полной достоверности полученной мною информации. Доктор Авиновицкий был санитарным врачом ЛЕСПО (Ленинградского единого союза потребительских обществ), и на его обязанности лежала проверка санитарного состояния пивных, принадлежавших этому кооперативному союзу.¹ Контролером он был очень усердным, хотя и не строгим, и очень часто и регулярно обходил пивные. Можно было бы ожидать, что его привлекал напиток, продававший-

¹ Как сообщила мне дочь доктора Авиновицкого, С. Ф. Вайнтрауб, ее отец работал санитарным врачом на общественных началах или, по тогдашней терминологии, внештатным врачом.

ся в подведомственных ему учреждениях, но такое предположение было бы ошибочно: пива он не любил и не пил. Влекла его сюда, как будет видно из дальнейшего, совсем другая причина.

Книги доктор собирал не по своей медицинской специальности, а по социальным вопросам, главным образом по истории русского революционного движения. Денег у него, как мне рассказывали, было мало, семья же, кажется, большая, — во всяком случае, свои книжные покупки доктор Авиновицкий скрывал от жены. Дома у него библиотека была довольно обширная и размещалась на антресолях.

О постройке антресолей в квартире Авиновицкого существует совершенно невероятный рассказ, скорее напоминающий памятник библиофильского фольклора, чем реальный жизненный факт.

Когда книги заполнили все полки, стены, стулья, подоконники, груды легли на полу и уже некуда было класть новые приобретения, Авиновицкий обратил внимание на неиспользованные крюки, которые были ввинчены прежними жильцами квартиры в потолки для люстр или подвесных ламп и в дверные рамы — для комнатных детских качелей или для гимнастических приборов. Некоторое время находчивый библиофил при помощи блоков поднимал связки приобретенных книг к потолку и к верхним косякам дверей. Об этом узнали в домоуправлении. Опасаясь обвала потолка, Авиновицкому запретили пользоваться крюками для подвески книг и предложили построить антресоли. Когда же и на антресолях не хватило места, доктор Авиновицкий организовал «филиалы» своей библиотеки: в каждой подведомственной ему

пивной — под стойкой — он стал хранить неразвязанные пачки книг, приобретенных на «барахолках» или в книжных магазинах. И именно опасение за судьбу оставленных на хранение книг вызывало его служебное рвение. Почти ежедневно посещая «свои» пивные, Авиновицкий не столько контролировал их санитарное состояние, сколько проверял сохранность своих книг.

Подтверждением этих сведений является следующий рассказ дочери Авиновицкого. Однажды, в середине 20-х годов, когда жены доктора не было дома, в парадную дверь позвонили. Софья Фаддеевна, открыв дверь, увидела на площадке какого-то неизвестного ей человека с двумя огромными пачками книг в руках. Он попросил вызвать доктора Авиновицкого, который встретил его как хорошего знакомого. Пришедший сказал, что пивную закрывают на ремонт и он поэтому привез книги; кроме принесенных двух пачек, внизу стояла ручная тележка с остальными книгами. Доктор был очень огорчен и больше всего беспокоился, удастся ли разместить неожиданно свалившиеся книги до прихода жены. Все, к счастью для семейного мира, обошлось благополучно.

Все шло хорошо, пока покупки Авиновицкого были сравнительно мелкого масштаба. Но однажды он оказался в крайне трудном положении: ему представился случай — действительно, очень редкий — приобрести полный комплект печатных и стенографических отчетов о заседаниях Государственной думы всех созывов. В целом это составляло большой книжный стеллаж. Волнения Авиновицкого были исключительные: никак нельзя было упустить такую счастливую возможность;

нужно было изыскать довольно значительную сумму; было необходимо все это скрыть от жены и решить, где и как, в каких «филиалах» разместить в конце концов все же купленные книги. Тревоги Авиновицкого отразились на его здоровье; рассказывали, что после перенесенных волнений он сильно заболел.

С конца 20-х годов я доктора Авиновицкого не встречал. Должно быть, он перестал собирать книги с прежним пылом или, возможно, появлялся в книжных магазинах в иное время, чем я. Судьба библиотеки доктора Авиновицкого печальна: владелец умер в 1940 г. в восьмидесятидвухлетнем возрасте; во время войны, в отсутствие дочери доктора, соседи по квартире употребили его книги в качестве топлива. Были ли собраны доктором книги, хранившиеся в пивных, не знаю.

Вторым библиофилом старинного покроя, с которым свела меня любовь к книге, был Владимир Александрович Кенигсон.

Во время первых же посещений ленинградских книжных магазинов, лавочек и «барахолок» я заметил уже немолодого мужчину в форменной одежде и фуражке инженера, какие носили до революции, и в сапогах; у него были большие усы, видимо составлявшие предмет его постоянных забот, бороду он брил. Тогдашние библиофилы были так же общительны, как и нынешние, любили заводить знакомства — главным образом для того, чтобы обмениваться «дублетами», щеголять своими собраниями, узнавать о предстоящих «выбросах» в продажу купленного книжниками «товара» и т. д. Кенигсон первый вступил со мной в разговор, мы познакомились и некоторое время часто

встречались, так как он жил неподалеку от меня. Я узнал от него, что в прошлом он был крупным инспектором одного из богатейших дореволюционных страховых обществ, его инженерские знания очень помогали ему при выполнении служебных обязанностей. Служил ли он где-нибудь в то время, когда состоялось наше знакомство, я не помню; скорее всего, нет. Рассказчик Кенигсон был чрезвычайно интересный, умелый и не без художественной жилки. В его занимательных и забавных повествованиях вставляли как живые люди дореволюционной, буржуазной России, то капиталистические хищники крупного и мелкого калибра, то скромные, самоотверженные труженики, с которыми Кенигсону приходилось сталкиваться в столице и во время его многочисленных инспекторских поездок по стране.

Однако занимательнее всего был сам Кенигсон, и в особенности как библиофил. Когда, как и почему стал собирать книги, Кенигсон никогда не рассказывал, но, по-видимому, только в советское время. Коллекционировал он, насколько я помню, главным образом книги по библиографии, а также те издания, которые в специальной библиофильской литературе считались редкими. У него была по тем временам прекрасная квартира, с большим, светлым кабинетом, заставленным книжными полками; на камине стоял старинный массивный серебряный семисвещник, много фарфоровых, со знанием дела отобранных вещей. Находилась эта квартира на Торговой улице (теперь улице Печатников). Эти подробности я указываю по той причине, что они затем понадобятся нам.

Любимым чтением Кенигсона были книги по би-

блиографии русских книжных редкостей и по общей русской библиографии. Крупным, четким почерком — и долгое время по старой орфографии — заносил он в записную книжку названия тех редкостей и библиографических трудов, которые, как он говорил, были ему «нужны». Наметив себе очередную «нужную» книгу, Кенигсон с упорством человека, одержимого навязчивой идеей, обходил магазин за магазином, лавочку за лавочкой, «барахолку» за «барахолкой», одного знакомого библиофила за другим, пока наконец не находил то, что искал, и теми или иными путями не добывался того, что желанная «нужная» книга оказывалась в его владении. Тогда, если она уже была переплетена, Кенигсон писал на форзаце: «Редка!», «Большая редкость!», «По Сопикову (или Березину-Ширяеву) величайшая редкость!» Если же купленная книга не была переплетена, он отдавал ее в переплет, выбирая для обтяжки старую, пеструю материя. Не библиографических книг своих он, видимо, не читал; по крайней мере, со мной он никогда не вел разговоров на темы, связанные с содержанием приобретенных «редкостей».

В дореволюционное время изредка выпускались в свет «адресные книги русских библиофилов» и «описания русских книжных знаков». Попасть в подобное издание старинные библиофилы считали большой честью, своего рода пропуском в историю русского библиофильства; для многих это был предел честолюбивых библиофильских мечтаний. В советский период такие адресные книги появились совсем недавно, после перерыва более чем в тридцать лет. То более, то менее известные художники создавали новые книжные знаки

по специальным заказам библиофилов; тогда еще выходили «Труды общества экслибрисистов», в которых печатались сведения о старых и новых книжных знаках. Естественно, что многие библиофилы 20—30-х годов стремились обзавестись собственным экслибрисом. Помню, сколько забот возникло у Кенигсона, когда в конце 20-х годов он задумал не отстать от моды и завести свой книжный знак. Он показывал мне множество эскизов, но сам же отвергал один проект за другим. Так он тогда и не придумал себе экслибриса.

Когда после длительного перерыва, уже в конце 30-х годов, мы встретились с ним у какого-то книжника, я едва узнал его: он постарел, завел длинную, в два холеных клина, бороду, держался как-то особенно торжественно.

Впрочем, и раньше у него появлялась иногда торжественность. Это бывало в тех случаях, когда он начинал говорить о своем происхождении. Он был по вероисповеданию православный или лютеранин (я никогда этим вопросом не интересовался), но переводил свою фамилию Кенигсон — «сын царя» и, указывая на стоявший на камине старинный семисвещник, торжественно заявлял, что это сокровище, переходящее в его семье из рода в род, унаследовано не от кого иного, как «от царя Давида». Когда позднее я прочитал роман Синклера Льюиса «Кингсблад, потомок королей», мне пришли на память рассказы Владимира Александровича.

Однако в эту нашу встречу торжественность его была иная. Пожаловавшись на то, что книжный рынок оскудел и все труднее удается находить «нужные» кни-

ги, Кенигсон спросил, видел ли я его экслибрис. Услышав мой отрицательный ответ, он достал из портфеля недавно отпечатанный книжный знак и с еще большей, чем раньше, торжественностью вручил мне в подарок экземпляр. Я узнал на этом экслибрисе самого Кенигсона в знакомом кабинете за знакомым письменным столом с описанным выше большим серебряным семи-свечником, фарфоровыми вазами, портретами, книжными шкафами и стеллажами. Единственной «поэтической вольностью» в этом экслибрисе был вид из окна: Медный Всадник и шпиль Петропавловской крепости. Прозаический пейзаж Торговой улицы, на которой он жил, очень уж дисгармонировал с «гнездом библиофила», и Кенигсон поступил «низкой истинной» во имя «возвышающего обмана». Это было незадолго до Великой Отечественной войны.

Позднее я узнал от экслибрисистов, что книжный знак Кенигсона существует в трех вариантах: недовольный какими-то деталями в первом своем экслибрисе, Кенигсон заказал другому художнику второй и потом третьему — третий вариант все того же рисунка.

Судьба библиотеки Кенигсона печальна: владелец умер во время блокады, часть его книг, как мне передавали, перешла к одному из его родственников, а другая — и, кажется, значительнейшая, доставшаяся другим наследникам, — попала на рынок.

Несколько строк я должен здесь посвятить еще одному библиофилу, которого мне приходилось тогда же, в конце 20-х годов, встречать, но с которым я не был знаком: он был крайне замкнут, необщителен и вечно торопился. Я не знаю даже его имени и фамилии. Это

был человек лет шестидесяти с лишним, очень плохо одетый, со включенной, никогда не подстригавшейся бородой с проседью. Он изредка забегал в лавчонку упоминавшегося выше Баскова, коротко спрашивал: «Есть?» — и, если получал утвердительный ответ, начинал быстро перебирать указанную ему стопку книг, постоянно что-то ворча под нос. Книги выбирал редко; большей же частью отодвигал резким движением пересмотренную грудку книг и говорил: «Все есть!» За отложенные книги он торговался отчаянно, хотя у Баскова «товар» был «таксированный». Ни в какие разговоры ни с владельцем лавки, ни с другими покупателями он никогда при мне не вступал. Однажды на улице я услышал знакомый голос, выкрикивавший названия свежих московских газет; в газетчике я узнал сурового клиента Баскова. В следующее посещение лавки я стал расспрашивать хозяина об этом покупателе. Басков мог рассказать мне немного: в самом деле, его постоянный покупатель был продавцом газет; в прошлом, кажется, гвардейский офицер, но на этом Басков не особенно настаивал. Вероятно, это и не соответствовало действительности. Газетчик напоминал скорее горьковского босяка, увлекшегося книгой. Собирал он исключительно исторические романы, на сохранность приобретенных экземпляров внимания не обращал. По словам Баскова, коллекция у газетчика была огромная, но из-за недостатка жилищной площади книги он держал в сундуке, на котором спал. В конце 20-х годов я утерял его из вида.

Воспоминания о докторе Авиновицком, В. А. Кенигсоне и газетчике сливаются в моей памяти с образами старинных библиофилов, с которыми я не был

и — по возрасту — не мог быть знаком, но о которых много слышал и кое-что читал. Первый из них — Н. К. Синягин, второй — Я. Ф. Березин-Ширяев, третий — Ф. Ф. Мазурин.

2

В букинистических магазинах Ленинграда и сейчас изредка появляются в продаже книги с безвкусным экслибрисом синего с розовым цвета, на котором «модернистскими» шрифтами выведено: «Библиотека Н. К. Синягина». В книге У. Г. Иваска «Частные библиотеки в России» (1912) о нем сообщаются следующие скудные сведения: «Синягин, Николай Кузьмич, с.-петербургский купец. Ум. 1912 г. Громадная библиотека состоит из книг разнообразного содержания. В ней имеется прекрасный подбор книг по истории Отечественной войны 1812 года, Rossica, много иллюстрированных изданий XVI—XIX ст. и т. п. Большое собрание гравюр, портретов, оригинальных рисунков и акварелей и т. д.».

Более подробные, но, кажется, не во всем точные сведения о библиотеке Синягина и о нем самом находятся в книге Ф. Г. Шилова «Записки старого книжника». По словам этого «последнего из могикан» дореволюционного книжно-антикварного дела, Синягин был сыном крупного хлеботорговца и в средствах никогда не нуждался. Начав собирать книги и эстампы в 1900 г., он, говорит Широв, «в течение десяти — пятнадцати лет создал такое собрание книг, брошюр, гравюр, литографий и рисунков, изображающих виды русских городов, монастырей и церквей и быт русского

народа, какое никто до сих пор не мог собрать». Получив после смерти отца огромное наследство, Синягин еще с большим рвением предался своей библиофильской страсти. Шилов оценивал собрание Синягина не менее чем в полтора миллиона рублей золотом. И эту библиотеку постигла обычная судьба таких коллекций, но о Синягине я вспомнил не по этой причине. С его именем связана история, на шумевшая в свое время. Как я уже говорил, Синягин не останавливался перед большими тратами на покупки понравившихся ему книг, картин. Рассказывают, что к концу жизни он заболел прогрессивным параличом и потому совсем не знал удержу в своих сумасбродных прихотях и затеях. Однажды он увидел воспроизведение Венеры Милосской, загорелся желанием иметь этот шедевр у себя и, узнав, что прославленная статуя находится в Париже, в Лувре, отправил телеграмму французскому правительству с просьбой сообщить, сколько оно хочет за понравившееся ему произведение искусства. Телеграмма, конечно, не была выпущена из Петербурга, но дело получило широкую огласку.

После возвращения из-за границы, куда Синягина возили лечиться, он зашел как-то в сопровождении врача в лавку Шилова, вел с последним вполне здравый деловой разговор, а затем «вдруг шепотом, озираясь, чтобы не подслушали, тайнственно сказал: «Знаете, из-за меня ведь чуть не началась война. Вильгельм не хотел выпустить меня из Германии и выпустил лишь тогда, когда наш император предъявил ультиматум» <...>»

До своей болезни Н. К. Синягин усиленно занимался описанием иллюстрированных русских книг, в

1909—1910 гг. вышли составленные им два выпуска «Материалов для библиографии русских иллюстрированных изданий» (вып. 2 и 4).

Когда болезнь Синягина осложнилась явлениями психопатическими, он был помещен в больницу для душевнобольных, где и умер.

3

Яков Федулович Березин-Ширяев был фигурой иного склада. Он родился в первой четверти XIX века в семье купца и сам был удачливым биржевым спекулянтом. Под влиянием одного из своих учителей Березин-Ширяев рано пристрастился к собиранию книг и гравюр и, несмотря на то что в конечном счете был малограмотным самоучкой, над которым зло подшучивали петербургские библиофилы-дворяне, составил огромную библиотеку, состоявшую свыше чем из 50 000 томов.

У Березина-Ширяева была слабость печатать описания своих библиофильских приобретений (всего выпущено было им 13 таких описаний), причем он приписывал купленным по дешевой цене книгам несвойственную им редкость. К концу XIX века (умер Березин-Ширяев в 1898 г.) для определенной категории библиофилов и особенно букинистов и антикваров он стал почти непререкаемым авторитетом в области русских книжных редкостей. Одной из особенно ценившихся им драгоценностей его собрания была правюра с изображением жены Иоганна Бирона, известного своей жестокостью фаворита императрицы

Анны Иоанновны. Гравюра эта сохранилась на немецком языке с подписью «Жена российского регента» в одном лишь экземпляре и каким-то чудом уцелела от уничтожения после падения и юсылки Бирона. Ни в художественном, ни в научном отношении она не была замечательна. За бесценок купленную «Бенигну Готлиб Бирон» (так называлась эта гравюра) Березину-Ширяеву какой-то петербургский любитель предложил в конце 80-х годов прошлого века тысячу рублей, сумму по тем временам огромную, но владелец не пожелал расстаться со своим сокровищем.

Но здесь мы на время оставим в Петербурге Березина-Ширяева и перенесемся в Москву, где, наряду с просвещенными купцами-меценатами, такими как Третьяков, Мамонтов, Морозов, Цветков, Бахрушин, были собиратели самых невероятных предметов коллекционирования. Среди них был и некий В. А. Тюляев, который в течение ряда лет собрал коллекцию из двенадцати живых, абсолютно черных гусей. Сведения о таком редкостном подборе дошли до дирекции Московского зоологического сада, которая несколько раз обращалась к владельцу с просьбой подарить гусей, самца и самку, для пополнения сада, но Тюляев неизменно наотрез отказывал. И вот однажды он созвал своих приятелей и угостил их ужином, гвоздем которого были двенадцать зажаренных черных гусей. После этого Тюляев загрустил. Кто-то посоветовал ему начать собирать гравюры и обратил его внимание на «Бенигну Готлиб Бирон» Березина-Ширяева, который и за тысячу не согласен ее уступить. Тюляев немедленно телеграфировал в Петербург, что предлагает полторы, затем две и, наконец, три тысячи рублей. Когда

Березин-Ширяев и на эту телеграмму не сдался, Тюляев приехал в Петербург и в конце концов уломал упрямого коллекционера уступить ему «Бенигну» за пять тысяч рублей.

Эту историю я слышал от покойного А. Г. Фомина, одного из осведомленнейших знатоков истории русского библиофильства. Сам Березин-Ширяев коротко рассказал об этом в своей автобиографии. Близкий к фоминскому вариант истории продажи «Бенигны» Тюляеву находится в «Критико-биографическом словаре» С. А. Венгерова (т. III) в статье о Березине-Ширяеве.

4

Московский купец Федор Федорович Мазурин (1845—1898) был не менее колоритной фигурой среди старых московских «книгостяжателей». Начав собирать книги в молодые годы, он составил хорошую библиотеку, которую завещал Московскому архиву министерства иностранных дел; в библиотеке Мазурина было до 700 древних рукописей, в том числе семь писем Петра I, «заручные» казаков Богдана Хмельницкого, собиравшего казацкие подписи под присягой царю Алексею Михайловичу, и свыше 7000 томов книг старопечатных и XVIII века. О том, как Мазурин покупал книги, сохранились любопытные сведения: с одной стороны, он не жалел денег на покупку редких и почему-либо интересовавших его изданий, а с другой — по словам такого заслуживающего доверия мемуариста, как знаменитый московский коллекционер П. И. Щукин, — роясь в книжных магазинах, «иногда

незаметно вырывал из редкой книги лист или два, чтобы ее обесценить и купить подешевле, а при случае даже и воровал книги. В то же время известно, что, «приобретя сегодня редкую книгу, он завтра посылает ее продать (сам никогда не продает) за дешевую, конечно, цену, а послезавтра опять ее покупает, — конечно, за дорогую, и часто в таком роде». Был он потомственным почетным гражданином, то есть видным лицом среди московских купцов, но был всегда плохо одет, на улице его иногда принимали за нищего. Он ни с кем не встречался и никому не показывал своей библиотеки. Мазурин жил в собственном доме, окруженный многочисленными котами и кошками, которых называл по имени-отчеству и с которыми ел из одной посуды. Его мать была необычайно богомольна и много денег жертвовала на украшение церквей. Чтобы пресечь эти расходы, Мазурин, не смея по купеческим традициям делать упреки матери, попросил учредить над ним опеку, то есть поручил распоряжаться своими средствами двум уважаемым московским купцам. После смерти Мазурина опекуны, согласно завещанию, передали его библиотеку в Московский архив министерства иностранных дел.

5

Было бы непростительной несправедливостью утверждать, что все старинные библиофилы были похожи на тех, о которых я только что рассказал.

В дореволюционном русском библиофильстве были не одни только березины-ширяевы, синягины и мазурины. Были люди, которые хорошо понимали, как важ-

но для национальной культуры сохранение книг, рукописей, официальных и частных документов, произведений и писем исторических и литературных деятелей. В России XVIII—XX веков такие собиратели были большей частью людьми очень состоятельными, и это позволяло им создавать коллекции, имевшие мировое научное значение. В отличие от так называемых «собирателей редкостёв», как презрительно окрестили полуграмотных березиных-ширяевых книголюбы-дворяне, и от коллекционеров-дельцов, составлявших свои собрания с целью перепродать их как можно выгоднее, просвещенные библиофилы XVIII—XX веков видели в своем собирательстве большое патриотическое дело. Так, библиотека графа Н. П. Румянцева, состоявшая из 28 000 томов, 710 рукописей и около 1500 географических карт, являлась выдающимся по значению собранием материалов по истории России и соседних с нею стран и была завещана владельцем «на пользу отечества и благое просвещение». Она легла в основу самой большой библиотеки нашей страны — Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва). Такой же характер имела библиотека А. Д. Черткова, который в первой половине XIX века поставил своей целью собрать с возможной полнотой сочинения на любых языках, посвященные России «во всех отношениях и во всех подробностях». Эта библиотека в составе 17 000 томов и 300 рукописей была подарена наследниками Черткова городу Москве и образовала основное ядро библиотеки Государственного Исторического музея.

Были среди этих просвещенных библиофилов люди, собиравшие материалы иностранные. Особенно при-

мечательно в этом отношении была библиотека графа М. Р. Воронцова, который через специальных агентов, находившихся в Париже и Лондоне, во время французской революции 1789—1794 гг. составил одну из самых полных в мире коллекций парижских и провинциальных изданий этого периода. Академик Н. П. Лихачев, получивший в наследство книжные собрания своих предков, возникшие еще в XVII веке, создал в конце XIX — начале XX века единственную в своем роде коллекцию по истории мировой письменности — рукописей, книг, документов на различных языках (от древнеегипетского и древневавилонского до современных европейских) и на различном материале (от камня и металла до пальмовых листьев, бомбицины, бумаги из хлопка — предшественницы бумаги из тряпок, ранней и поздней бумаги и т. д.). Эта библиотека, пожертвованная собирателем Академии наук СССР, явилась научной базой, на которой в течение ряда лет вел исследовательскую работу Институт книги, документа, письма; сейчас она входит в состав библиотеки Ленинградского отделения Института истории.

Замечательная библиотека В. В. Протопопова, посвященная истории всемирного и русского театра и насчитывавшая более двух тысяч названий (около 5000 томов), была подарена вдовой владельца дирекции академических театров и стала основой Государственной театральной библиотеки имени А. В. Луначарского (Ленинград), одной из самых крупных в нашей стране коллекций подобного профиля.

Наряду с богатыми библиофилами, вроде Румянцова, Черткова, Воронцова, в дореволюционное время существовали скромные собиратели, которые, несмо-

тря на грозившие им за это политические преследования, коллекционировали нелегальную, революционную литературу — брошюры, периодические издания, листовки, прокламации. Были лица, специально собиравшие марксистскую и пролетарскую — легальную и подпольную — литературу, сатирические журналы 1905 г., студенческие рукописные и печатные журналы и сборники и т. д. Все они отлично понимали, какую громадную научную и общественно-политическую ценность представляют эти материалы для будущей истории русского революционного движения. Конечно, о таких собирателях сведений в печатных источниках, проходивших царскую цензуру, найти нельзя. О них мы знаем по устным рассказам старых книгопродавцев, из истории русского революционного движения, иногда из отчетов крупнейших советских библиотек.

Сейчас же после Февральской и в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции некоторые лица стали собирать либо все издания революционного времени, независимо от их содержания, либо какие-то определенные категории печатной продукции этих лет, например воззвания, плакаты, сатирические журналы. Так, в специальной литературе начала 20-х годов сообщалось об исключительно полной коллекции московских революционных изданий, составленной профессором М. А. Цявловским.

Таким образом, у советских книголюбов, в большинстве своем знающих историю русского дореволюционного и западного библиофильства, имеются хорошие и прочные собирательские традиции.

Новая эпоха выдвинула новые виды книжного коллекционирования и создала новые типы собирателей. Известны книголюбы, которые собирают провинциальные издания времени гражданской войны, политическую и художественно-литературную книгу периода Великой Отечественной войны, литературу о челюскинцах, по истории Советской Армии, по советскому кино, телевидению, книги по литературе народов СССР в русских переводах и т. д. Покойный московский литературовед и критик А. К. Тарасенков составил громадную коллекцию по русской поэзии XX века и специально советской, которая, к сожалению, продана наследниками московским книжным магазинам. У ряда ленинградских книголюбов есть собрания всевозможных печатных изданий периода блокады Ленинграда. Нам пришлось слышать о собирателях всего, что напечатано у нас о Поле Робсоне, о Жолио-Кюри, о странах народной демократии, об авторе Швейка — Я. Гашеке и т. п. Можно не сомневаться, что уже появились собиратели всего, что относится к первым летчикам-космонавтам.

В сущности, каждая такая коллекция мало отличается от небольшой личной библиотеки, состав которой определяется индивидуальными вкусами и интересами ее собирателя, а размер зависит от его материальных, жилищных и иных возможностей и условий. Таких личных библиотек в нашей стране великое множество, и число их изо дня в день растет.

Однако наряду с подобными индивидуальными или семейными домашними библиотеками, свидетельствующими о громадном повышении культурного

уровня нашего народа, но известными обычно сравнительно узкому кругу людей, близких собирателю, можно назвать в нашей стране ряд личных библиотек, представляющих большой общественный и научный интерес. О них пишут в прессе, они известны многим советским людям, они и их создатели заслуживают того, чтобы о них знали еще больше. О нескольких таких библиотеках и пойдет у нас речь.

В Москве, в самом конце улицы Герцена, вблизи шумной площади Восстания, находится маленький одноэтажный старинный домик. Здесь до конца 1959 г. жил профессор Иван Никанорович Розанов, умерший в возрасте 85 лет. Со студенческих лет Розанов увлекался историей русской поэзии и стал собирать книги русских поэтов, начиная от самых известных и кончая самыми неудачными и бесталанными. Внимательно следя за молодыми, в особенности провинциальными, поэтами, за их первыми, неуверенными шагами на трудном литературском пути, он с любовью и увлечением в живых, просто и ясно написанных очерках знакомил с ними широкую читательскую аудиторию. Государственное издательство художественной литературы часто обращалось к Розанову с просьбой дать рецензии на рукописи начинающих поэтов. Благодаря его неизменному доброжелательству, были напечатаны первые книги некоторых, в то время молодых, поэтов, ставших впоследствии широко известными у нас и за рубежом и так и не узнавших о роли Розанова в их писательской судьбе.

Небольшой кабинет Розанова, переделенный перегородкой на две части, светлую и полутемную, сверху донизу был заставлен книжными шкафами и

полками. На них были расставлены томики стихов русских поэтов от Кантемира до наших дней, большей частью в переплетах, современных году издания книги. Иван Никанорович стремился покупать такие экземпляры, в которых сохранилась обложка. Последняя, как он справедливо указывал в своих статьях, свидетельствует о художественном вкусе поэта, о его книжной эстетике, литературной и графической моде эпохи. Большое внимание уделял Розанов также подбору экземпляров с дарственными надписями или иными автографами поэтов. Однако значительнейшая часть его коллекции составила из книг, поднесенных ученому теми поэтами, о которых он писал в течение своей долгой жизни. На основе своей исключительной библиотеки Розанов опубликовал ряд книг: «Русская лирика» в 2-х томах, «Поэты 20-х годов», «Литературные репутации» и др. Особую ценность представляют многократно переиздававшиеся сборники Ивана Никаноровича «Песни русских поэтов», в которых по книгам его библиотеки были установлены авторы популярных песен, например «Шумел-гудел пожар московский», «Из-за острова на стрежень» и др.

Мы познакомились с Розановым в 1932 г. в академическом санатории «Заячий ремиз» в Петергофе, жили в течение месяца в одной комнате и очень сдружились. Впоследствии, бывая в Москве, я посещал его, а он, значительно реже приезжая в Ленинград, всегда встречался со мной, то у меня, то в гостинице. У нас была не очень частая, но хорошая дружеская переписка. К сожалению, у меня сохранились письма Ивана Никаноровича только за 1953—1957 гг. Он часто в письмах касался своей библиотеки. Вот что он писал

в письме от 22 апреля 1955 г.: «Много времени уходит у меня на приведение в порядок моей библиотеки... Вчера своим заочникам прочел лекцию с демонстрацией книг «Книги пятнадцати русских поэтесс от времени Державина («Полион», повесть Е. Урусовой 1774 г. с предисловием, где она намекает на Державина) до наших дней (Веры Инбер и др.)». Всего интереснее были три книги: 1) «Стихотворения Анны Смирновой. Первое издание, 1837 г.», с предисловием, которое начинается: «Пятнадцатилетний возраст мой...»; 2) «Вот три кумушки-кумы». Современная «песенка». Сочинение 10-летней девицы Елизаветы Дубовой. СПб., 1854, и 3) «Стихи девицы Онисимовой слепой дочери деревенского понамаря», СПб., 1838. Последняя книжка наиболее моим девицам понравилась, но... все это выходит за пределы учебной программы».

А сколько таких лекций-импровизаций слышал я от Ивана Никаноровича во время своих посещений, и опять-таки «с демонстрацией книг»! Жаль только, что не все я запомнил и не имел времени записывать.

Вдова И. Н. Розанова, К. А. Марцишевская, в 1965 г. передала эту замечательную библиотеку Пушкинскому музею (Москва).

7

Сравнительно недалеко от квартиры Розанова находится библиотека другого замечательного советского книголюбца — недавно скончавшегося народного артиста Николая Павловича Смирнова-Сокольского. На Малой Бронной, в доме новейшей постройки, в высо-

ком светлом кабинете размещена эта прославленная библиотека, состоящая в основном из прижизненных изданий произведений русских писателей, почти полной коллекции русских альманахов и сборников, комплектов журналов XVIII века, из уничтоженных или запрещенных царской цензурой книг и брошюр, а также из большого количества рукописей, многие из которых до сих пор не изданы, например «Дневник поэта» Ивана Бунина (с 1915 г. по начало 1920-х годов). Книги, рукописи, гравюры Смирнов-Сокольский сохранял, как шутливо сказала одна из его знакомых, в «чудовищном порядке». Все книги в прекрасных, современных изданию переплетах; расположены они также с большим художественным чутьем. Однако еще большее впечатление производит библиотека Смирнова-Сокольского по своему составу, — у ее владельца не было той библиофильской «всеядности», которая заставляет многих коллекционеров собирать книги независимо от их содержания, только потому, что они редки. Смирнов-Сокольский приобретал лишь те издания, которые по тем или иным причинам действительно были нужны ему для задуманных работ.

Собирать книги он стал давно. Собственно, вся биография Смирнова-Сокольского подготавливала его к тому, чтобы он стал серьезным книголюбом. По семейным обстоятельствам ему рано пришлось иметь дело с книгами, а артистическая специальность Николая Павловича — эстрадное искусство, в котором он был новатором, — требовала от него огромной начитанности и отточенной словесной культуры.

Это и было основной побудительной причиной для начала книжного собирательства Смирнова-Соколь-

ского. Он стал приобретать альманахи и сборники юмористического и сатирического содержания, внимательно изучая их тематику и применявшиеся в них приемы комизма, но постепенно в нем зародилась любовь к этим старинным книжечкам, а затем и к другим предметам библиофильского собирательства. В короткое время Николай Павлович сделался одним из самых крупных советских библиофилов.

О том, как он стал книголюбом, и о некоторых достопримечательностях своего собрания Смирнов-Сокольский сперва рассказал в очерке «Моя библиотека», помещенном в журнале «Смена» (1955, № 3). Позднее, видя успех, который сопровождал этот очерк, Николай Павлович сделал удачный опыт — включил в программу своего эстрадного выступления «устный фельетон» о нескольких книгах своей библиотеки, судьба которых могла заинтересовать аудиторию. Так постепенно накапливался у него материал для двух сборников — «Рассказы о книгах», выдержавшие два издания, и «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина», вышедшие уже после смерти Николая Павловича.

Однако, как ни интересны печатные произведения Смирнова-Сокольского, они никак не могут сравниться с теми изустными рассказами, которыми он сопровождал демонстрацию особенно замечательных редкостей своей библиотеки. Одну за другой снимал он с полки или вынимал из ящиков письменного стола книги и папки с рисунками, чистые, незапыленные, большей частью переплетенные, и начинал своим великолепным голосом эстрадного артиста обдуманно и умело рассказывать о судьбах издания, автора, ху-

дожника. Память у Смирнова-Сокольского была исключительная, емкая и натренированная, и поэтому все, что он сообщал, было верно и точно. Однако важнее всего было то, что каждая редкость, которую он показывал, для него являлась сгустком человеческой психологии, человеческих судеб. Слушая его рассказы о книгах и читая его книгу под тем же названием, я часто думал, что правильнее было бы озаглавить их — рассказы о горестных или героических судьбах людей, связанных с этими книгами.

Я хочу отметить одну, как мне кажется, любопытную черту Николая Павловича. В отличие от многих других библиофилов, он не любил рассказывать о том, как приобретал свои книжные редкости. Я познакомился с ним в конце 1956 г., у нас завязалась довольно оживленная переписка, но я не помню ни одного письма, ни одной встречи, в которых шла бы речь о покупке книг, о его дезидератах.

Особенно привлекало в Смирнове-Сокольском то, что — опять-таки в отличие от многих других библиофилов — книги не были для него единственной темой беседы. Человек умный, наблюдательный, отзывчивый на все живое и новое, он с удовольствием и, как всегда, интересно говорил и о политике, и об искусстве, и о современной литературе. Он любил жизнь, был полон интереса к ней, и, вероятно, за его жизнелюбивую одаренность любили его люди и хранят о нем признательную память.

Очень любя свою библиотеку и понимая ее громадное научное и общественно-воспитательное значение (в одном некрологе Смирнова-Сокольского правильно было сказано о национальной ценности его

собрания), Николай Павлович с тревогой думал о судьбе своей коллекции.

Нельзя допустить, чтобы такую уникальную библиотеку постигла обычная участь библиофильских собраний — распыление, продажа в книжные магазины или другим книголюбам. Советская общественность должна содействовать тому, чтобы коллекция Николая Павловича безвозмездно, на определенных условиях поступила в Библиотеку СССР имени В. И. Ленина, крупнейшее книгохранилище в нашей стране и в мире. Сейчас готовится к печати подробное научное описание этого собрания.

8

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны я познакомился с доцентом Ленинградского финансово-экономического института Ильей Давыдовичем Смоляновым. Юрист по специальности, он в течение одной зимы защитил две кандидатских диссертации — по филологическим и юридическим наукам. Обе диссертации были посвящены А. Н. Радищеву и написаны во время блокады Ленинграда, в основном по материалам личной библиотеки Смолянова. Собрание И. Д. Смолянова (он умер в 1952 г.) представляло коллекцию, уникальную по полноте литературы о Радищеве. Кроме «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Жития Федора Ушакова», напечатанных в собственной типографии Радищева, все остальное, в той или иной форме связанное с жизнью и творчеством великого русского революционера

XVIII века, находилось в библиотеке Смолянова. Всего у него было до трех тысяч книг, рукописей, журнальных вырезок, номеров газет со статьями о Радищеве. В собрании Смолянова были редчайшие «Размышления о греческой истории» аббата Мабли, переведенные Радищевым и изданные в 1773 г., — книга, в которой молодой писатель к слову «самодержавство» сделал знаменитое примечание: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Были у него неизвестные списки «Путешествия» и многое другое.

Кроме этой коллекции, у Смолянова были ценнейшие материалы по истории русской цензуры XIX века и по истории литературы и журналистики XVIII века.

Мне довелось всего лишь один раз видеть библиотеку Смолянова, это было в 1950 г., и я, много лет занимавшийся литературой XVIII века, буквально при каждой книге, которую показывал мне владелец, приходил в изумление: в каждом экземпляре были какие-нибудь текстологические расхождения с известными мне изданиями. Экземпляр «Трутня» 1769 г. (лист XI) из собрания Смолянова я воспользовался, переиздавая «Сатирические журналы Н. И. Новикова» (1951).

Библиотека И. Д. Смолянова в основном была составлена во время Великой Отечественной войны. Он не гнался за количеством книг, но зато никогда не пропускал действительно ценных изданий. По-видимому, Смолянов, говоря языком библиофилов, был из числа собирателей-«везунов», то есть таких, которым везет, которым книга сама дается в руки, ее не приходится искать долго и бесплодно. Так, ему удалось ку-

пить большую коллекцию запрещенных цензурой номеров журнала «Русская старина», сохранившихся в библиотеке того самого цензора, который эти номера запрещал. В течение 1942—1943 гг. Смолянов приобрел всю основную библиографию по русской истории и литературе, вышедшую в XVIII—XX веках.

Скромный, трудолюбивый, всегда приветливый и доброжелательный, И. Д. Смолянов умел настойчиво и сосредоточенно работать, хотя печатался мало. Им была составлена самая полная библиография по жизни и творчеству А. Н. Радищева.

После смерти владельца эта замечательная библиотека не распилась: в настоящее время она находится в Институте мировой литературы имени Горького в Москве.

9

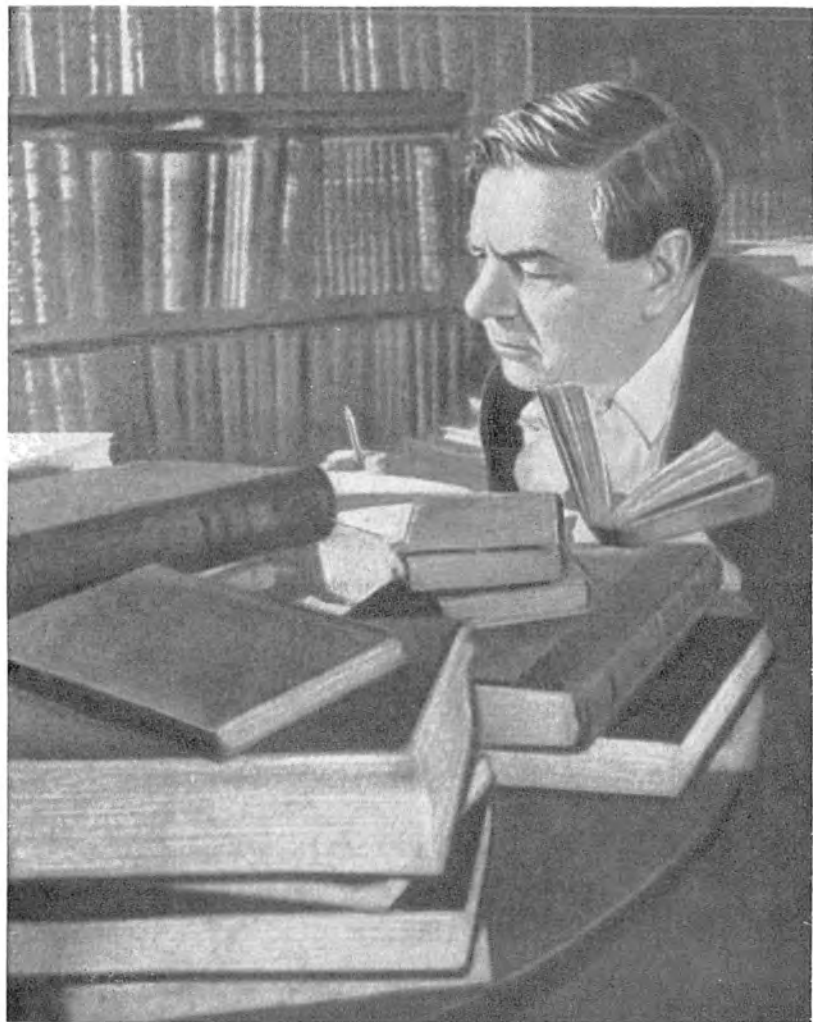
Несколько иного характера книголюбом был скончавшийся в 1958 г. ленинградский литературовед профессор Василий Алексеевич Десницкий. Друг М. Горького, с юношеских лет участник революционного рабочего движения, Десницкий был на редкость широко образован. Он окончил два факультета — историко-филологический и юридический — в Юрьевском, ныне Тартуском университете. Исторические и литературные интересы рано обратили его к собиранию книг. Длительная жизнь в революционной эмиграции за границей расширила библиофильские горизонты Десницкого — он стал собирать книги как явления мировой культуры: в его библиотеке были редчайшие инкунабулы — книги, изданные в первые десятилетия

после изобретения книгопечатания, притом такие, каких нет ни в одном западном и советском государственных книгохранилищах: поэтому в издававшемся в довоенное время в Германии «Сводном каталоге инкунабул» эти всюду отсутствующие первопечатные книги описаны с указанием, что они имеются только в собрании советского профессора Десницкого. В его библиотеке можно было найти ценимые на вес золота первые издания французских поэтов-романтиков, коллекцию зарубежных — французских, английских, немецких — антологий русской поэзии, печатавшихся для очень небольшого круга читателей, равно как и русский XVIII век, блестящий подбор изданий русской реалистической литературы середины прошлого столетия — и рядом антинигилистические романы примерно того же времени. Словом, все, что в новой европейской и русской истории оставило яркий след в культурной жизни и отразилось в книгах, альбомах, в собраниях гравюр и карикатур — то в большей, то в меньшей степени полноты, — находилось в библиотеке Десницкого.

Однако книга интересовала его не только как отражение русской и европейской политической, философской и литературной мысли, но также и как относительно самостоятельное явление человеческой культуры — как явление особого искусства, искусства книги. У него были книги прославленных русских и европейских иллюстраторов, типографов-художников, мастеров безупречного в техническом отношении типографского набора. Василий Алексеевич придавал особое значение книгам с художественно выполненными переплетами. Он с удовольствием и увлечением показывал

Профессор И. Н. Розанов

Н. П. Смирнов-Сокольский

некоторым посетителям удивительное искусство переплетчиков XVII—XVIII веков, когда не было еще стандартных издательских переплетов, а каждый экземпляр книги «одевали» особо, то в соответствии с требованиями владельца, то по тонкому и изящному плану мастера-художника, порою даже виртуоза в своей области.

Я был знаком с Десницким с 1923 г., а с 1926 по 1929 г. был его аспирантом. Мне довольно часто приходилось и тогда и позже беседовать с ним и на библиофильские темы. Особенно запомнилось мне (это было уже после Великой Отечественной войны), с каким восторгом знатока и ценителя показывал мне Василий Алексеевич средневековый армянский рукописный часовник, украшенный изящнейшими синими и золотыми виньетками, инициалами, заставками и концовками. А сколько вдохновения звучало в его рассказах о старорусском книжном и прикладном искусстве, в особенности старообрядческом!

Библиотека В. А. Десницкого в полном составе продана наследниками Библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

10

Несколько слов хочется мне сказать о библиотеке еще одного ленинградского книголюбца, члена-корреспондента Академии наук СССР Николая Кириаковича Пиксанова. Его книжное собрание, составлявшееся свыше шестидесяти лет, является редкостным и поучительным образцом формирования научной библиотеки. Как и его сверстник и товарищ по Юрьевскому

университету В. А. Десницкий, Н. К. Пиксанов окончил те же два факультета, и это отразилось на широком понимании им задач литературоведения, ставшего его основной специальностью. В отличие от других литературоведов, ограничивавших круг своих научных интересов какой-нибудь одной, хотя бы и широкой областью истории русской литературы, Пиксанов изучал русскую литературу в целом: от народной поэзии и древнерусской литературы до советской литературы и литературы народов СССР. И все, чем он ни занимался и ни занимается, сейчас же становилось и становится предметом его сосредоточенных, настойчивых и плодотворных книжных поисков и приобретений, все это сейчас же попадало на полки его библиотеки в виде книг, брошюр, оттисков, журнальных и газетных вырезок, так или иначе входило как материал в его многочисленные научные труды. В итоге его библиотека — почти полная история русской литературной науки за двести лет ее существования.

Особо ценный, совершенно уникальный раздел библиотеки Пиксанова — литература о Грибоедове. В нем собраны рукописи, печатные издания «Горя от ума», другие произведения писателя и буквально все, что напечатано о нем.

«В результате многолетних поисков, — сообщает Н. А. Грознова в газете «Литература и жизнь», — Н. К. Пиксанов собрал 60 списков «Горя от ума». Среди них ценнейший Бехтеевский и два Гарусовских, изучение которых позволило ему установить подлинный текст «Горя от ума». В собрании Н. К. Пиксанова хранится рукопись комедии А. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент» (1817), написанная рукою П. А. Ка-

тенина; свыше 150 изданий «Горя от ума», среди которых уникальное бесцензурное издание 30-х годов XIX века, известное только по этому экземпляру, а также издание 1879 г., выпущенное в Тифлисе. Полностью собраны первые публикации писем и сочинений А. Грибоедова. Пиксанов хранит редкую коллекцию переводов «Горя от ума» на десятках языков мира». ¹

И все это бесценное, неповторимое научное богатство ученый подарил Институту русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук.

11

В начале 30-х годов, будучи в Москве, я по совету моего старшего друга А. Г. Фомина посетил профессора Богдана Степановича Боднарского. С течением времени наше знакомство с Богданом Степановичем перешло в прочную дружбу, которой я горжусь и очень дорожу.

Боднарский — одна из самых замечательных личностей, с которыми мне пришлось встретиться на путях жизни. В настоящее время он — старейший советский библиограф и библиофил. Несмотря на свои годы (он родился 5 июля 1874 г.), Богдан Степанович обладает блестящей памятью и завидной работоспособностью. Свыше полувека продолжается его научная деятельность в области русской библиографии, более пятнадцати лет Боднарский издавал журнал

¹ Н. Грознова. Дар ученого. — «Литература и жизнь», 1960, 14 декабря, № 148 (418), стр. 4.

«Библиографические известия» (1913—1929), много лет активно работал в Русском библиографическом обществе при Московском университете в качестве вице-президента, а затем президента. Его перу принадлежит большое число ценных работ по русской библиографии. Важнейшая из них — «Библиография русской библиографии» (1913—1929).

Библиофильские интересы Богдана Степановича обращены на русское книговедение в целом. Подобно тому как по библиотеке Н. К. Пиксанова можно написать историю русского литературоведения и даже историю любого периода русской литературы, так по книжному собранию Боднарского может быть написана история русского книговедения, русской библиографии, русского библиофильства, история русского экслибриса с начала и до наших дней. Иногда, для того чтобышний раз убедиться в безупречной полноте подбора коллекции, я спрашивал Богдана Степановича: «А «Опыт российской библиографии» Сопикова у Вас с радищевской страницей? А «Каталог писателей, сочинениями своими объяснявших гражданскую и церковную Российскую историю» Адама Селлия у Вас с цензурным или доцензурным текстом о Феофане Прокоповиче? А есть ли у Вас уничиженные цензурой «Систематический указатель лучших книг и журнальных статей», изданный в Челябинске в 1883 году, и «Каталог систематического чтения» (Одесса, 1883)?» — и всегда получал один и тот же, положительный ответ.

Большая часть книг Богдана Степановича находилась в библиотечных застекленных шкафах или на открытых стеллажах. Но время, когда все собрание

свободно умещалось в шкафах, давно прошло. Затем книги у Богдана Степановича лежали не только на письменном столе, оставляя самое небольшое место для работы, не только на всех почти стульях, но и под письменным и — одно время — даже обеденным столом. И при всем том он хорошо помнил, где находилась любая из его книг, любой оттиск или газетная вырезка.

На полках шкафов и стеллажей книги были представлены Богданом Степановичем по десятичной библиотечной классификации, одним из первых пропагандистов которой в России он был еще задолго до революции. Сейчас, когда постановлением правительства десятичная классификация вновь введена в практику научной библиографии, престарелый ученый чувствует большое удовлетворение от сознания, что труд его жизни не пропал напрасно.

Бывая у Богдана Степановича, я любил подходить к полкам и одну за другой перебирать стоявшие на них книги, брошюры, оттиски, журнальные и газетные вырезки, пригласительные билеты на юбилейные, траурные или открытые научные заседания, на публичные защиты диссертаций. И сколько раз я убеждался, просматривая книги Боднарского, какое большое значение имеет многолетнее систематическое собирательство. Вот, например, полка с биографической литературой о русских книговедах, библиофилах, букинистах. Казалось бы, все мне известно, все у меня есть, и вдруг видишь вышедший в нескольких экземплярах оттиск газетной статьи С. Султанова «Поэт книги» (М., 1914), посвященной знаменитому московскому библиофилу Д. В. Ульянинскому, или брошюру старого

московского книжника А. Г. Миронова о букинисте Константине Захаровиче Никитине, изданную в 1925 г. в количестве 100 экземпляров и совершенно не встречающуюся в продаже. И таких неожиданных, обогащающих мои знания находок всякий раз бывает очень много.

Как-то раз я попросил Богдана Степановича показать мне свои самые ценные книги (он предпочитает слово «ценный» слову «редкий»), и если не сейчас, то когда он подберет их. Через много времени Боднарский разложил передо мной десятка два-три действительно самых ценных книг по истории русского книговедения, изданных в XVIII — начале XIX века. Здесь были первые опыты классификации наук на русском языке, и журнал Ф. Кречетова «Не все и не ничего» (1783), второй известный экземпляр этого уничтоженного издания, и «Опыт исторического словаря о российских писателях» Новикова (1772), и упомянутый «Каталог писателей» Адама Селлия, и многое другое.

Но сам Богдан Степанович интереснее и ценнее любой из своих самых ценных и интересных книг и всех их вместе взятых. Его память — неистощимый источник воспоминаний о крупных и некрупных людях, с которыми ему приходилось встречаться, — С. А. Венгеров, В. Я. Брюсов, Н. М. Лисовский, Н. В. Здобнов, Р. Ф. Брандт, А. Г. Фомин и десятки, сотни других. Богдан Степанович — живая летопись русского книговедения XX века, яркая, оригинальная, неповторимая.

В 1965 г. Б. С. Боднарский подарил Библиотеке СССР имени В. И. Ленина всю свою огромную библиотеку — больше 30 000 единиц.

Я не стану рассказывать здесь о библиотеках других московских и ленинградских книголюбов — В. Г. Лидина, А. А. Сидорова, А. М. Макарова, С. П. Фортинского, А. И. Маркушевича, В. А. Мануйлова, П. Е. Корнилова, Л. О. Раковского... С некоторыми библиотеками я вовсе не знаком, другие мне известны по рассказам владельцев, третьи — по чужим характеристикам, а библиотеку можно узнать только тогда, когда в твоих руках побывает не один десяток ее книг, когда увидишь, как хранятся книги, когда подышишь воздухом библиотеки. Не стану я повторять и то, что писал о библиотеках русских литературоведов дореволюционного и советского времени в своей книге «Введение в технику литературоведческого исследования» (Л., 1955).

Коротко скажу только: библиотека книголюбца — не простое собрание книг. Она по своему составу, внешнему виду, способу хранения, состоянию — живое отражение умственного, духовного мира своего владельца. Внимательный взгляд опытного книголюбца легко отличит собирателя, искренне преданного библиофильству, от коллекционера по моде или из тщеславия. И мне поэтому скромные истинные книголюбцы, имеющие тысячу — тысячу пятьсот книг, порою милее прославленных библиофилов, о библиотеках которых ходят легенды.

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОЙ
БИБЛИОФИЛЬСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Вопрос о значении библиофильства для истории культуры не раз уже ставился в общей и специальной книговедческой печати, однако все же и до сих пор он продолжает оставаться актуальным. Вернее сказать, речь идет не о том, имеет ли библиофильство значение в истории культуры или не имеет, — сейчас об этом уже почти не спорят. Вопрос состоит в том, в каких формах проявляется значение и практическая польза библиофильства, только ли в собирании и передаче книг новым поколениям или еще в чем-нибудь ином.

Исчерпывающий ответ мы сейчас еще дать не в состоянии, но кое-какие дополнительные материалы, расширяющие обычные представления об историко-

культурной роли библиофильства, можно почерпнуть из такого источника, мало известного широким кругам читателей, как история библиофильской литературы.

Но до того, как мы обратимся к ее анализу, должно сказать несколько слов об истории самого библиофильства.

Как социальное явление библиофильство возникло относительно скоро после изобретения письма, на определенном этапе развития человечества, а именно еще в рабовладельческом обществе. Как и многие другие явления в жизни людей, раз возникнув, оно продолжало и продолжает существовать, но, конечно, претерпевая изменения и по форме и по существу. Надо полагать, что библиофильство будет существовать еще немало времени. Может быть, даже всегда, но опять-таки не оставаясь одним и тем же, как не будет оставаться одной и той же и наша современная книга.

Несомненно, ассирийские библиофилы, собиравшие глиняные таблетки, заполненные клинописными текстами, отличались от книголюбов египетского и греко-римского мира, коллекционировавших папирусные свитки. Библиофилы средневековья, владевшие тяжелыми пергаменными книгами-кодексами, написанными искусными каллиграфами и украшенными изящными иллюстрациями-миниатюрами, были непохожи на собирателей печатных изданий XVI—XVII веков. Книголюбы эпохи «высокого» Возрождения, брезгливо отмахивавшиеся от «массовой» печатной книги и специально заказывавшие для своих библиотек рукописные экземпляры последним представителям

вымиравшего искусства книгописания, мало походили на библиофилов эпохи Просвещения, романтизма, второй половины XIX, начала XX века, наших дней.

Однако у них всех, как принято считать, есть одна общая, роднящая их черта — «психология библиофила», любовь к своим книгам, к своей библиотеке.

Это широко распространенное мнение едва ли правильно в полной мере: существенна не столько самая эта черта, отрицать которую не приходится, сколько те конкретные, исторические формы, в которых проявляется психология библиофила.

Но как можем мы сейчас, во второй половине XX века, судить о психологии книголюбов других времен? Некоторую помощь оказывает нам в этом отношении библиофильская литература, произведения, написанные библиофилами для библиофилов и посвященные теме книги, библиотеки, любви к чтению, книгам, даже книжным знакам. В подобных произведениях психология библиофилов разных эпох и разной общественной среды отражается с особой отчетливостью — именно благодаря библиофильской литературе мы можем отличить своеобразие книголюбия разных веков, народов, классов.

Больше того. Библиофильская литература содержит материалы и для истории самого библиофильства, истории интересной, поучительной и полезной, — по крайней мере для историков и филологов. Однако и вдумчивый читатель-неспециалист может почерпнуть из нее немало ценного для себя.

Впрочем, несмотря на то что библиофильская литература существует много веков и количественно необозрима, для создания социально-психологической

истории библиофильства еще слишком недостаточно критически обработанных материалов. Источниками для нее могли бы служить подробные описи библиофильских собраний, записки их владельцев о процессе собирания, их переписка с другими книголюбями, книгопродавцами, учеными, их мысли о книгах и книгособирательстве и больше всего — их литературные произведения, посвященные библиофильской тематике, какова бы ни была непосредственная или относительная художественная ценность последних.

Из этих материалов можно было бы воссоздать образы отдельных библиофилов, и в дальнейшем, по мере накопления подобных очерков, этюдов и исследований, могли бы возникать опыты более или менее широких обобщений социально-психологического характера.¹ Это было бы тем более интересно, что почти каждое библиофильское собрание строго индивидуально: на нем отражается и в нем выражается личность собирателя, его умственные и эстетические

¹ Известные книги Г. А. Э. Богенга «Великие библиофилы. История книгособирателей и их собраний» (G. A. E. Bogeng. Die grossen Bibliophilen. Geschichte der Büchersammler und ihrer Sammlungen, Leipzig, 1922) и его же «Введение в библиофилию» (Einführung in die Bibliophilie, Leipzig, 1923), при всем своем несомненном научном и чисто читательском интересе, ни в коей мере не отвечают нашему представлению о теоретическом по своему характеру, обобщающем труде, посвященном социально-психологической истории библиофильства. Еще меньше соответствует нашему замыслу старинная работа Жака и Леона Тешнэ «История библиофилии» (Jaques et Léon Teche-ner. Histoire de la bibliophilie. Livraison 1—10, Paris, 1861—1864). Она представляет собой альбом очень большого формата, в котором великолепно воспроизведены рисунки французских переплетов XVI века.

запросы, склонности, увлечения, постоянство или смена объектов коллекционирования, его отношение к собранным культурным богатствам, порою граничащее с языческим преклонением перед книгой (знаменитая «библиолатрия» — «книгопоклонство» эпохи Возрождения) и порою — к концу жизни — переходящее в полное безразличие собирателя к своей библиотеке, выражающееся формулой Экклезиаста: «Суета сует, все суета!»

Каждое библиофильское собрание, как я уже сказал, по существу неповторимо. Даже наличие одних и тех же книг в разных библиофильских библиотеках не делает последние похожими друг на друга — эти «общие» книги входят как составные части в сочетание с «необщими», и в итоге получается у каждой библиотеки свое лицо. В самом деле, собирание библиотеки — процесс обычно длительный, зависящий от средств, которыми располагает библиофил, времени, которое он может посвящать этому занятию, от его специальных интересов, связей с книгопродавцами, учеными, другими собирателями, с которыми можно обмениваться «лишними» книгами, и т. д. Все эти элементы — средства, время, знания, связи, интересы — настолько различны у разных библиофилов, что, вполне естественно, из всего этого вырастает всякий раз иная комбинация, иное индивидуальное лицо собрания и, прибавлю, новое, меняющееся лицо собирателя.

Последние слова, может показаться, противоречат тому, что мною утверждалось ранее: на библиотеке отражается личность собирателя. Однако противоречия здесь нет — перед нами явление диалектическое. Собираемая книголюбом библиотека — если только он

не просто ставит книги на полку (бывают и такие «библиофилы»), но и читает их — влияет на него, на его культурный облик, общественно-политический, литературный, научный кругозор, на его жизненное поведение, меняет его или по крайней мере может изменить его как личность. И это, в свою очередь, определяет дальнейшую программу книгособиранательства данного библиофила.

Сказанное приводит мне на память два характерных, как мне представляется, факта. Первый, может показаться, не имеет прямого отношения к вопросам библиофильства, но в нем отражается диалектика творческого процесса, а ведь собирание библиотеки, несомненно, своеобразный творческий процесс. Я имею в виду стихотворение замечательного советского грузинского поэта Тициана Табидзе:

Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут
Меня, и жизни ход сопровождает их...

Да, поэт создается своими произведениями, своей творческой биографией, как бы случайны ни были внешние поводы для возникновения того или иного отдельного стихотворения или поэмы. Поэт может написать или не написать произведение, но раз оно уже возникло, создано, оно не только освободило автора от творческой потребности высказаться, но и оказывает обратное влияние на него, уяснив поэту то, что ранее было ему неясно, раскрыв ему то, что представляло для него «творческую загадку». Настоящий поэт — и вообще художник — с каждым своим новым произведением становится духовно богаче, умнее, объективнее «влиятельнее».

То же самое происходит и с библиофилом. Это мое мнение подтверждает факт, который находится в «Рассказах о книгах» Н. П. Смирнова-Сокольского. Вступительный очерк автором озаглавлен «Власть книги» и заканчивается следующим образом: «Здесь уместно припомнить разговор, происшедший у писателя Виктора Шкловского с одним библиофилом, который не занимался научно-исследовательской работой, а был известен просто как собиратель и страстный любитель книг.

В. Б. Шкловскому как-то потребовались сведения, насколько я помню, о ком-то из литературного окружения художника П. Федотова. Наведя безрезультатные справки у разных ученых, вплоть до академиков, В. Б. Шкловский обратился по телефону к этому книголюбу. Случайно или не случайно, вопрос не в этом, но книголюб тут же дал нужные, исчерпывающие сведения.

Последовала некая пауза, после которой Шкловский сказал: «Ведь вот как получается, дорогой товарищ, я звонил многим в Москве, и никто, кроме вас, ответить мне не сумел. Теперь я вижу, что не только вы собрали книги, но и книги собрали вас» <...>»

В факте, сообщенном в книге Смирнова-Сокольского, не так уж существенно, кто был библиофил, к которому обратился за справкой Шкловский (впрочем, автор «Рассказов о книгах» угадывается в нем довольно легко), — важна мысль, высказанная в конце и звучащая как один из парадоксов, характерных для творческой манеры Шкловского. Но это отнюдь не парадокс: книги действительно «собирают» библиофила, и в этом одна из ценнейших сторон библиофиль-

ства, мало учтенная исследователями вопроса. Иногда слишком недоверчиво, а то и высокомерно относятся к так называемому дилетантству библиофилов. И напрасно: М. Горький тоже был библиофилом и тоже — в какой-то мере — был «собран» прочитанными, продуманными им книгами. Могут сказать: он прежде всего был Горький, а не библиофил. Это, конечно, верно, но отрицать значение книги и любви к ней в жизни Горького было бы неуклюжим педантизмом. А с соответствующими поправками это относится ко всякому «творческому» библиофилу.

Замечено, что у многих библиофилов наряду с любовью к книгам возникает потребность литературно запечатлеть эту свою любовь, оставить в той самой вещественной форме, которая была предметом их жизненной собирательской страсти, свои знания о книге, мысли о ней, свой коллекционерский опыт. Так постепенно возникла библиофильская литература, начиная с античных высказываний и афоризмов о книге и чтении и продолжая небольшими средневековыми панегириками ей («*Laus libro*» — «Похвала книге») и специальным первым трактатом о книголюбии — «Филлобблном» Ричарда де Бери (XIV век).

Однако настоящая библиофильская литература вырастает в эпоху Возрождения и еще в большем объеме — в эпоху Просвещения. Это прежде всего ученые описания личных библиотек различных собирателей. Иногда сами библиофилы описывали свои книжные коллекции, иногда, и чаще, по-видимому располагая средствами, поручали специально приглашенным лицам составлять описания своих библиотек. Если принять во внимание зачаточное состояние библиографии

в то время, станет понятным научное значение подобных библиофильских каталогов частных библиотек, нередко являющихся единственным источником, из которого черпаются сведения о каких-либо изданиях, не сохранившихся в государственных книгохранилищах, как правило возникавших всегда позднее, чем библиотеки библиофильские.

Когда количество книг стало быстро расти и никому частному библиофилу не было уже возможности пополнять свою библиотеку всеми вновь выходившими изданиями, началась специализация собирания. Долгое время описание подобных коллекций также было одной из основных форм библиофильской литературы. Такие каталоги имеют не меньшее научное значение, являясь нередко для определенного периода наиболее полными библиографическими пособиями в той или иной области науки или искусства. Достаточно назвать для примера трехтомное описание знаменитой библиотеки по всеобщей истории театра и драматургии до начала XIX века, принадлежавшей Мартино де Солену, одному из крупнейших французских библиофилов первой трети XIX века.

Уже в раннее время, а в особенности в XVIII веке, у библиофилов возникло влечение к собиранию не просто книг, а книг редких. Первые описания таких собраний относятся к самому началу XVIII века. В 1729 г. в Берлине вышло в свет первое «Ученое рассуждение об особенно редких книгах» («*Diatrise de libris rarioribus*») И. Э. Бергера. Наряду с каталогами библиотек, состоявших из редких книг, появляются в XVIII веке «списки редких книг», по которым последующие библиофилы начинают формировать свои

собрания (Д. Клеман, Дебюр, Фурнье, Брюне и др.). С начала XIX века, сперва в общих журналах, а затем в специальных библиофильских,¹ печатаются описания отдельных изданий, интересных в каком-либо отношении — по своему общественному значению, своей судьбе, биографии их авторов или печатавших их типографов, наконец, по их художественной внешности; чаще всего публикуются сведения о книжных аукционах, предстоящих или состоявшихся, сообщаются цены на редкие книги и т. п.

Во второй половине XIX века в библиофильской литературе приобретает популярность новая тема — история отдельных библиофилов и библиофильских обществ.² Как уже отмечено выше, несколько раньше

¹ Первый библиофильский журнал «Бюллетень библиофила и библиотекаря» («Bulletin du bibliophile et du bibliothécaire») издавали отец и сын Тешнэ в Париже с 1834 г. Первый чисто библиофильский журнал «Бюллетень бельгийского библиофила» («Bulletin du bibliophile belge») выходил с 1845 г. в Брюсселе.

² История библиофильских обществ ни на Западе, ни у нас не выяснена в достаточной мере. Если верить книге Адольфа Грауэла «Американские книжные клубы» (A. Growoll. «American Book Clubs», New York, 1897), первый клуб библиофилов возник в Соединенных Штатах ровно за полстолетия до начала войны за независимость — в 1726 г. В Европе первым библиофильским обществом принято считать «Роксбургский клуб» («Roxburghe Club»), открывшийся в 1812 г. Во Франции «Общество друзей книги» («Société des amis des livres») возникло в 1820 г. «Общество бельгийских библиофилов и иконофилов <собираателей гравированных портретов>» датирует начало своей деятельности с 1839 г. Старейшее немецкое библиофильское общество («Общество библиофилов в Веймаре») действовало с 1899 г. Первой русской юридически оформленной библиофильской организацией был «Кружок любителей русских изящных изданий» (1903—1917), о котором см. дальше.

на Западе возникают специальные библиофильские журналы и альманахи.

Бегло намеченные этапы развития, так сказать, «всеобщей» библиофильской литературы находят — с некоторым хронологическим запозданием — полное соответствие в истории библиофильской литературы в России. Вместе с тем в истории нашего библиофильства и библиофильской литературы есть свои национальные особенности.

Первые произведения русской библиофильской литературы имели сперва рукописную форму и представляли собой описания личной библиотеки владельца. По существу, здесь трудно еще провести границу между каталогом, преследующим цели периодического контроля над состоянием состава библиотеки («охранная опись»), и литературным произведением, рассчитанным на постороннего читателя. Таковы все известные нам рукописные каталоги библиотек конца XVII — начала XVIII века. —

Примером подобной книжной описи является каталог библиотеки Стефана Яворского, составленный им в 1721 г. при передаче ее Нежинскому монастырю.¹ По обычаям того времени, книги были описаны владельцем по формату: сперва шли книги в лист, затем в четвертую долю листа и в восьмую и наконец описывались книги меньших размеров. Нумерация при описании делалась двойная: сначала указывался порядковый номер описываемой книги, а рядом с ним

¹ См.: С. И. Маслов. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914, 66, XXXVIII стр. (Из «Чтений в Историческом обществе Нестора-летописца». Оттиснуто 160 экземпляров).

номер ее в данном формате. Это давало возможность сразу определить и общий состав библиотеки, и количество книг в лист, в четверку, осьмушку и в двенадцатую долю.

Все же есть основания полагать, что для Стефана Яворского его «*Catalogus librorum*» («Каталог книг»; он был составлен по-латыни) имел значение литературного произведения: в начале каталога автор поместил свою знаменитую «Прощальную элегию» на латинском языке, озаглавленную «Горестное прощание с книгами их владельца» («*Possessoris horum librorum luctuosum libris vale*»): «*Ite, meis manibus gestati saepe libelli...*» — «Идите, о книги, которые столь часто были в моих руках, идите, мое сокровище, мой свет, мое украшение! Счастливого вам пути, усладите другим умы и свой нектар изливайте другим! Горе мне! Очи мои, от вас отверженные, не смогут больше насыщать мой ум. Вы были моей сладостью, вы были для меня медом и нектаром, с вами, о книги, мне было сладко жить...» Таковы первые восемь стихов из этой элегии в тридцать восемь строчек. Полный текст стихотворения Стефана Яворского приведен в книге профессора С. И. Маслова (стр. V—VI) и в сборнике «Похвала книге» под редакцией профессора И. А. Шляпкина (Пг., 1917).

«Прощальная элегия» Стефана Яворского очень понравилась современникам, сразу же после ее выхода появилось два перевода ее на тогдашний русский язык силлабическими стихами («Книги, мною многажды носимы, грядите, Свет очию моею, от мене идите» и «Прощайте, красота, честь моя и светило, Книжки, коих я в руках чаще держу было!»). Переводилась

она и позднее, уже тоническими стихами; все эти переводы собраны в названных выше книгах.

Совершенно неизвестен, однако, следующий, не лишенный, как мне кажется, интереса факт. В январе 1723 г. в руки английского пастора Томаса Консетта, приехавшего по делам из Петербурга в Москву, попал один из русских рукописных переводов элегии Стефана Яворского. Стихотворение это произвело на английского священника такое сильное впечатление, что он тут же перевел его в стихах... на латинский язык, очевидно не зная о том, что оно было написано автором по-латыни и что ему, Консетту, доставили не оригинал, а перевод; через несколько лет латинский перевод Консетт опубликовал в Лондоне в своей книге «Современное состояние и законоположения церкви в России» (1729) («The present State and Regulations of the Church of Russia»).¹

Надо признать, что, в то время как списки «Прощальной элегии» Стефана Яворского в латинском оригинале и в русских переводах были широко распространены у нас в XVIII веке, копии его каталога неизвестны. Следовательно, библиофильский замысел автора — возбудить стихотворением интерес к следующему за ним перечню книг — не удался: «элегия» воспринималась как самостоятельное литературное произведение, независимое от каталога.

¹ Подробнее об этом см. в моей статье «Томас Консетт, капеллан английской фактории в России (к истории русско-английских литературных связей в 1720-е годы)» («Проблемы международных литературных связей». Под ред. проф. Б. Г. Рензова. Л., 1962, стр. 3—26).

Хотя всегда рискованно называть какой-нибудь факт в той или иной области литературы, науки, искусства первым, так как почти всегда в дальнейшем обнаруживается, что у этого «первого» были предшественники, но все же в данном случае мы можем без опасений видеть в «Прощальной элегии» Стефана Яворского начало русской библиофильской литературы: в древнерусской письменности встречались многочисленные оригинальные и переводные отзывы о книгах и «похвалы книгам», но они не имели самостоятельного библиофильского характера.

Из дальнейших материалов по истории русского библиофильства и библиофильской литературы следует остановиться на факте до сих пор в литературе мало известном, но заслуживающем специального освещения.

Уже в середине XVIII века у нас появляются печатные каталоги частных библиотек. Таковы, например, каталог книг, напечатанный в 1746 г. в типографии Академии наук по заказу пастора кадетского корпуса Плашника в количестве 100 экземпляров; каталог книг духовных и гражданских, печатных и рукописных, напечатанный там же в 1756 г. по заказу вдовы обер-секретаря Якова Герасимовича Леванидова в количестве 100 экземпляров, и т. д.¹ Большая часть этих каталогов представляла описи библиотек ученых-иностранцев, проживавших в Петербурге, на-

¹ См.: Р. М. Тонкова. Дополнительные сведения о книжных росписях XVIII века (По материалам Архива Академии наук). — «Труды Института книги, документа, письма», вып. V. М.—Л., 1936, стр. 51—52 <всего 6 каталогов>.

пример академика Фишера, профессора Брауна, адъюнкта Клейнфельда и др. Тем больший интерес представляет упомянутый каталог библиотеки Я. Г. Леванидова. Хотя печатный экземпляр этого «Реэстра» не дошел до нас, но благодаря тому, что в Архиве Академии наук сохранился рукописный наборный оригинал его, мы имеем возможность представить себе более подробно характер этой библиотеки.¹

О Я. Г. Леванидове сведений в литературе почти нет. Известно, что он родился в 1699 г., был «влиятельнейшим обер-секретарем» синода с 1740 г. и умер в 1756 г.² За несколько лет до своей смерти Я. Г. Леванидов продал свой деревянный дом, «состоящей на Васильевском острову во второй линии, недоходя большой перспективой (!)».³ После его смерти вдова его Настасья Васильевна, хотя и неграмотная (к ее доношению в Канцелярию Академии наук, по ее просьбе, «руку приложил» синодальный «копейист» Михайло Воронов), но, видно, женщина практическая, решила продать библиотеку своего мужа с аукциона, для чего и напечатала каталог, как уже было указано, в количестве ста экземпляров. Это первый вообще печатный каталог русской частной библиотеки. Не приходится говорить о том, что он представляет исключительную

¹ Машинописную копию этого каталога любезно предоставил в мое распоряжение кандидат педагогических наук Д. Д. Шамрай, за что я приношу ему благодарность.

² См.: «Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря». — «Сборник императорского Русского исторического общества», т. 60. СПб., 1887, стр. 478.

³ «Санктпетербургские ведомости», 1751, 15 января, № 5, стр. 39.

редкость, — ни в одном книжном собрании в Советском Союзе этот каталог не зарегистрирован.

В «Резстре книгам» Я. Г. Леванидова отдельно перечислены книги гражданские и церковные и в каждом отделе сначала печатные, затем рукописные («письменные»); внутри каждой категории описание идет по форматам, обозначенным по-старинному: в десть, в полдесть, в четверть. Всего печатных гражданских книг перечислено здесь сто семьдесят пять, рукописных — двести. Церковных книг в библиотеке Леванидова было девяносто печатных и двести девять рукописных. Часть этого собрания на аукционе была куплена Библиотекой Академии наук.¹ Куда попали остальные, сведения в литературе мне не встречались. Если верить одному, очень позднему, свидетельству, успех аукциона был исключительный: протоиерей П. А. Алексеев писал в конце XVIII века, что «синада бывший обер секретарь Леванидов дозволенными средствами накопил столько рукописных книг... по кончине его на 3 000 р. продано».² Указанная цифра по масштабам середины XVIII века представляла сумму огромную.

¹ См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. Под ред. П. Н. Беркова. М.—Л., 1958, стр. 224; М. Н. Мурзанова, Е. И. Боброва и В. А. Петров. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Вып. 1. XVIII век. М.—Л., 1956, стр. 230, 231, 446 и 450.

² «Бумаги протоиерея Петра Алексеева». — «Русский архив». 1882, т. II, № 5, стр. 83—84; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, ч. 2. Киев, 1892, стр. 1151.

Литературные интересы обер-секретаря синода Я. Г. Леванидова были очень широки: в его «реэстр» мы находим и рукописные «Сатиры» Кантемира, и печатные произведения Ломоносова, Тредиаковского, Поповского и Сумарокова, много рукописных политических памфлетов, в том числе и такие злободневные, как «Разговоры Семена и Ионы, двух российских солдат» (1743) и «Разговоры в царстве мертвых». Служба по духовному ведомству не мешала Леванидову интересоваться такими рукописными книгами, как «Галант Саксонский, или Волокита», «О купеческой дочери итальянской», «О мирном житии. Смехотворная», «Война междоусобная мужа с женою», «Похождение Женеты» и тому подобными, большей частью фривольного содержания произведениями.

И каталог книг Стефана Яворского с «Прощальной элегией» (1721), и «Реэстр книгам» Я. Г. Леванидова (1756), по существу, стоят в преддверии русской библиофильской литературы, так как между каждым из них и последующим имеется перерыв в тридцать пять — сорок лет: начало непрерывной линии развития нашей библиофильской литературы относится к 1794 г., когда был напечатан первый каталог библиотеки графа Д. П. Бутурлина.

К концу XVIII века некоторая часть высших слоев русского дворянства стала серьезно интересоваться собиранием книг, гравюр, географических карт, старинных рукописей и т. п.¹ Воспитанные преимущест-

¹ Библиофилы были и в более раннее время, а в особенности — с начала XVIII века (Петр I, граф Я. В. Брюс, князь Д. М. Голицын, Феофан Прокопович и др.), но как библиофилы-авторы они не выступали.

венно французскими гувернерами, вращавшиеся в среде, говорившей главным образом по-французски, эти наши библиофилы и книги собирали чаще всего напечатанные на французском или других иностранных языках. Большие средства, которыми они располагали, и хорошо налаженная связь с продавцами старинных и редких книг в России и Западной Европе позволяли таким коллекционерам создавать выдающиеся по своему характеру собрания. Не довольствуясь, подобно большинству русских библиофилов XVIII века, составлением рукописных каталогов своих библиотек, имевших назначение служить охранными описями, вельможи конца XVIII — начала XIX столетия стали печатать описания своих собраний; подражая европейским знатым коллекционерам, они издавали каталоги своих библиотек в ограниченных тиражах и в роскошном оформлении.

Граф Дмитрий Петрович Бутурлин (1763—1829), один из богатейших людей тогдашней России,¹ сначала воспитывался под руководством своего дяди графа А. Р. Воронцова, известного дружбой с Радищевым и покровительством ему; затем Бутурлин учился в кадетском корпусе, был выпущен адъютантом к Потемкину, от которого через две недели перешел в коллегию иностранных дел, но по нелюбви к службе вскоре вышел в отставку. В дальнейшем он нигде не служил (номинально он числился директором Эрмитажа) и целиком предался своей страсти — собиранию биб-

¹ См.: Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России. Экономическо-историческое исследование. Изд. 2-е, дополн., СПб., 1885, стр. 112.

лиотеки, или, точнее, библиотек: первое его собрание сгорело в 1812 г. во время московского пожара, после чего он стал собирать вторую библиотеку.

Книжная коллекция Бутурлина принадлежала к типу так называемых «универсальных» или «энциклопедических» библиотек, которым противопоставлялись библиотеки «специальные» или «тематические».

Известный русский библиофил-библиограф второй половины XIX века Г. Н. Геннади писал:

«Библиотека Бутурлина была составлена во вкусе библиофилов прошлого века, с целью иметь собрание разнообразно энциклопедическое и лучшие книги по всем отраслям знаний, в хороших изданиях. Многосторонность и полнота в выборе сочинений и изданий выказывает нам в графе и знатока, и щедрого собирателя. Любопытно было бы знать, сколько лет составлялась эта библиотека и чего она стоила? Разумеется, революция во Франции немало способствовала графу в собирании его сокровищ».¹

Описания своей первой библиотеки Д. П. Бутурлин издал дважды: впервые — в 1794 г. в Петербурге,²

¹ Г. Н. Геннади. Русские библиофилы. Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги. — «Журнал министерства народного просвещения», 1856, ч. 90, отд. III, стр. 5.

² Catalogue de la Bibliothèque de M. le C-te D. Boutourline. Première partie contenant les livres imprimés en langue française, quelques manuscrits etc. A. St. Petersb. 1794, 4°, 149 p. (Каталог библиотеки графа Д. Бутурлина. Часть первая, содержащая книги, напечатанные на французском языке, некоторые рукописи и т. д. СПб., 1794, 4°, 194 стр.).

второй раз — в Париже в 1805 г.¹ В 1817 г. он переселился в Италию, где ревностно начал вновь собирать книги, каталог которых был издан во Флоренции в 1831 г., уже после смерти владельца библиотеки. Уступавшая по количеству томов первому его собранию, в котором считалось до 40 000 томов, вторая библиотека Бутурлина (в 33 000 томов) была в 1839—1840 гг. продана его наследниками в Париже с аукциона; для этой цели были выпущены три специальных каталога. Сумма, вырученная от аукциона, составляла 300 000 франков.²

Любопытно — по крайней мере для книголюбов, мне кажется, — предисловие Д. П. Бутурлина ко второму его каталогу, — здесь чувствуется неподдельная увлеченность библиофильством, живая любовь к книге, выраженные старомодным, но по-своему изящным французским языком. Приведу начало этого предисловия в переводе Г. Н. Геннади:

«Издавая в свет роспись моим книгам, я намерен был дать самому себе отчет в собственном наслажде-

¹ Catalogue des livres de la Bibliothèque de S. E. M. le Comte de Boutourline; revu par M. M. Ant. Alex. Barbier, bibliothécaire du conseil de l'Etat, et Charles Pougens, de l'Institut de France etc., suivi d'une table des auteurs. Paris, an XIII (1805), 8°, VI, 758 p. (Каталог книг библиотеки... графа Бутурлина, просмотренный господами Ант. Алекс. Барбье, библиотекарем Государственного совета, и академиком Шарлем Пужаном, сопровождаемый указателем авторов. Париж, год XIII (1805), 8°, VI, 758 стр.).

² Подробности о библиотеке Д. П. Бутурлина см. в работе: У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. — «Русский библиофил», 1911, № 4, стр. 46—47.

нии. Вышедши из детского возраста, я находил удовольствие в науках, и учение всегда было для меня не только отдохновением, но и истинною необходимостью. Это одно из важнейших побуждений, за которые благодарю провидение. В возрасте страстей и заблуждений я постоянно находил спокойствие и истину в беседе с моими книгами. Они тогда заменяли мне верных друзей, наставников и руководителей. Теперь, в возрасте зрелом от лет и опытности, они также служат мне наставлением и отдохновением; освещая предо мною прошедшее, лучше знакомят меня с настоящим и указывают на некоторые вероятности будущего. От них также ожидаю советов, подпоры и утешений в летах, в которых живет человек одними воспоминаниями. Эти причины, думаю, довольно оправдывают мою нежную, сердечную и всегдашнюю любовь к ним. Вероятно, кроме пользы и признательности, внушивших мне страсть к моим книгам, есть еще другое побуждение, которого действие я чувствую, не углубляясь никогда в основание или корень его. Это собрание все мною составлено от первой и до последней книги; а свое дело всякому приятно. Сверх того, напечатание моего каталога будет мне еще полезно, когда я, разлучась с моими книгами и отдаляясь от моего отечества, стану вспоминать счастливые, проведенные с ними дни. Он послужит мне для будущих приобретений, потому что я не думаю отказаться от этого наслаждения, и только надеюсь быть еще внимательнее в выборе изданий и самых оттисков, при всяком благоприятном случае, как спокойный хозяин, постараюсь увеличивать и украшать свое добро. Великолепные произведения

Дидота,¹ Бодония,² Ренуара³ и пр. никогда не найдут меня равнодушным к их красотам, равно как и превосходные оттиски старинных изданий, которыми я могу обогатить мое собрание, всегда доставят мне удовольствие...»⁴

«Предисловие» Д. П. Бутурлина представляет для нас интерес не только как образец русской библиофильской литературы конца XVIII — начала XIX века. Стремясь объяснить, и прежде всего самому себе, причины издания каталога, Бутурлин, помимо характерных для его эпохи доводов «пользы и признательности», выдвигает очень важный аргумент, хотя еще недостаточно ясно им самим осознанный и не вполне отчетливо сформулированный. Это — соображение о том, что создание библиотеки есть труд длительный, целенаправленный, нелегкий, но как всякий свободный труд — в конечном счете источник радости для челове-

¹ Дидо (Didot) — старинная французская типографско-издательская фирма. Здесь имеются в виду либо Пьер Дидо (1760—1853), выпускавший великолепные издания античных классиков, либо его брат Фирмен Дидо (1764—1836), издания которого отличались необыкновенным изяществом, благородством шрифтов и красотой оттисков.

² Бодони Джамбатиста (1740—1813) — итальянский типограф-издатель, один из теоретиков искусства книги стиля рококо.

³ Ренуар Антуан-Огюстен (1765—1853) — французский книгопродавец, издатель и библиограф. Его типографская деятельность началась в период французской революции. В годы, когда писал свое предисловие Д. П. Бутурлин, Ренуар являлся сторонником и пропагандистом неоклассического стиля в искусстве книги.

⁴ «Журнал министерства народного просвещения», 1856, ч. 90, отд. III, стр. 3—4.

ка, его производящего, «а свое дело, — пишет Д. П. Бутурлин, — всякому приятно».

С каталогов Д. П. Бутурлина начинается длинная серия подобных изданий, содержащих описания принадлежавших аристократам «универсальных» или «энциклопедических» библиотек на иностранных языках: графа А. Г. Головкина (каталоги изданы в 1798 и 1811 гг.), графа А. К. Разумовского (1810 и 1814), князя М. П. Голицына (1816 и 1820), камергера А. С. Власова (1819 и 1821) и др. В большей части таких библиотек обязательно имелись инкунабулы и книги XVI века, а также издания Альда Мануция,¹ Эльзевиров² и прочих выдающихся печатников со времен изобретения книгопечатания. Русских книг в этих собраниях почти не было или не было вовсе. Даже книги о России (как, например, в библиотеке Д. П. Бутурлина) были только на иностранных языках.

Одной из последних русских библиотек подобного характера была библиотека Сергея Дмитриевича Пол-

¹ Альд Мануций (Manucci Aldo) (1449—1515) — выдающийся венецианский типограф, ввел в книгопечатание латинский шрифт («антиква») вместо готического, а также изобрел курсив, упорядочил употребление знаков препинания. Издания его, называемые по его имени «альдинами», отличаются исключительным изяществом, простотой оформления и точностью текста.

² Эльзевирь (точнее — Хельшфийры) — семья голландских типографов-издателей, действовавшая с конца XVI по конец XVII века и выпустившая в свет большое число превосходно напечатанных книг, которые обычно называются «эльзевирями». Одно из лучших и полных собраний эльзевиров имеется в Гос. Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

торацкого (1803—1884), состоявшая, впрочем, и из превосходного собрания русских книг, газет и журналов XVIII века; эта часть досталась Полторацкому от его деда, богача XVIII века П. К. Хлебникова, в том числе и самое полное собрание петровских «Ведомостей», приобретенное позднее императорской Публичной библиотекой и хранящееся ныне в Отделе редкой книги ГПБ. Представление об иностранной части библиотеки С. Д. Полторацкого дает заглавие описания ее, опубликованного владельцем: «Catalogue de ma bibliothèque, accompagné de notes bibliographiques et littéraires et suivi de tables alphabétiques et analitiques. Livres allemands, anglais, danois, espagnols, français, grecs, hébreux, hollandais, italiens, latins, portugais, suédois etc. Serge Poltoratzky de Moscou» (М., 1862, 48 стр.). («Каталог моей библиотеки, с библиографическими и историко-литературными примечаниями и алфавитным и предметным указателями. Книги немецкие, английские, датские, испанские, французские, греческие, древнееврейские, голландские, итальянские, латинские, португальские, шведские и т. д. Сергей Полторацкий из Москвы»). Издание это было недопечатано и в свет не выпущено; сделано было сто экземпляров, но сохранилось едва ли десять. Следуя моде, возникшей в середине XIX века, — печатать некоторое количество экземпляров библиофильского издания на бумаге иного качества, чем основной тираж, например на цветной, С. Д. Полторацкий выпустил четыре экземпляра на розовой бумаге. Нам в дальнейшем придется еще встретиться с этой особенностью библиофильства третьей четверти XIX века и отрицательным отношением к ней серьезных библио-

филов; поэтому я обращаю внимание читателей на эту подробность.

В библиотеке Полторацкого было свыше 15 000 томов, вместе с дублетами. Русский отдел ее составлял меньшую часть. Литературные работы владельца библиотеки 20—40-х годов XIX века как бы предвосхищают то направление, которое возобладало с середины этого столетия и которое заключалось в описании редких книг, журналов и газет из собрания библиофила. С. Д. Полторацкий был сотрудником упоминавшегося выше библиофильского журнала «Бюллетень бельгийского библиофила».

Одним из последних представителей старого библиофильства первой половины XIX века был в середине прошлого столетия Сергей Александрович Соболевский (1803—1870), известный остро слов и эпиграмматист, друг А. С. Пушкина и соученик брата поэта, Льва Сергеевича. Как и библиотека С. Д. Полторацкого, книжное собрание Соболевского в основном было скомплектовано из книг на иностранных языках (17 000 томов из общего числа 20 000); сюда входили книги на английском, немецком, итальянском, французском и других европейских языках; русских книг было около трех тысяч. В библиотеке Соболевского, заключавшей множество редчайших изданий (одна книга по ранней истории Америки была после его смерти продана в Соединенные Штаты за шесть тысяч долларов, сумму в 1885 г. баснословную), было в основном два отдела: путешествия и книговедение. Последний отдел считался в то время самым полным среди частных библиотек России.

В то время как библиофилы первой половины

Г. Н. Геннади

П. А. Ефремов

XIX века не любили высказываться по вопросам библиофильства и ограничивались описаниями интересных книг из своего собрания, Соболевский — впрочем, тоже не в печати — изложил свой взгляд на книголюбие и книголюбов, представляющий одну из любопытнейших страниц русской библиофильской литературы. Это — его письмо, отправленное за год до смерти одному из тогдашних особенно плодовитых, но малоосведомленных книголюбов-библиографов. Письмо это я полностью привожу ниже (см. стр. 193—197).

Рассмотрение сведений о последних крупных библиотеках первой половины XIX века на иностранных языках отвлекло нас от эпохи, о которой я сначала говорил, а именно от первой четверти прошлого столетия.

Еще во второй половине XVIII века, в особенности в последней его четверти, в противовес широко распространенному тогда увлечению французской культурой в ущерб своей национальной, среди передовой части русского общества стал активно проявляться интерес к истории России, к русскому национальному характеру, фольклору и пр. Одним из наиболее видных пропагандистов этого движения был выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков (1744—1818). Под влиянием его издания «Древняя российская вивлиофика» (то есть библиотека), в котором печатались старинные исторические документы и литературные произведения, ряд русских вельмож стал приводить в порядок свои семейные архивы и библиотеки и затем пополнять их покупками других материалов.

Еще больше стал расти в этой части русской знати интерес к национальной культуре под влиянием

народного подъема в период Отечественной войны 1812 года. Так возникли собрания древностей и библиотеки графа Н. П. Румянцова, графа А. И. Мусина-Пушкина (владельца единственной рукописи «Слова о полку Игореве»), графа Ф. А. Толстого, П. Г. Демидова и др.

К сожалению, только немногие из таких наших библиофилов издавали каталоги своих библиотек. Особенно замечательны каталоги библиотеки Ф. А. Толстого: «Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника <...> графа Ф. А. Толстова. Издали К. Калайдович и П. Строев. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII в. М., 1825, 8^о, LXVII, 811, 6 нenum. стр.» (и два «Прибавления» 1825 и 1827 гг.) и «Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке тайного советника <...> графа Ф. А. Толстова. Издал П. Строев. С 24 гравированными изображениями шрифтов. М., 1829, XXIV, 592 стр.».

Составленные выдающимися специалистами в области старой русской книги, рукописной и печатной, К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым (впоследствии первый был избран членом-корреспондентом Академии наук, а второй — академиком), оба «Описания» библиотеки графа Ф. А. Толстого давно стали надежными библиографическими и историко-книжными пособиями, для своего времени образцовыми. Это библиографическое качество обоих «Описаний» явилось результатом учености их составителей, но отнюдь не было поставлено в виде сознательной задачи. Для графа Толстого, как и для любого другого библио-

фила тех лет и последующих десятилетий, оба «Описания» представляли факты русского библиофильства и произведения русской библиофильской литературы.

И именно с этой последней точки зрения мы рассмотрим несколько мест обширного (свыше 60 страниц) предисловия, подписанного «Издатели». Вначале, указав на три богатейшие русские государственные библиотеки (Московскую синодальную, Новгородскую при Софийском соборе, Московского архива государственной коллегии иностранных дел) и одну частную — графа Н. П. Румянцова, авторы предисловия продолжают: «К сему числу принадлежит и библиотека, которой обстоятельное описание представляется здесь ученому совету. Владелец ее <...> граф Федор Андреевич Толстой в течение многих лет от избытков достояния приобретал письменные памятники славян-русской литературы. Благоприятства случая и благородная щедрость собирателя наиболее содействовали ее умножению. Она уцелела при великом пожаре Москвы, в котором погибли богатые собрания рукописей графа А. И. Мусина-Пушкина, профессора Баузе и Общества истории и древностей российских. После 1812 года сие хранилище получило значительное приращение покупкою около 200 книг, находившихся в многочисленной некогда библиотеке князя Д. М. Голицына;¹ потом поступили рукописи П. П. Бекетова. Но всего более содействовали его умножению предприимчивые торговцы: подстрекаемые

¹ В его подмосковном селе Архангельском. О ней упоминает Татищев в «Российской истории» (кн. 1, ч. I, стр. 62. Примеч. К. Калайдовича и П. Строева).

желанием выгоды, они привозили письменные памятники ото всех краев России».

Последнее указание особенно интересно: это одно из первых в литературе сообщений о том невероятном ажиотаже среди московских и петербургских книгопродавцев, который обнаружился в период после Отечественной войны 1812 года, когда среди аристократов, и не только таких, как Румянцов и Толстой, стало модным проявлять интерес к славяно-русской старине. В это время в столицы привозилось великое множество древних и более новых рукописных и печатных книг, а ловкие, но не всегда достаточно подготовленные к тому книгопродавцы даже стали заниматься изготовлением подделок, например А. И. Бардин¹ и др.

В конце предисловия К. Ф. Калайдович и П. М. Строев говорят о приложении, представляющем пять таблиц со снимками (факсимиле) старинных почерков: «Сии палеографические таблицы — первые у нас в своем роде — оградят издателей от нареканий тех излишне недоверчивых судей, коим способ определения древности рукописей по их почерку может показаться сомнительным. Прилежное внимание к мелким отличиям, незаметным для неопытных, строгая критика и некоторого рода навык, приобретаемый долговременным обращением с письменными памятниками: вот надежные к тому средства. Знатор рукописей определяет вековые эпохи их написания точно

¹ Об Антоне Ивановиче Бардине см.: М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — «Проблемы источниковедения», V. М., 1956, стр. 46—62.

так же, как любитель искусств узнает художников по очерку фигур и приемам резца или кисти. В других землях просвещенной Европы все это не диво; но у нас слишком возможное почитается иногда невероятным».

Эти скромные замечания К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева и подготовленные и изданные ими в свет таблицы старинных почерков имели большое значение в истории русского библиофильства и русской исторической и историко-литературной науки: это было, с одной стороны, практическое руководство для русских библиофилов, которое могло помочь им приобрести навыки в определении древности предлагаемых им для покупки рукописных книг, а с другой — это было начало русской палеографии, вспомогательной дисциплины истории и литературоведения, без которой сейчас невозможна никакая, даже самая элементарная работа ученого и без которой не обходится ни один серьезный книголюб, собирающий древнерусскую письменность. Аналогичное значение имели приложенные ко второму «Описанию» библиотеки Толстого таблицы славяно-русских печатных шрифтов с XV по XVIII век. Таким образом, граф Ф. А. Толстой своим изданием палеографических таблиц и таблиц шрифтов оказал большую помощь и книгособираателям, и науке.

К. Ф. Калайдович и П. М. Строев хорошо понимали значение изданий графа Толстого. Поэтому не удивительно, что они закончили предисловие к первому «Описанию» таким панегириком владельцу библиотеки: «Остается сказать о той бескорыстной, истинной любви к просвещению, которая одушевляет почтенного собирателя нашей библиотеки. Исторгая

письменные сокровища из рук невежества, он не таит их от ученых. Ему неизвестна жалкая склонность библиографов,¹ сберегающих литературные достопамятности, кажется, с тем, чтобы первый несчастный случай мог истребить их удобнее. Единственно отсюда сколько драгоценных библиотек погибло без всякой пользы для просвещения? Хранилище нашего патриота доступно всем изыскателям древности. Российский историограф <Н. М. Карамзин> извлек из него многие материалы для бессмертного своего творения; и другие ученые им пользовались. Но какие богатства славянской литературы сберегаются еще для будущих изыскателей?

Хвала ревностному собирателю, руководимому общею пользою и любовью к просвещению!»

Библиотека Ф. А. Толстого, действительно, являлась одним из самых замечательных частных собраний в России. К счастью, ее не постигла судьба библиотеки графа Д. П. Бутурлина, графа Д. Н. Шереметева и других. Однако владелец ее не поступил так благородно, как граф Н. П. Румянцов и А. Д. Чертков, безвозмездно передавшие свои библиотеки государству: библиотека Ф. А. Толстого была в 1830 г. куплена тогдашним правительством, перевезена в Петербург и передана в Публичную библиотеку.

Упомянутый только что А. Д. Чертков (1789—1858), также один из богатейших людей в России в первой половине прошлого века,² в отличие от любии-

¹ Библиограф — книгосокрыватель, библиофил, прячущий свои книги от посторонних лиц.

² См.: Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных людей в России. Изд. 2-е. СПб., 1885, стр. 138.

телей славяно-русских древностей, сосредоточил свои интересы на собирании всего того, что когда-либо и на каком бы то ни было языке писано о России. Поэтому в его собрании были не только русские и иностранные печатные и рукописные книги, не только рукописи литературного и научного содержания, но и атласы, карты, планы, гравюры, портреты выдающихся и вообще известных русских деятелей и т. п.

Начав коллекционировать книги и другие материалы не ранее 1825 г., А. Д. Чертков к концу своей жизни собрал около 17 000 томов, не считая брошюр, которых, впрочем, в первой половине XIX века было мало, и около 300 рукописей. Им были изданы два каталога: «Всеобщая библиотека России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях. М., 1838, XI, 528 стр., Прибавление первое, стр. 529—631»; «Прибавление второе. М., 1845, X, 574 стр.». Библиофильский характер этих изданий отчетливо виден в том, что напечатаны были оба каталога в небольшом количестве экземпляров, не для продажи; первый каталог был издан всего лишь в 100 экземплярах. Позднее, по смерти А. Д. Черткова, в 1863—1864 гг. было выпущено второе издание этого каталога. Сын А. Д. Черткова подарил библиотеку своего отца городу Москве, она вошла в состав библиотеки нынешнего Государственного Исторического музея.¹

¹ О библиотеке Черткова см.: У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. Вып. 2. Приложение к «Русскому библиофилу» 1911 года. СПб., 1912, стр. 69—70; Д. В. Ульяновский. Библиотека. Т. II. М., 1913, стр. 1115—1118.

В числе любопытных явлений русской библиофильской литературы второй половины XIX века следует указать «Опись библиотеки, находившейся в Москве, на Воздвиженке, в доме графа Дмитрия Николаевича Шереметева до 1812 г.» (СПб., 1883, 615 стр.). Хотя каталог этой библиотеки был напечатан в количестве 600 экземпляров, то есть тиражом, который, по тогдашним понятиям, не считался библиофильским, издание это преследовало не научные и тем более не коммерческие цели, а библиофильские — представить собирателям характеристику типичной аристократической книжной коллекции конца XVIII — начала XIX века. От библиотек Д. П. Бутурлина, А. К. Разумовского, А. Д. Власова и других данное собрание отличалось тем, что в нем, наряду с 12 000 иностранных книг большей частью беллетристического и исторического содержания, имелось свыше 4000 русских гражданских и около 500 духовных книг, около 1500 комплектов русских и французских газет и иных изданий. Каталог библиотеки Д. Н. Шереметева, ранее принадлежавшей его отцу, графу Н. П. Шереметеву, был составлен крепостными библиотекарями последнего; в «Описи» — масса ошибок, то ли являющихся следствием небрежности наборщиков, то ли представляющих результат малограмотности крепостных каталогизаторов. Тем не менее «Опись библиотеки Д. Н. Шереметева» ценна и интересна как памятник русской культуры XVIII — начала XIX века и как запоздалое явление раннего этапа русской библиофильской литературы, опубликованное тогда, когда в ней господствовали уже другие принципы и в моде были другие «жанры».

До сих пор мы говорили о библиотеках, собиравшихся богатыми и знатными дворянами XVIII — первой половины XIX века, и об их каталогах. Из сказанного могло создаться впечатление, что в России библиотеки составлялись только дворянами и в свет выходили описания одних только дворянских книжных коллекций. На самом деле это было не так. И в допетровское время, и в XVIII веке книги у нас собирали лица разных званий, не только дворяне: и представители духовенства, и купцы, и мещане, и даже крестьяне. Изучение владельческих и читательских надписей на старых рукописных и печатных (церковных и гражданских) книгах позволяет сделать интереснейшие выводы о том, что книги не менее интенсивно собирали и читали демократические слои населения.¹

Благодаря этим надписям, сохранившимся на отдельных экземплярах книг, у нас есть сведения о владельцах и читателях крестьянах, мещанах, солдатах, купцах. К сожалению, описей таких библиотек до нас

¹ См.: А. Н. Лебедев. Надписи на книгах. Из журнала «Книговедение». 1896, М., 1895, 34 стр. (или «Книговедение», 1896, №№ 1—2); В. В. Буш. Древнерусская литературная традиция в XVIII в. (К вопросу о социальном расслоении читателя). Вступительная лекция на пед. ф-те Саратовского гос. университета. Саратов, 1925, 11 стр. (или «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. IV, вып. 3, 1925). К сожалению, огромный материал о владельческих и читательских надписях, опубликованный в советское время, не суммирован и не обобщен. О надписях читателей см. содержательную статью покойного академика А. И. Белецкого «Надписывающие на полях книги» в сб. «Библиотечные преступники» (Харьков, 1924, стр. 49—77).

не дошло. Тем больший интерес представляют сведения о нескольких книжных собраниях, принадлежавших крестьянам и мещанам в XVIII — начале XIX века.

В 1909 г. на IV областном историко-археологическом съезде в Костроме краевед-археолог П. Ф. Симсон, владелец довольно хорошего собрания рукописных и старопечатных книг, сделал доклад, изданный тогда же отдельно под заглавием «О св. писании снискатель патриарший крестьянин, родом из г. Осташкова, Петр Антипыч Меншагин» (Тверь, 1909, 25 стр.) и затем вторично напечатанный в «Трудах IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г.» (Кострома, 1914, стр. 17—38); здесь доклад П. Ф. Симсона назывался «Один из первых наших библиографов, патриарший крестьянин, родом из г. Осташкова, Петр Антипыч Меншагин».

Незадолго до своего доклада П. Ф. Симсон приобрел рукопись петровского времени на 556 страницах скорописи; она, как потом писал Симсон, представляла «обширную энциклопедию сведений» из области религии и церковной литературы. Автор этой рукописи, П. А. Меншагин, заимствовал материал из старопечатных и частично рукописных книг, точно указывая название произведения, время выхода его в свет, формат, количество листов и иногда строк на странице, содержание и заглавие отдельных статей книги. Записи свои П. А. Меншагин сделал в промежутки с 1712 по 1720 гг. Приведенные данные заставили П. Ф. Симсона выдвинуть гипотезу, что Меншагина можно считать одним из ранних наших библиографов.

Присутствовавший на съезде академик А. И. Соболевский не согласился с основным тезисом доклада и высказал мнение, что «скорее — это работа библиофила, преследовавшего свои особые цели». ¹

Конечно, А. И. Соболевский более прав, характеризуя Меншагина как библиофила, чем П. Ф. Симсон, называвший осташковского крестьянина библиографом. Правильнее всего, кажется, будет считать этого «о священном писании снискателя» типом старинного книгочия и книгостяжателя, то есть собирателя книг. Таких грамотных, любивших книгу крестьян было в те времена не так уже мало. Достаточно вспомнить соседа Ломоносова по деревне Денисовке Христофора Дудина, у которого будущий поэт нашел три лучших книги старой московской литературы и науки — «Псалтырь рифмоторную» Симеона Полоцкого, «Грамматику» Мелетия Смотрицкого и «Арифметику» Леонтия Магницкого. Также достаточно напомнить о замечательных обильных находках рукописных книг, ежегодно производимых выдающимся советским археологом, кандидатом филологических наук В. И. Малышевым: каждый его отчет о сотнях рукописных книг, которые этот энтузиаст со студенческих лет привозит из Усть-Цильмы и других северных мест, является замечательным свидетельством древнерусского крестьянского книголюбия.

Известно, что первые русские коллекции старинных предметов, включая рукописи, старопечатные книги и т. п., принадлежали в XVIII веке дворянам,

¹ «Труды IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г.». Кострома, 1914, стр. XXXVIII.

например историку и политическому деятелю В. Н. Татищеву, писателю и сенатору А. В. Олсуфьеву и др. Но как они составлялись, с чьею помощью, у кого покупались рукописи, книги, лубочные листы, мы не знаем. Несомненно, уже тогда были поставщики древностей для коллекционеров-сановников; были это, по всей видимости, грамотные мещане или крестьяне вроде Меншагина, но их имен старинные библиофилы нам не сохранили. Однако об одном таком книгопродавце, действовавшем с середины XVIII столетия, превосходном знатоке древнерусской материальной культуры, сведения до нас дошли. Это был каширский мещанин-самоучка Игнатий Ферапонтович Ферапонтов (1740 — до 1820). О нем в 1811 г. упоминавшийся выше археограф К. Ф. Калайдович писал следующее:

«В Москве давно уже торгует старинными русскими письменными и печатными книгами, также древними иконами почтенный старик Игнатий Ферапонтович. Жизнь его не славна важными подвигами; но истинное усердие, принесенное в жертву отечеству, должно быть для нас не менее драгоценно <...> Почтенный старик с невероятною ревностью собирал, где только мог проводить, все древние книги, нередко и сам покупая дорогою ценою. Сожалеть несколько должно о том, что книги, иконы, кресты и другие редкости находятся в разных руках; но Игнатий Ферапонтович заслуживает общую благодарность за то, что без его старания, может быть, несколько сотен важных книг совершенно бы пропали от нерадения; ибо лет за 40 перед сим весьма немногие думали о собирании их... Русские патриоты! вы никогда не должны за-

быть истинного усердия, принесенного в жертву отечеству!»¹

Книгопродавцы, подобные Ферапонтову, как можно судить по примеру других торговцев старинными рукописями и книгами, живших в XIX веке, были не только выдающимися знатоками древностей, продажей которых они промышляли, но также и страстными собирателями: они для себя часто оставляли самые лучшие и редкие экземпляры, и у каждого из них постепенно образовывались очень ценные коллекции. Таков был, например, московский торговец старопечатными книгами и рукописями Т. Ф. Большаков, первоклассное собрание которого поступило в Московский публичный и Румянцовский музей и находится в теперешней Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве.²

Заинтересованные в удовлетворении спроса своих покупателей, но не в меньшей степени движимые и собственными собирательскими побуждениями, такие «продавцы древностей» ездили по всей России, вылавливали разными — законными и незаконными — путями литературную и историческую старину, предметы древнерусского искусства и привозили их в столицы. При всем том, что они на этом богатели, они, несомненно, сыграли исключительно полезную для истории русской культуры и науки роль — они сберегли

¹ К. Ф. Калайдович. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатие Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1811, стр. 5—6 и 20—21.

² Г. П. Георгиевский. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в Московском публичном и Румянцовском музее. Пг., 1915, VIII, 455 стр.

от гибели большие литературные и художественные ценности. Забывать и недооценивать их заслуги и для истории русского библиофильства тоже нельзя.

Во второй четверти XIX века интерес и — больше того — иногда и искреннее влечение к собиранию и изучению национальных древностей, в особенности рукописных и старопечатных книг, начинает распространяться и в среде столичного купечества. Появляются коллекции купцов А. И. Кастерина, И. Н. Царского, А. И. Хлудова, Ф. Е. Сокурова и др. Не менее библиофилов-аристократов конца XVIII — начала XIX века купцы-коллекционеры не стеснялись в средствах на приобретение рукописных и старопечатных книг. Собрания, перечисленные выше, были в свое время очень крупными по объему и ценными по составу. Войдя во вкус библиофильской деятельности, коллекционеры-купцы, в подражание примеру графа Ф. А. Толстого, стали издавать описания и своих библиотек, обращаясь иногда к знаниям и опыту авторитетных ученых, как, например, того же П. М. Строева. По просьбе купца И. Н. Царского Строев на протяжении двенадцати лет, с 1836 по 1848 г., составил три каталога его собрания: «Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского первой гильдии купца и Общества истории и древностей российских благотворителя Ивана Никитича Царского. Издал Павел Строев. С 12 гравированными изображениями шрифтов. М., 1836, VIII, 454 стр.»; «Каталог славяно-российских рукописей, принадлежащих московскому первой гильдии купцу и Обществу истории и древностей российских благотворителю Ивану Никитичу Царскому. М., 1836, 78 стр.»; «Руко-

писи славянские и российские, принадлежащие почетному гражданину и Археографической комиссии корреспонденту Ивану Никитичу Царскому. Разобраны и описаны Павлом Строевым. М., 1848, V, 916 стр.».

Любопытно сопоставить предисловия, написанные П. М. Строевым к «Обстоятельному описанию славяно-российских рукописей... графа Ф. А. Толстова» (1825) и к «Рукописям славянским и российским <...> И. Н. Царского» (1848): насколько почтительно и даже панегирически звучит первое, настолько сдержанно, а местами и иронически написано второе.

«Почетный гражданин и Археографической комиссии корреспондент И. Н. Царский употребил много времени, старания и издержек на составление принадлежащего ему собрания славянских и российских рукописей, старых и новых. По его просьбе я привел в порядок и описал сии рукописи». «Собрание Царского, — продолжает П. М. Строев, в это время уже экстраординарный академик, — принадлежит к замечательным в своем роде: числом и достоинством рукописей оно не отстает от прочих, а разнообразием их превзойдет некоторые. Ревностный собиратель, кажется, наиболее старался о последнем». По-видимому, купец-заказчик не понял насмешки, заключенной академиком-исполнителем в последней части цитаты. Трудно было более ясно показать читателям, что «ревностный собиратель» только из тщеславия покупает как можно больше различных рукописей, «старых и новых», заботясь не о выдержанности и стройном характере своей коллекции, а о ее величине и тематическом превосходстве над другими частными библиотеками.

Не меньшей иронией проникнута заключительная часть короткого предисловия Строева к «Рукописям славянским и российским <...> И. Н. Царского»: «Остается заключить пожеланием, которое, без сомнения, разделят со мною все патриоты просвещенные: ревностный и почтенный собиратель да упрочит свое собрание навсегда целым и да не погибнет оно подобно многим частным библиотекам, от которых остались только каталоги или бескаталожная недолговечная память».

Коллекционеры-купцы собирали главным образом рукописную и старопечатную книгу; только Ф. Е. Сокуров сосредоточил свое внимание на коллекционировании книг времени Петра и Екатерины I. В этом последнем случае можно заметить любопытный факт постепенного перемещения хронологических интересов русских библиофилов.

В самом деле, с 40-х годов прошлого века в моду начинает входить собрание книг XVIII века. По-видимому, одной из причин этого было то, что собирательская деятельность Н. П. Румянцова, Ф. А. Толстого, А. И. Кастерина, И. Н. Царского и многих других, с одной стороны, извлекла из книжного рынка самые ценные и интересные для коллекционеров материалы по древнерусской рукописной и печатной книге, а с другой — очень повысила их цену: менее состоятельным собирателям было не по силам тягаться с богачами аристократами или купцами. Поэтому и возникла естественная в таких условиях потребность — обратиться к новой, пока еще не привлечшей внимания богатых библиофилов, области собирательства, к печатной книге XVIII века. Способствовало этому еще одно об-

стоятельство — исключительное обилие книг и журналов XVIII века на тогдашнем книжном рынке, в особенности в Петербурге. В отличие от более позднего времени, когда продажа старых книг сосредоточилась в специальных книжных магазинах, преимущественно на Литейном проспекте, в первой половине XIX века, даже и позднее, до 1862 г., главным центром букинистической торговли в Петербурге был Апраксин двор, или Апраксин рынок. В воспоминаниях библиофилов этого времени рассказывается, что в многочисленных маленьких лавчонках старого Апраксина двора — который в 1862 г. сгорел, подожженный агентами жандармерии и полиции из диверсионных, направленных против тогдашних революционеров целей, — имелось огромное количество книг, брошюр и журналов XVIII и начала XIX века, продававшихся по очень дешевым ценам. Кроме того, существовали так называемые «холодные букинисты», ходившие по домам и предлагавшие из своего холщового заплечного мешка книголюбам иногда редчайшие издания. Старые библиофилы уверяли, что после пожара 1862 г., истребившего все книжные лавки и лавочки в Апраксином дворе, количество книг XVIII и начала XIX века катастрофически упало, цены на них сразу же сильно возросли и собирание таких изданий стало очень затруднительно.

И именно это последнее обстоятельство — возникновение понятия «редкая печатная книга XVIII — начала XIX века» — повлекло за собою появление особой категории русских библиофилов — собирателей сравнительно «недавних» книжных редкостей. Из числа таких коллекционеров нужно в первую очередь

назвать Г. Н. Геннади, М. Н. Лонгинова, Н. В. Губерти, Я. Ф. Березина-Ширяева. Первые три из них — собиратели-дворяне, культурные библиофилы, хорошо знакомые с западноевропейской библиофильской литературой и пишущие хорошим литературным языком. Все они очень состоятельные люди: первый из них — сын скромного переводчика канцелярии министерства иностранных дел, какими-то неясными способами сумевшего составить огромное богатство (в одних источниках говорится, что он был сибирским золотопромышленником, в других — что он удачно занимался откупам), два вторых — выходцы из богатых стародворянских семейств. Иной тип русского собирателя середины и второй половины XIX века представлял собой петербургский купец, составивший состояние биржевыми спекуляциями, Яков Федулыч Березин-Ширяев, получивший скудное образование, почти полуграмотный самоучка, склонный к графомании и очень — по-библиофильски — тщеславный. Прекратив в 1866 г. игру на бирже, он усиленно, но совершенно бессистемно стал пополнять свою уже довольно обширную библиотеку (к этому времени у него было более 2 500 названий) покупкой книг, главным образом редких, или, точнее говоря, считавшихся в кругу библиофилов редкими. Более тридцати лет продолжалась коллекционерская и библиофильски-литературная деятельность Березина-Ширяева (он умер в 1898 г., в возрасте 74 лет). И как ни отличался он по своему культурному уровню от таких библиофилов, как Геннади, Губерти и Лонгинов, у них всех есть две роднящие их черты — собирание в первую очередь редких книг и стремление давать о них сведения в печати.

Так началась новая страница в истории русской библиофильской литературы — период описания «редкостей».

Из перечисленных четырех корифеев русского библиофильства середины XIX века меньше прочих к «чистой библиофилии» имел отношение М. Н. Лонгинов (1823—1875), в молодые годы принадлежавший к кругу Некрасовского «Современника», а затем ставший ярким реакционером, главою цензурного ведомства и гонителем в русской печати всего сколько-нибудь отличавшегося от крайнего монархизма. Но и в годы участия в «Современнике» Лонгинов не отличался отчетливыми прогрессивными взглядами: его библиофильские статейки (он предпочитал называть их «библиографическими») нужны были редакции журнала для того, чтобы ее прогрессивная общественная позиция была прикрыта безобидными материалами о старых книгах и журналах, не имевшими никакого отношения к политике и современности. Характерно, что Лонгинов прекратил свое сотрудничество в «Современнике» в 1857 г., за два года до того, как из этого журнала ушли писатели-либералы и остались в нем одни только единомышленники Некрасова, Чернышевского и Добролюбова.

Значительная часть работ М. Н. Лонгинова выросла из его библиофильских интересов. Свою позицию как собирателя книг Лонгинов охарактеризовал в статье «Библиографическая редкость. Мешенина. Журнал 1773 года».

Чтобы стал ясен его библиофильский подход к вопросам истории литературы и вместе с тем чтобы убедиться в том, что в его словоупотреблении понятия

«библиофил» и «библиограф» являются синонимами, мы приведем несколько цитат из упомянутой статьи.

Сказав во вступлении к статье несколько слов о сатирических журналах 1769—1774 гг., Лонгинов далее пишет следующее: «Все эти журналы составляют теперь более или менее библиографические редкости. Но едва ли кто-нибудь из охотников до русских книг знаком с двумя из них: «Пустомелей» и «Мешениной». Самые записные изыскатели ограничиваются известием о том, что, по преданию, в «Пустомеле» напечатано в первый раз «Послание к слугам» фон-Визина,¹ а о «Мешенине» совершенно ничего неизвестно. О ней-то и хочу я сказать несколько слов. Русские библиофилы в последнее время очень размножились, и им, вероятно, будет любопытно узнать что-нибудь о журнале, которого нет даже в императорской Публичной библиотеке».

Далее Лонгинов сообщает, как он был обрадован, найдя «Мешенину» в библиотеке библиографа (то есть библиофила) С. Д. Полторацкого, а затем на четырех страницах подробно описывает этот совершенно неинтересный журнал бездарного, плохо владевшего языком литератора-иноземца. И после всего этого он делает следующее характерное для библиофила-библиографа признание: «Можно себе представить мое разочарование, когда я с трудом и скукою читал «Мешенину», найденную мною с такою радостью, понятною всякому библиофилу! Теперь удовольствие пополнить пробел нашей библиографии и поделиться находкою с собратьями утешает меня в этом разоча-

¹ В дальнейшем выяснилось, что это «предание» ошибочно.

ровании...» «Библиограф, — полусерьезно, полушутливо кончает свою статью Лонгинов, — неисцелим. Он нашел пустую книжонку, но она чрезвычайно редка — и он счастлив, и опять начинает искать другую, неизвестную, быть может еще пустейшую. Так и я жду с нетерпением, чтобы гений библиографии помог мне отыскать «Пустомелю», и тогда опять повещу тех, кому о том ведать надлежит, о своем открытии».

Из всех трех библиофилов-дворян, собирателей «редкостей», М. Н. Лонгинов больше других тяготел к истории литературы, которой принес несомненную пользу библиографическими, биографическими и текстологическими уточнениями.

Значительный вклад в изучение истории русской книги XVIII века сделал третий из названных библиофилов — Н. В. Губерти (1818—1896). Его монументальный труд, озаглавленный «Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом 1725—1800» (вып. I, М., 1878, V, 7—372 стр.; вып. II, М., 1881, 660, X, 3 стр.; вып. III, М., 1891, IV, 888 стр.), в основном был составлен по экземплярам его личной библиотеки, которая в русской библиофильской литературе характеризуется как «выдающееся собрание книг XVIII ст. на русском и иностранных языках». ¹ Именно тем обстоятельством, что в труде Губерти описаны

¹ У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. — «Русский библиофил», 1911, № 6, стр. 81; ср.: У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. Вып. II. Приложение к «Русскому библиофилу» 1911 года. СПб., 1912, стр. 18 (в статье о библиотеке Н. И. Носова).

преимущественно книги, имевшиеся в его библиотеке, объясняется ряд странностей в его «Материалах для русской библиографии». Так, при описании месяцесловов на 1770—1800 гг. у него есть пропуски (1774, 1778 гг.), часть месяцесловов охарактеризована во втором, часть в третьем выпуске, то есть были описаны по мере поступления в библиотеку автора.

Особенность труда Губерти заключается в том, что книги в нем описывались не только внешне библиографически, но и излагалось — иногда очень подробно — их содержание, давались биографические и историко-литературные справки, указывалась библиографическая и биографическая литература о данном авторе или произведении. Так, например, комедии В. В. Капниста «Ябеда» Н. В. Губерти посвящает тридцать страниц (III, 839—868), содержащих детальный, с большими цитатами пересказ этого произведения. О «Бедной Лизе» Карамзина говорится на семи страницах (III, 831—837), опять-таки с подробным изложением содержания и указанием всех известных автору «Материалов» перепечаток этой повести и переводов ее на иностранные языки. «Санктпетербургский журнал» 1798 г. описан Губерти на 14 страницах (II, 599—613) с чрезвычайной тщательностью и обстоятельностью.

Поэтому библиофильско-библиографический труд Губерти в дореволюционное время высоко ценился лицами, изучавшими русскую литературу XVIII века, и особенно преподавателями не столичных высших учебных заведений, не имевшими под рукой библиотек с нужными им для лекций и научной работы книгами писателей периода классицизма и сентиментализма.

Справедливость требует сказать, что и сейчас в ряде случаев обращение к «Материалам» Губерти приносит пользу. И все же это труд не ученый, а библиофильский. В некотором отношении он похож на «тетради» начетчика петровского времени П. А. Меншагина, также конспектировавшего с цитатами прочитанные книги, также указывавшего год издания, количество страниц в книге.

Однако наибольшее значение в истории русского буржуазного библиофильства, и не столько середины, сколько конца XIX и начала XX века, сыграл Г. Н. Геннади. Ни М. Н. Лонгинов, ни тем более Н. В. Губерти не оставили такого глубокого следа в русском библиофильстве и русской библиофильской литературе, как Геннади. Можно смело сказать, что ни в XVIII, ни в первой половине XIX века не было равных ему в среде русских библиофилов, в течение второй половины XIX века он был главной фигурой и только в начале XX века был оттеснен назад В. А. Верещагиным и Д. В. Ульянинским, о которых будет подробнее сказано ниже.

Итак, Григорий Николаевич Геннади (1826—1880) среди библиофилов третьей четверти прошлого века — одна из самых заметных и популярных, пользуясь современным термином, ведущих фигур. В самом начале своей библиофильско-литературной деятельности он выступил со своеобразным «теоретическим трудом», статьей «Кое-что о редких книгах» в газете «Санктпетербургские ведомости» (1852, 10 июня, № 129, стр. 525—526; 11 июня, № 130, стр. 529—530). Это было первое «обоснование» «учения о книжных редкостях» в русской библиофильской литературе. Но,

напечатанная в виде газетной статьи, эта работа Геннади не имела такого значения, как вторая ее редакция — «О редких книгах, в особенности русских», представлявшая введение в его книгу «Русские книжные редкости. Библиографический список русских редких книг» (СПб., 1872). Правильнее было бы сказать, что значение имело не столько «теоретическое введение» Геннади в его «Русских книжных редкостях», сколько следующий за вводной статьей библиографический список, содержащий 246 номеров. Чего только нет здесь! Рядом с действительно редкими и ценными в общественном, литературном или научном отношении книгами, как, например, «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева (№ 71), «Вадим Новгородский» Княжнина (№ 84) и «Опыт о просвещении относительно к России» Пнина (№ 96), мы находим здесь «Описание вши, видимой в микроскоп» Ф. Каржавина (№ 63),¹ «О российской артиллерии» (№ 107), «Жизнь

¹ Должен признаться, что, по-видимому, я неправ в своей пренебрежительной оценке «Описания вши» Каржавина (см. мою книгу «О людях и книгах. Из записок книголюба». М., 1965, стр. 18). И. М. Кауфман в этой связи обратил мое внимание на то, что в превосходнейшем труде С. Л. Соболя «История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке» (М.—Л., АН СССР, 1949, стр. 576—580) перепечатано «Описание вши» Каржавина, а на стр. 385 автор пишет следующее: «Каржавин не ограничивается, однако, описанием микроскопического строения вши или пчелиного жала. Попутно он сообщает много других сведений, в частности медико-санитарные сведения, что вместе с простым, доступным стилем изложения делает произведение Каржавина как бы массовой книжкой для народа, ставящей задачу популяризации знаний и санитарного просвещения». Взял под свою защиту книгу Каржавина и Л. М. Леонов, не только один из самых крупных советских писателей, но и владелец прекрасного собрания редких русских книг.

знаменитого астраханца, или Странные приключения Улабира, сына одного богатого мурзы, извлеченные из его записок» (№ 115), «Молитвы, чтимые в навечерии пятидесятницы» (№ 170), «История моего котенка» баронессы Елены Корф (№ 208) и т. д.

Хотя в своем «теоретическом введении» Геннади высказывает ряд здравых мыслей о книжном собирательстве и о действительной и мнимой ценности «безусловно редких» и «условно редких книг», но в целом его взгляды на библиофильство являются типичным выражением буржуазной идеологии. Он писал: «...вероятно, в душе человека есть более глубокое основание книголюбия. Это основание должно искать как в потребности духовной пищи и умственных нуждах, так и в общем всем людям стремлении к приобретению и обладанию, в наслаждении чувством собственности, прирожденном человеку. От этого библиофил желает не только пользоваться книгой, но и приобрести ее. От этого же проистекает страсть к редким книгам: собирателю таких книг приятна мысль, что книжная редкость принадлежит именно ему и очень мало и даже совсем нет таких же избранников, как он. И он благословляет случай, доставивший ему драгоценную книгу, он уважает и любит ее, украшает переплетом и только скрепя сердце расстаётся с нею».¹

Эту «собственническую» теорию библиофильства Геннади пытается смягчить и ограничить соображе-

¹ Г. Н. Геннади. Русские книжные редкости. Библиографический список русских редких книг. СПб., 1872, стр. 2—3. Подчеркнуто мною.

ниями более высокого морального порядка, например интересами науки¹ или стремлением содействовать научной или литературной работе других лиц² и т. п. Однако характерно, что основная его идея — о «собственническом» источнике библиофильства — была подхвачена и прочно усвоена большинством русских буржуазных библиофилов, писавших по этим вопросам после Геннади. Так, например, А. В. Петров, один из видных библиофилов конца XIX — начала XX века, в статье «Пристрастие к книгам» писал: «Есть лица, которых помыслы всецело направлены к приобретению излюбленных книг и для которых не существует выше наслаждения, как обладание намеченной книгой. С горящими глазами и перехваченным дыханием перебирают они предлагаемые им букинистами пыльные книги, и попадающиеся в гряде грязных переплетов книжные редкости заставляют усиленно биться их сердца. Это пристрастие души человеческой к книге заслуживает внимания психолога. Совершенно справедливо заметил Геннади, что стремление приобретать книги вытекает из общего, присущего человеку наслаждения собственностью. Приятно видеть хорошую книгу, но еще приятнее ее иметь, любоваться ею, читать ее, беседовать с давно умершим автором, запечатлевшим на страницах книги проблески ума и таланта».³

¹ Г. Н. Геннади. Русские книжные редкости. Библиографический список русских редких книг. СПб., 1872, стр. 3—4.

² Там же, стр. 5.

³ А. В. Петров. Пристрастие к книгам. — «Антиквар», 1902, № 1, апрель, стр. 16—17; ср. стр. 18, где говорится об извращениях в библиофильской психологии.

Поддержал точку зрения Геннади и такой серьезный — может быть, серьезнейший — русский библиофил дореволюционного периода, как Д. В. Ульянинский. Около того же времени, что и А. В. Петров, Д. В. Ульянинский писал: «Не барышничество является краеугольным камнем собирательства, с чем трудно согласить богатые средства многих библиофилов, а присущее всем людям стремление к собственности, как справедливо указал и Геннади, характеризует источники и основания библиофилии».¹

Я не стану сейчас входить в анализ и критику взгляда Геннади на «собственнический» характер книголюбия — отмечу только, что ни сам он, ни А. В. Петров, ни Д. В. Ульянинский не объясняют главного: почему «собственническое начало» у одних людей проявляется в собирании монет, у других — книг, у третьих — картин, у четвертых — почтовых марок, театральных афиш, оберток шоколада, автографов замечательных людей, табачных трубок и т. п.? Почему многие библиофилы безвозмездно передают свои коллекции государству? Почему, наконец, в наше время, когда идеология «собственничества» является только пережитком, растут и множатся ряды советских друзей книги как раз среди передовых рабочих, которых меньше чем кого-либо можно заподозрить в книго-собираательстве по причинам, выдвинутым Геннади. Есть другие, очевидно, основания библиофильства, чем

¹ Д. В. Ульянинский. Среди книг и их друзей. Часть первая. I. Из воспоминаний и заметок библиофила. II. Русские книжные росписи XVIII века (Библиографический обзор). М., 1903, стр. 78.

«наслаждение собственностью» в форме книг. И, не входя в подробности, скажу, что приведенный выше взгляд Д. П. Бутурлина, что всякий любит свое дело и что толково составленное, хорошее книжное собрание есть итог, результат целенаправленной человеческой деятельности, представляется мне более верным, более убедительным, чем буржуазные теории происхождения библиофильства под действием прирожденного якобы инстинкта «собственничества».

Возвращаясь к библиофильско-литературной деятельности Г. Н. Геннади, должно указать, что его «Русские книжные редкости» стали своего рода кораном русских библиофилов конца XIX — начала XX века и вызвали целое течение «библиофилов геннадиевского толка», которые, как писал цитированный уже А. В. Петров, «ревностно ищут, например, такую книгу, как «Описание вши» Каржавина или «Описание курицы, имеющей профиль человека»...»¹ Вслед за «Русскими книжными редкостями» Геннади стали появляться описания частных коллекций редких книг, как, например, «Русские книжные редкости. Библиографическое описание» И. М. Остроглазова (М., 1892, оттиски из журнала «Русский архив»), «Русские книжные редкости. Библиографический список редких русских книг» А. Е. Бурцева (СПб., 1895) и т. д. Ряд подобных описаний появился позднее, в предреволюционные годы в журнале «Русский библиофил». Кроме того, книга Геннади побудила также книготорговцев и оборотистых библиографов-практиков выступить со справочни-

¹ А. В. Петров. Пристрастие к книгам. — «Антиквар», 1902, № 1, апрель, стр. 15.

ками-«ценниками» редких книг. Таковы два выпуска: «Русские книжные редкости. Опыт библиографического описания редких книг с указанием их ценности» (М., 1902—1903) некоего Н. Б. (Н. И. Березин) и «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. С библиографическими примечаниями, указанием степени редкости и ценами антикваров на них, с приложением списка календарям XVIII века и списка книг XVIII века, слывающим за редкие у некоторых антикваров, но имеющимся до сих пор в продаже» Ю. Ю. Битовта (М., 1905).

Но мы недосказали еще о четвертом корифее русского библиофильства конца XIX века, сыгравшем почти такую же роль в истории русского книгособиранательства, что и Геннади.

Яков Федулович Березин-Ширяев был наиболее плодовитым писателем из крупных библиофилов второй половины прошлого столетия. С 1868 г. он начал издавать под длинными и неуклюжими заглавиями описания редких книг своей библиотеки, которую он в течение почти тридцати лет почему-то обозначал как «библиотеку любителя исторических наук и словесности NN», «библиотеку любителя отечественной старины NN», «библиотеку любителя NN» и т. д. Лишь незадолго перед своей смертью он отказался от этой непонятной причуды и выпустил книгу под названием «Обзор книг, брошюр, художественных изданий, гравюр и портретов, русских и некоторых иностранных, находящихся в моей библиотеке, или Окончательные материалы для библиографии, содержащие в себе сведения о книгах, их авторах, и другие библиографические заметки, с указанием на книги особен-

но замечательные или редкие» (СПб., 1896, VI, 720 стр.).

Над библиотекой Березина-Ширяева и им самим библиофилы-дворяне — С. А. Соболевский, М. Н. Лонгинов и другие — всячески потешались, выражая свое насмешливое отношение в стихотворениях, подражаниях модным опереточным ариям и в дарственных надписях на подносимых ему книгах и оттисках. Вот что писал о Соболевском сам Березин-Ширяев: «...особенно занимали Соболевского издаваемые мною «Материалы для библиографии», которые он читал с большим вниманием и на встречаемые в них ошибки присылал мне забавные письма как в прозе, так и в стихах; помещаю здесь несколько его стихов и эпиграмм, написанных по поводу таких ошибок. В первой книжке «Материалов» при описании латинских книг было напечатано, что они изданы в Лугдуне, а следовало бы сказать по-русски в Лионе; вместо Леонарда Фукса — напечатано Леон Фишио, вместо Теренция христианского — Теренций Кристиани; на такие ошибки и опечатки Соболевский прислал мне следующие стихи:

Когда я был аркадским принцем,
На книги был я очень рьян,
И этим тешил нас гостинцем
Белуниензи Валерьян.
В известном городе Лугдуне
Жил некто Фишио Леон;
Моими книгами не втуне
Народ был очень восхищен.
Один Теренций Кристиани
Про «Матерьялы» мне твердил:
«Вы не в свои садитесь сани,
Библиограф-библиофил!»

И в том же городе Лугдуне
На площадях он повторял:
«Федулыч — душка! Дуня, плюни
На семитомный «Матерьял»!

«В вышедших тогда семи книжках «Материалов», — продолжает Березин-Ширяев, — еще не было алфавитного оглавления описанных книг, ни последовательной нумерации страниц, что весьма затрудняло отыскивать в них какое-либо описанное сочинение; без оглавления они были недоступны для справок, почему Соболевский и называл их библиографическими ежами, до которых нельзя было дотронуться. Об этом неудобстве он написал мне такую эпиграмму:

Когда б я был аркадским принцем,
То спроста ел бы свой бифштекс
И не касался бы мизинцем
До описи библиотек-с.
Я от стыда давно бы умер!
Как, издавая каталог,
Не знать, что лишь текущий номер
Его полезным сделать мог».¹

Беспорядочную, пеструю библиотеку Березина-Ширяева Соболевский, владелец продуманно и со вкусом составленного собрания книг, называл «книжным сборищем».

Для характеристики взаимоотношений между дворянским библиофилом Соболевским и выскочкой и

¹ Я. Ф. Березин-Ширяев. Сергей Александрович Соболевский (Из воспоминаний библиофила). — «Библиограф», 1892, № 1, стр. 6—7.

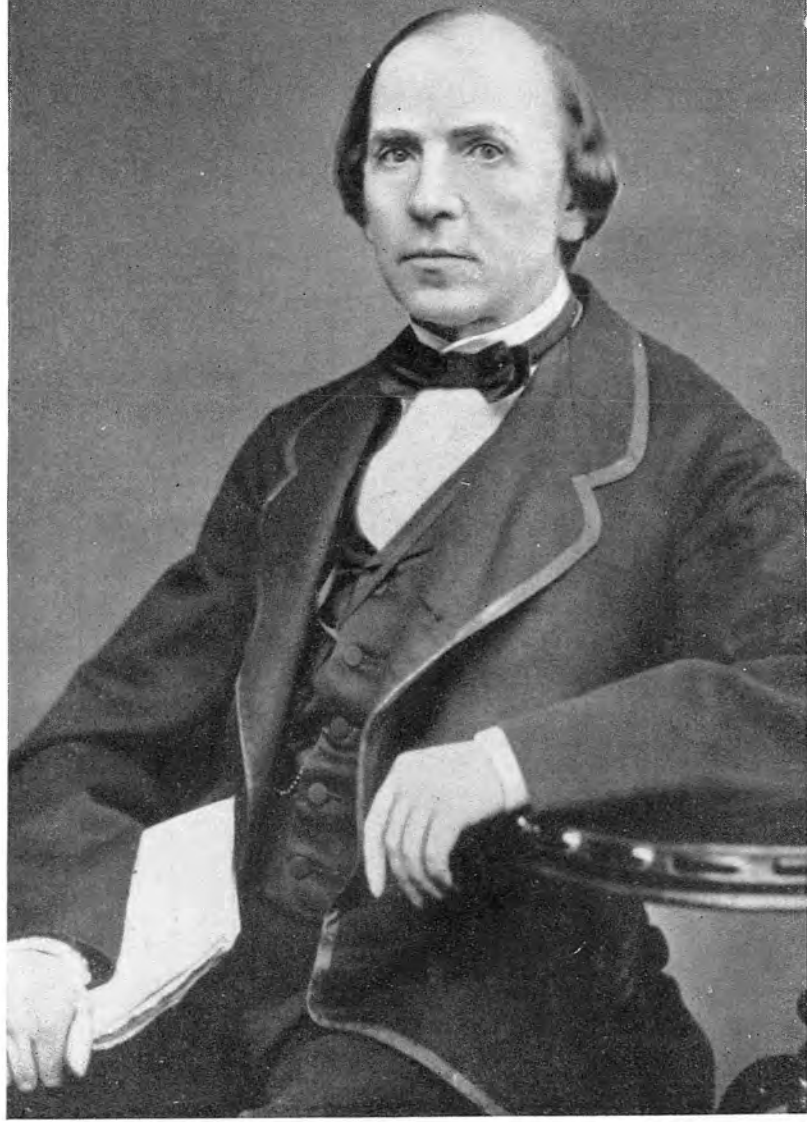
малокультурным Березиным-Ширяевым очень показательно письмо, о котором я упоминал уже выше (см. стр. 161). Для того чтобы оно было понятно во всех своих деталях, нужно указать, что Соболевский написал его при следующих обстоятельствах: в 1869 г. он поместил в журнале «Русский архив» статью «Новые явления в русской библиографии» (кн. 5, стлб. 921—935), в которой подверг суровой оценке незадолго до того вышедшие в свет первые выпуски «Материалов для библиографии» Березина-Ширяева. В этой рецензии Соболевский, между прочим, писал: «Недавно изданы еще «Материалы для библиографии» Якова Березина-Ширяева; они пока еще не кончены. В них читатели найдут много полезных сведений о книгах, пропущенных или упомянутых только вкратце у Сопикова и других, замечательную точность описаний, бездну трудолюбия в исчислении статей каждого сборника, но с тем вместе тьму странностей, неряшеств и излишеств».

Прочитав статью Соболевского, Березин-Ширяев почему-то особенно обиделся за слово «неряшеств», написал ему по этому поводу письмо, и между ними началась переписка о значении и уместности употребления слова «неряшество». «Вследствие такого филологического диспута, — вспоминал позднее Березин-Ширяев в статье о Соболевском в «Библиографе» (1892), — Соболевский вскоре прислал ко мне два оттиска своей статьи: один, напечатанный на белой веленовой бумаге, без малейшего изменения в тексте, а другой, напечатанный на розовой бумаге, в котором вместо слова: «неряшеств» были поставлены точки. На обороте заглавного листа этого оттиска было напеча-

С. А. Соболевский

Я. Ф. Березин-Ширяев

тано: «В книжное сборище Якова Федуловича Березина-Ширяева. Единственный экземпляр без неряшеств». «Эту брошюрку, напечатанную на розовой бумаге только в одном экземпляре, — продолжает Березин-Ширяев, — Соболевский прислал мне в подарок как библиографическую редкость и как доказательство согласия его с моим мнением».¹

Однако Березин-Ширяев почему-то не счел нужным прибавить, что к своему розовому оттиску Соболевский приложил чрезвычайно интересное письмо, не особенно лестное для адресата, но очень показательное для библиофильской позиции его автора и для характеристики их взаимоотношений. Это письмо представляет, на мой взгляд, одну из самых ярких страниц русской библиофильской литературы второй половины XIX века. Поэтому оно приводится мною здесь полностью:

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕМУ ЕДИНСТВЕННОМУ ЭКЗЕМПЛЯРУ

Истинные библиофилы не дорожат книгами, отпечатанными в новейшие времена на цветной бумаге, а допускают в свои библиотеки только те экземпляры сего рода, которым два, три века, и то, если они — произведения знаменитых типографщиков. Печатание на цветной бумаге — шалость, не сообразная со здравым вкусом, который всегда основывается на красоте или на пользе; тут цветная бумага особенной кра-

¹ Я. Ф. Березин-Ширяев. Сергей Александрович Соболевский (Из воспоминаний библиофила). — «Библиограф», 1892, № 1, стр. 9.

соты не представляет, а затрудняет чтение и вредит глазам.

Настоящий экземпляр, единственный на цветной бумаге, отпечатан нарочито для Я. Ф. Березина-Ширяева, дабы он мог в своих материалах употребить еще разик: принадлежит к библиографической редкости, что не имеет и грамматического смысла.

В серьезном сочинении — известное Сборище книг не могло назваться библиотекою, ибо слово: библиотека предполагает в собирателе некоторую разумную цель, чего никак не замечается из материалов. Судя по ним, Господин NN вовсе не библиофил (существо разумное), а библиоман (то есть лицо, свихнувшееся с ума на пункте: собирать книги).

Библиофил ценит книги не потому, что их в известный момент нет на рынке — в продаже, не потому, что они недавно запрещены или встречаются редко в данной местности, — а по совокупному достоинству их содержания, красоты издания, сохранности экземпляра и изящности переплета, причем главное условие, чтобы непременно касались тех ветвей науки или литературы, для изучения которых библиотека эта собрана и — колько возможно, чтобы эта книга пополняла эту ветвь. Библиофил совершенно не то, что библиоман; этот свозит к себе без всякого разбора все то, что покажется ему редкостью, воображая себе, что все запрещенное, всякий инкунабул, всякий Эльзевир и Альд, в каком бы они ни были виде и каково бы ни было содержание, — драгоценная находка! Бедняжка!!!

Кроме библиофилов и библиоманов есть книголюбцы третьего разряда; французы называют их: Сигіеих, а мы назовем: Охотниками до книг. Охотники

эти не собирают обдуманно библиотек и не навозят бессознательно всякой книжной всячины, а смотрят на книгу как на другую вещь, т. е. знают — действительно ли она редка, хорошо ли она сохранена, какие могут быть в ней недостатки и которые из этих недостатков присущи или отсутствуют; что и когда за нее платили, словом — их собрания, вообще не многочисленные, представляют книги только прочной, всегдашней и всюду заявленной редкости, в прекраснейших экземплярах, но содержания смешанного.

Из этого следует, что:

1) Каталог библиофила — явление полезное для многих — ученых и неученых.

2) Каталог охотника интересен только для библиофилов.

3) Опись книг, сваленных библиоманом на занимаемой им квартире, — никому не пригодна; это жалкий памятник одной из болезней, удручающих человечество!

Никому она не пригодна, говорю я, особенно же если эта опись составлена без всякого внимания на возможность и удобство справок.

Притом я сильно подозреваю господина NN, что он безжалостный библиотаф, т. е. по книжной части то же, что в хозяйстве лежащая на сене собака.

Кроме особенной редкости, настоящий экземпляр — единственный в этом отношении, отличается особым удобством, происходящим от замены слова: неряшество — точками (см. стр. 15, строк. 10). Менее снисходительный читатель, с одинаковою справедливостью

востью, может заменить эти точки любой из следующих фраз — одною, некоторыми или даже всеми (что всего справедливее):

Тьму странностей, доказательств...

Притязания на ученость в виде справок из Адрес-календарей и тому подобного.

Непонимания сущности, приемов и целей библиографии.

Смешного понимания о редкости вообще, а о редкости своих книг в особенности.

Непочтения к достоинству и ветреных выражений о людях достойных.

Тупого коленопреклонения и фимиаминичания нахальству и пошлости.

Отсутствия должного почтения к публике и недостатка уважения к собственной репутации.

Временных припадков лени при общем своем трудолюбии.

Грубых оплошностей, часто происходящих от недостатка логики.

Совершенного незнакомства с библиографическою литературою вообще.

Незнания тех языков, на которых собираются книги (на что же они?) и проч., и проч., и проч.

В конце *. Упрямства закоснелых — не верить благонамеренным советам.

Самодовольства от лживых комплиментов (это касается Ежей 5-го, 6-го, 7-го).

Настоящий экземпляр, сверх редкости и удобства, должен быть иллюстрированный. Готовится фотогра-

фический портрет автора; автор изображен в следующем виде: он рвет пополам книжки материалов и сделанные таким образом квадратики укладывает в пачки; обертки валяются на полу, за жесткостью бумаги; автор говорит:

А в ось ли употреблю их спользою! А все будет не личная польза!

Дозволяется перепечатать в Материалах при описании этого редкого, единственного и прекрасного экземпляра.

*Соболевский*¹

10 июня 1869 г.

Письмо Соболевского не просто издевательская и местами грубая шутка не утратившего к старости своего прежнего остроумия эпиграмматиста пушкинских времен, а настоящий психологический документ, в котором выукло и ярко отразилось брезгливо-пренебрежительное отношение старого культурного библиофила-барина к претящему ему своими претензиями на ученость купцу-недоучке. Здесь столкнулись две формы библиофильства: старая, барская, уходящая, и новая, буржуазная, полукультурная, а с точки зрения родового, старинного дворянина — и вовсе «бескультурная». За всеми, порою остроумными, насмешками Соболевского все же чувствуется глухое раздражение, неприязнь к «хаму мужику», лезущему в библиофилы. В то же время письмо Соболевского — своего рода

¹ «Библиотека Д. В. Ульянинского», т. II, М., 1913, стр. 489—491.

библиофильское кредо целого поколения дворянских книголюбов первой половины XIX века. И надо признать, в нем высказано немало справедливых суждений о библиофильстве.

В числе особенностей Березина-Ширяева, библиофила — биржевого дельца, которого допускали в свой круг чиновные библиофилы, была слабость отмечать при описании в «Материалах» подаренных ему книг чин дарителя. Так, при описании «Сочинений и переписки К. Ф. Рылеева», под ред. П. А. Ефремова (СПб., 1874), уничтоженных цензурой, Березин-Ширяев сделал следующую аннотацию: «Означенный экземпляр подарен владельцу библиотеки его пр<евосходитель>ством дейст<вительным> ст<атским> сов<етником> Петром Александровичем Ефремовым на бывшем у него вечере, где в числе гостей находился и его пр<евосходитель>ство тайн<ый> сов<етник> Дмитрий Фомич Кобеко; оба они сделали на обертке экземпляра следующую юмористическую надпись: «NN в склад книжного хранения. Четверг 1-го мая 1875 года, на 2-е число, ношью в час и сорок одну минуту. П. Ефремов». «Свидетелем сего был и руку приложил Дмитрий Кобеко».

При всей полуграмотности, библиографическом и библиофильском дилетантстве Березина-Ширяева, следует за ним признать одну несомненную заслугу — к концу жизни он стал зачинателем нового, ранее в нашей библиофильской литературе почти не существовавшего жанра — воспоминаний об умерших библиофилах, с которыми ему приходилось встречаться. Им были написаны статьи мемуарного характера о С. А. Соболевском, Н. П. Дурове, М. Н. Лонгинове,

М. И. Семевском, П. А. Ефремове, Г. Н. Геннадии и др.¹

Как мемуарист Березин-Ширяев не обладал никакими особыми достоинствами; он не отличался психологической наблюдательностью, умением просто и живо набросать портрет лица, о котором писал, дать его яркую, отчетливую характеристику. Обычно его воспоминания посвящены были скорее книгам, которыми он обменивался с тем или иным библиофилом, описанию квартиры, реже — внешности его знакомых книголюбов. В последние годы у Березина-Ширяева был библиотекарь-секретарь, А. Родных, который, кажется, исправлял литературный стиль своего патрона. Но иногда в статьях Березина-Ширяева все же заметна литературная неопытность автора; вот, например, описание внешности Г. Н. Геннади: «Он среднего роста, с продлинноватым, несколько худощавым лицом, с светло-русыми на голове волосами, с небольшою бородакою и бакенами. В манерах его видна облагороженность, свойственная человеку высшего круга. Он говорит правильно и отчетисто, но несколько гнусливым тоном, вероятно по привычке к французскому разговору».

У А. Родных хранились «Памятные записки Березина-Ширяева», в которых он упоминал о сорока девяти лицах; напечатано было только шесть отрывков, неодинаковой фактической и литературной ценности.

¹ Статьи о Соболевском — см. «Русский архив», 1871, № 10; 1878, № 11, и «Библиограф», 1892, № 1; о Н. П. Дурове — «Библиограф», 1887, № 1 и 3; о М. Н. Лонгинове — там же, 1892, № 2; об остальных — «Русский библиофил», 1912, № 3 и 4.

Как своеобразная человеческая личность Я. Ф. Березин-Ширяев представляет для нас особый — скорее психологический, чем исторический — интерес, но как собиратель он типичен, и потому, несомненно, любопытно выяснить, ощущалось ли в среде русских библиофилов конца XIX — начала XX века его влияние, хотелось бы распознать в большой массе тогдашних буржуазных коллекционеров книг, автографов, лубочных картинок, последователей Березина-Ширяева, попытаться определить, был ли «березин-ширяевский толк» в русском библиофильстве.

Мне кажется, что «березин-ширяевство» — это явление, характерное для раннего периода формирования русской буржуазной культуры, периода, когда вчера еще совсем неграмотные крестьяне-кулаки или полуграмотные замоскворецкие и питерские купцы-богатеи стали понимать значение внешней образованности, наружной культурности, «облагороженности», как писал Березин-Ширяев. Были среди подобных богачей второй половины прошлого века люди вполне культурные (достаточно назвать П. М. Третьякова, основателя знаменитой галереи), но когда думаешь о большей части их, приходят на память строчки из чеховского рассказа «Случай из практики», в котором речь идет о докторе Королеве, попавшем именно в такую купеческо-промышленную среду, к больной дочери фабриканта, Лизе Ляликовой:

«В зале и гостиной для него зажгли все лампы и свечи. Он сидел у рояля и перелистывал ноты, потом осматривал картины на стенах, портреты. На картинах, написанных масляными красками, в золотых рамах, были виды Крыма, бурное море с корабликом,

католический монах с рюмкой, и все это сухо, зализано, бездарно. На портретах ни одного красивого, интересного лица, все широкие скулы, удивленные глаза; у Ляликова, отца Лизы, маленький лоб и самодовольное лицо, мундир мешком сидит на его большем непородистом теле, на груди медаль и знак Красного креста. Культура бедная, роскошь случайная, не осмысленная, неудобная, как этот мундир; полы раздражают своим блеском, раздражает и люстра, и вспоминается почему-то рассказ про купца, ходившего в баню с медалью на шее...»

Из вероятных последователей Я. Ф. Березина Ширяева как библиофила в первую очередь нужно называть московского купца Алексея Петровича Бахрушина (1853—1904), которого часто смешивают с его двоюродным братом, А. А. Бахрушиным, создателем Московского театрального музея, носящего теперь его имя.

Сохранившиеся фотографии А. П. Бахрушина дают представление о внешности этого невероятно тучного человека, страдавшего ожирением сердца. О внутреннем мире его можно судить по автохарактеристике, включенной Бахрушиным в его книгу «Кто что собирает», которую он писал в июле 1892 г., находясь на лечении в Кисловодске. Книга «Кто что собирает» начинается коротеньким введением, представляющим интерес и как объяснение причины возникновения замысла автора, и как образец его довольно корявого стиля:

«В настоящее время в Москве, да и в других местах, так много собирателей, что почти каждый мало-мальски свободный человек собирает что-нибудь. Зная многих собирателей в Москве и коллекции, записываю

для памяти — так как меня это интересует — имена собирателей, и кто из них что собирает, и давно ли?»¹

И далее первым номером идет автохарактеристика А. П. Бахрушина:

«1. Бахрушин, Алексей Петрович, 40 лет, собирает с 1878 года, главное его собрание — библиотека преимущественно русских книг, старых и новых; последних больше, по разным отделам (всех отделов — 33), но преимущественно — история России, биографии, археология, география, этнография, литература, *Rossica* и искусство. Есть и рукописи, и автографы, но мало. Художественные собрания: бронза, медали, миниатюры на кости, гравюры, литографии, фотографии, рисунки карандашом, пером, гуашью, углем и акварелью, фарфор, стекло, майолика, предметы этнографии, и прочее, и прочее, и прочее. Этот человек теряет сон и аппетит, если увидит хорошую вещь (какую бы то ни было) в чужих руках, тотчас же старается ее приобрести, — в этом отношении он очень завистливый человек. Кроме вышепоименованных вещей, у него есть масляные картины, но мало; было у него еще порядочное собрание старинных русских бытовых вещей, но он их пожертвовал в Исторический музей в Москве».

В Московский Исторический музей поступила после смерти А. П. Бахрушина и его библиотека, каталоги которой — русских и иностранных книг — отдельно

¹ «Из записной книжки А. П. Бахрушина «Кто что собирает». Примечания составил М. Цявловский. С 35 фототипиями. М., 1916, стр. 3. — Полагаю, что либо М. А. Цявловский, либо издатель Л. Э. Бухгейм правили стиль, орфографию и пунктуацию автора.

были изданы в 1911—1913 гг. Всего входило в состав этой библиотеки 25 000 томов; русский отдел содержал свыше 15 000 названий. Чего тут только нет!! И прижизненные издания Пушкина и Гоголя и других русских писателей, и геннадиевские «редкости», вроде «Пансальвина, князя тьмы», сатиры на князя Потемкина, и почти не встречавшихся в продаже изданий усадебной типографии Н. Струйского, и редчайшая книга самого Геннадия, уничтоженная за безнравственность цензурой (Григорий Книжник. Эротические стихотворения русских поэтов. СПб., 1860), и тут же Лермонтов в копеечных брошюрах в издании Ф. А. Иогансона, и даже какая-то «Вторая лепта в пользу Алтайской духовной миссии», выпущенная в Бийске в 1888 г., и «Вспомогательный словарь при первоначальном обучении русской грамоте» В. Севина. При просмотре этого каталога создается впечатление, что А. П. Бахрушин покупал буквально все, что предлагали его поставщики, как серьезные московские антиквары, так и «холодные букинисты».

И как ни пестра, разношерстна, неравноценна по своему составу эта библиотека, она все же несомненно полезна для тех, кто, работая в Государственном Историческом музее, может к ней обращаться, а также и для тех, кто перелистывает или изучает ее каталоги и неожиданно находит издания, неучтенные в общих библиографиях или ранее не обращавшие на себя его внимания. Поэтому нельзя не согласиться с автором предисловия к «Каталогу книг библиотеки Алексея Петровича Бахрушина», писавшим: «Но важно не только то, что А. П. Бахрушин собрал большую и ценную библиотеку и много произведений искусства.

Еще важнее, что он сумел этими сокровищами распорядиться как следует. Завещав их общественному учреждению, он дал возможность тысячам людей воспользоваться ими и тем, конечно, способствовал прогрессу знаний в своей стране. Это уже заслуга перед родиной. И несомненно, имя А. П. Бахрушина не будет забыто в истории нашей культуры. <...> Можно ли <...> не отдать дань уважения человеку, который вложил в свое дело столько любви и труда, который нашел своим капиталам совсем иное применение, чем сотни и тысячи ему подобных...»

Книга А. П. Бахрушина «Кто что собирает» в известной мере напоминает библиофильские воспоминания Я. Ф. Березина-Ширяева. Это то более, то менее коротенькие характеристики различных собирателей, преимущественно Москвы, неяркие, ни в какой мере не свидетельствующие о литературной одаренности их автора, но в то же время привлекающие своей бесхитростностью и простодушием.

Не рассчитанные на опубликование (книга была издана в 1916 г., через двенадцать лет после смерти А. П. Бахрушина), его записи порою просто трогательны, и кажется странным, что их писал ловкий, удачливый купец и к тому же такой «заплывший са-лом» человек.

Вот что он пишет о П. М. Третьякове и его галерее: «Она есть одно из лучших украшений Москвы, а по смерти его (продли бог его жизни!) переходит в собственность города, как дар его. Разумеется, лучшего назначения он ей сделать не мог, дай бог, чтобы все остальные собиратели брали с него пример и при жизни своей благоразумно бы распоряжались своими со-

браниями, чтобы по смерти их собрания эти не раз-
метались бы по всем концам белого света! Дай нам
бог (да и всем нациям тоже) побольше П. М. Третья-
ковых, это — соль земли, это лучшие люди нации!»

Не менее останавливают на себе внимание читателя
размышления А. П. Бахрушина по поводу того, что
библиофил Н. И. Носов, московский суконный фабри-
кант, держит свое ценнейшее книжное собрание на
деревянной старой даче, «так что она очень рискует
погибнуть от огня, — прибавляет Бахрушин, — к тому
же не застрахована».¹ И дальше идут удивительно
задушевные слова: «Я сам не боюсь ни книг, ни со-
брания. Я смотрю на это так: раз человек собирает
что-либо, вкладывает в свое собрание душу свою, то, со-
храни бог, если все это погибнет от огня, — никакие
деньги, полученные от страховки, не пополняют того,
что занимало в сердце человека, — не пополняют его
осиротевшую душу, не воротят его собрания! И начини
человек собирать те же книги, ту же бронзу, картины,
монеты и т. д. — он того же не соберет, и будет у него
собрание, пожалуй, со временем и не хуже первого,
но первого, на котором он учился, на которое тратил
лучшие годы своей жизни, с которым связано столько
воспоминаний (потому что всякая книга и вещь имеют
свою историю, и как бы ни велико было собрание,
истинный любитель помнит и с удовольствием вспоми-
нает обстоятельства покупки той или другой вещи или
редкой книги), — того собрания уже не будет, и ни-
какими деньгами его не воротить».

Или вот что писал Бахрушин по поводу распро-

¹ Библиотека Носова и в самом деле сгорела в 1895 г.

даже коллекции гравированных портретов русских деятелей, принадлежавшей московскому фабриканту В. А. Тюляеву (см. выше, стр. 112—113): «Сердце кровью обливается, когда подумаешь об этом».

Подобные замечания, такие «реплики по поводу» показывают нам А. П. Бахрушина как человека с определенными, хорошими взглядами, умеющего по-своему, но искренне и сильно любить книгу и искусство, или, как он говорил, «художество», и все это вместе с его своеобразным стилем, в котором переплетаются почти косноязычие с неожиданной красноречивостью и экспрессивной непосредственностью, способно примирить нас с его малокультурностью и его «березинширяевством».

К числу несомненных последователей Я. Ф. Березина-Ширяева принадлежал Александр Евгеньевич Бурцев (1863—1938), также санктпетербургский купец, еще более тщеславный и плодовитый библиофил и не более своего предшественника грамотный. О Бурцеве недавно вспомнили Н. П. Смирнов-Сокольский в своих «Рассказах о книгах» (изд. 2-е, М., 1960, стр. 120—121), Ираклий Андроников в очерке «Личная собственность» («Новый мир», 1960, № 2) и Ф. Г. Шиллов в своих «Записках старого книжника» (М., 1959; изд. 2-е, 1965).

Племянник старинного менялы, А. Е. Бурцев неожиданно получил наследство, разбогател, стал скупать картины, всевозможные художественные ценности, рукописи и редкие книги. Обо всех своих покупках он спешил оповестить мир коллекционеров. Сперва он печатал «описания» своих коллекций, а затем пошел своим особым путем.

А. Е. Бурцев не описывал свои редкие книги, как Березин-Ширяев, а просто перепечатывал их полностью. Поэтому его «труды» выходили каждый в нескольких томах: «Описание редких российских книг». СПб., 1897, 5 томов (XXVII, 496 стр.; 535 стр.; 535 стр.; 467 стр.; 235, 49, 21 стр.); «Дополнительное описание библиографически редких, художественно-замечательных книг и драгоценных рукописей», 1899, 6 томов; «Обстоятельное библиографическое описание...». 1901, 7 томов; «Библиографическое обозрение...». 1904, 5 томов; «Словарь редких книг и гравированных портретов». 1902, 7 томов; «Архив книжных и художественных редкостей». 1905—1907, 6 томов; «Полное собрание библиографических трудов». 1908, 10 томов, и т. д. Кроме того, Бурцев издавал сборники: «Собиратель» (1910); «Муравейник» (1910); «Досуги библиофила» (1911); «Свободные часы» (1911), а также журналы: «Для немногих» (1909—1910); «Мой журнал» (1912—1913), «Мой журнал для немногих» (1912—1914). Свою библиофильско-графоманскую печатную деятельность Бурцев начал в 1896 г. «Каталогом русских редких книг» (260 стр.), изданным в количестве пятидесяти экземпляров. Полный перечень всего напечатанного им озаглавлен: «Обозрение трудов Александра Евгеньевича Бурцева по библиографии и этнографии» (Пг., 1914, 63 стр.).¹

Н. П. Смирнов-Сокольский замечает в своей книге, что путается в числе и последовательности изданий

¹ В книге А. В. Мезьер «Словарный указатель по книговедению» (Л., 1924, стлб. 158) упомянут «Список трудов А. Е. Бурцева по этнографии и библиографии» (Пг., 1915, 4 стр.). Я не мог найти этой книги нигде.

А. Е. Бурцева. Но и ни в одном государственном книгохранилище Ленинграда нет в полном составе изданий этого плодовитого библиофила.

В Ленинграде он жил, кажется, до конца 20-х или начала 30-х годов. Много раз я видал у разных букинистов невзрачного, худо одетого человека, которого принимал за неизвестного мне книгопродавца. Лишь позднее, когда я получил от Ф. Г. Шилова его «Записки старого книжника», где воспроизведена фотография Бурцева, я узнал в ней своего старого знакомого незнакомца. Бурцев открыл в отдаленной от Невского части Литейного проспекта книжный магазин, где распродал, как мне рассказывали, довольно дешево свои книги. К сожалению, я узнал об этом поздно, после прекращения торговли. О дальнейшей его судьбе и в особенности о его замечательной коллекции автографов талантливо написал И. Л. Андроников в очерке «Личная собственность».

Из данной выше более или менее подробной характеристики Геннади, Лонгинова, Губерти, Березина-Ширяева и их последователей библиофилов-писателей можно получить представление о самом влиятельном направлении в русском библиофильстве и библиофильской литературе середины и последних десятилетий XIX века.

Однако этим не исчерпываются материалы их истории этого же периода: «В противовес упомянутому выше так называемому Геннадиевскому толку, — писал в самом начале текущего века в статье «Пристрастие к книгам» библиофил А. В. Петров; — существует толк Ефремовский, последователи которого дорожат книгою не потому, что она редка, а потому,

что она содержательна, поучительна и интересна или же вообще необходима собирателю для его научных или литературных занятий».¹ Имя П. А. Ефремова уже встречалось на предыдущих страницах. Здесь уместно рассказать о нем подробнее.

Петр Александрович Ефремов (1830—1907), известный историк литературы и библиограф, в определенной мере близкий по своим общественным и литературным взглядам к Добролюбову, был прямою противоположностью библиофилам вроде Геннади или Березина-Ширяева. «Он никогда не был библиофилом в общепринятом значении этого слова, — писал о Ефреме Н. М. Лисовский, — не собирал книг только ради их редкости. <...> Он был крайне разборчив. Книги интересовали его главным образом настолько, насколько они имели значение литературное или научное. Постепенно увеличивая свое книжное богатство в этом направлении, П. А. Ефремов сделался обладателем замечательной по составу библиотеки <...> и притом библиотеки превосходно устроенной, заключающей в себе, между прочим, как отдельные, так и все полные (сколько бы их ни выходило) собрания сочинений почти всех русских писателей, всю драматическую русскую литературу XVIII в., массу журналов прошедшего и нынешнего столетий (в том числе все сатирические журналы Екатерининского времени), почти полное собрание русских альманахов и обширный материал для биографий русских писателей. Кроме того, сверх имеющихся у него полных коллекций журналов П. А. Ефремов приобретал вторые их экзем-

¹ «Антиквар», 1902, № 1, апрель, стр. 18.

пляры и из этих двойников и из вырезок газетных статей составлял целые переплетенные томы биографических и критических статей о каждом из выдающихся русских деятелей и особенно писателей. <...> Такие же сборники он составил и по русской истории».¹

Составление сборников вырезок, оттисков иллюстративных материалов вошло у наших библиофилов в моду в конце 50-х — начале 60-х годов прошлого века; особенной известностью пользовалась тогда библиотека М. Д. Хмырова (1830—1873), состоявшая главным образом из таких «конволютов», как их принято сейчас называть.²

Однако П. А. Ефремов внес в эту моду некоторые своеобразные черты. Он не ограничивался тем, что вырывал или вырезал из журналов и сборников интересовавшие его статьи, образуя из них тематические подборки. Очень часто он для почему-либо особенно интересовавших его вырезок заказывал в типографиях специальные печатные обложки, создавая таким образом как бы единственные экземпляры несуществовавших изданий. Слышал я об этой черте Ефремова от ряда старых ленинградских книговедов А. И. Малеина, А. Г. Фомина в 20-х — начале 30-х годов, но убедился в этом на практике позднее, когда подготавливал к печати «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруткова («Academia», 1933). Просматривая каталог № 145

¹ Н. М. Лисовский. Петр Александрович Ефремов. Краткие биографические сведения и список его литературных работ. СПб., 1901, стр. 4—5.

² И. Иноземцев. М. Д. Хмыров и его библиотека. — «Антиквар», 1902, № 4, июль, стр. 121—127.

антикварной книжной торговли П. П. Шибанова, озаглавленный «Новые приобретения из библиотеки П. А. Ефремова» (М., 1909), я наткнулся, к своему удивлению, на описание неизвестного мне отдельного издания «драмы» Козьмы Пруткова «Любовь и Силин», якобы вышедшей в Москве в 1861 г. (стр. 38, № 587). Ни в одной библиотеке, ни в одном книжном каталоге этого времени обнаружить московское издание «Любови и Силина» мне не удалось. Куда попал ефремовский экземпляр этого произведения К. Пруткова, я также установить не мог. Полагаю, что в данном случае перед нами одна из библиофильских мистификаций Ефремова. В том же каталоге № 145 (стр. 49, № 764) указана брошюра знаменитого николаевского министра народного просвещения графа С. Е. Уварова «Общий взгляд на философию словесности» (СПб., 1848), которая также отсутствует во всех крупнейших библиотеках Ленинграда и в библиографических справочниках прошедшего столетия. Думаю, что и эта брошюра, и, вероятно, ряд других в каталоге № 145 П. П. Шибанова представляют «редкости ефремовского толка». Впрочем, не исключена возможность, что и «драма» К. Пруткова, и в особенности книга Уварова являются редчайшими оттисками.

П. А. Ефремов много печатался, но почти все его статьи и книги посвящены истории русской литературы, истории общественной мысли и истории книги, и среди них нет произведений, которые можно было бы отнести к разделу литературы специально библиофильской.

Вероятно, под влиянием Ефремова — ближе к

закату столетия — стали у нас появляться серьезные и полезные описания специализированных библиотек, например «Каталог книгам, брошюрам и журнальным статьям библиотеки С. Н. Шубинского (По 1 февраля 1896 г.). Напечатано не для продажи в количестве 50 экземпляров. СПб., 1896», один из лучших справочников по истории и истории русской литературы XVIII века, или «Библиографические материалы. Опись книг, брошюр и статей библиотеки сенатора Н. П. Смирнова. Палеография. Книгопечатание и законы о цензуре и печати. Библиография. Библиотеки, музеи и архивы. Книжная торговля. СПб., 1898, XVI, 690, II стр.», превосходный справочник, не утративший своего значения и после выхода в свет знаменитой «Библиотеки Д. В. Ульянинского» (см. дальше).

Сюда надо присоединить «Описи» исторической и археологической библиотеки Н. Ф. Бокачева (три выпуска — библиография, географические карты, история русских земель и городов, СПб., 1890—1896) и некоторые другие.

Это течение не заглохло и в XX веке, хотя и претерпело под влиянием новых библиографических мод некоторые изменения. Продолжением старой «ефремовской» традиции в чистом виде является посмертно изданный «Каталог библиотеки Дмитрия Яковлевича Самоквасова. Третье прибавление к каталогу Московского архива Министерства юстиции» (М., 1913), содержащий описание книг по археологии, архивоведению, истории, юриспруденции и пр.

К концу XIX века геннадиевское направление собирания «редкостей» уже явно угасло, в русском библиофильстве стало отчетливо обозначаться на-

рождение нового, эстетского направления, совпавшего с возникновением в литературе — декадентства, в искусстве — модернизма, в буржуазной идеологии — поворота от позитивизма к мистицизму и от либерализма к монархизму.

Прежде чем мы обратимся к рассмотрению этих новых явлений в русском библиофильстве конца XIX века, необходимо отметить, что еще лет за десять до того, в 80-х годах, в производстве русской книги стали обнаруживаться новые любопытные тенденции. Они шли в известной мере вразрез с книжно-эстетическими вкусами предшествующей эпохи. Как можно было заметить из предыдущего изложения, русские библиофилы конца XVIII — начала XIX века ценили книги не только за их содержание, но и за художественное оформление: они собирали издания Альда Мануция, Эльзевиров, Дидо, Бодони и других выдающихся деятелей западного типографского искусства. Русская книга с этой стороны не привлекала внимания коллекционеров. Лишь позднее стали понимать и ценить красоту издания первопечатника Ивана Федорова, прелесть шрифтов петровского времени, очарование книг последней трети XVIII века — стиля «русского рококо», замечательнейшим образцом которого является «Слово похвальное Марку Аврелию, сочиненное г. Томасом» в переводе Д. И. Фонвизина (СПб., 1777).

Так как большая часть русских книг до XIX века выходила в свет в переплетах, издатели не применяли тогда обложек. Если нужно было выпустить книгу без переплета, ее «одевали» в серо-синюю «бумажку», на которой не было никакого печатного текста или

типографских украшений. Лишь к концу XVIII века появляются печатные обложки со скромной виньеткой под названием книги.¹ С середины XIX века все больше и больше печатается книг с простыми, наборными обложками, почти без попыток использовать какие-либо украшения. В 80-е же годы начинают появляться обложки с рисунками, и чем дальше, тем больше внимания уделяется издателями внешности книги. Впрочем, еще на Первой всероссийской выставке печатного дела (1895) обложка не заняла достойного места: в бюллетенях этой выставки об обложке было упомянуто всего лишь два раза — при характеристике коллекции Н. П. Лихачева² и в статье Ното повус'а (А. Р. Кугеля) «Лучшие книги», где неодобрительно говорилось о «толпе книг, кричащих яркими обложками и эффектными заглавиями».³ Но уже через два года в «Известиях книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» появилась очень интересная «заметка Старого библиофила», озаглавленная «Новая страница в истории внешности книги»⁴ и по-

¹ Вопросу о старой русской обложке посвящена увлекательно написанная статья И. Н. Розанова «Книги и люди в XIX веке» (в коллективном труде «Книга в России», т. II. Русская книга девятнадцатого века. М., 1925, стр. 442—454).

² В. Л. Казанская коллекция Н. П. Лихачева. — «Обзор Первой всероссийской выставке печатного дела», 1895, 16 марта, № 8, стр. 5 («Выставлены первые книжки разных лет в обложках. Последнее в некотором роде составляет типографскую редкость, так как экземпляры публичной библиотеки (где имеется подобная коллекция) в переплетах, а обложки уничтожены»).

³ Там же, 1895, 20 марта, № 9, стр. 3.

⁴ «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1897, декабрь, № 3, стлб. 65—71.

священная вопросу о замеченном автором переходе от наборной обложки к обложке орнаментированной. «Заметка» сопровождается рядом удачно подобранных иллюстраций.¹

В 90-х годах издатели начинают проявлять больше заботы об украшении книги: специально заказывают видным художникам иллюстрации, печатают их уже не черной краской, как было раньше, а цветными: синей, зеленой, коричневой, золотой, обращают внимание на шрифты, качество бумаги и т. д. Наконец, появляется понятие «роскошное издание», означающее книгу большого формата, напечатанную довольно часто на блестящей меловой бумаге, с применением различных и не всегда гармонирующих шрифтов, перегруженную иллюстрациями и прочими украшениями и обязательно очень дорогую.

И как это ни странно, библиофилов тех лет подобная книга не привлекает и не увлекает. Они, как бы назло этой новой моде, обнаруживают тяготение к старой иллюстрированной книге, к гравюрам XVIII — начала XIX века, к работам старинных книжных мастеров. Свои библиофильские симпатии они выражают в литературной, иногда даже изысканной форме.

Предвестником этого нового этапа в истории русского библиофильства и библиофильской литературы явились две неряшливо изданные в мало кому известном городке Новая Ушица, Подольской губернии, книжечки никому почти не известного библиофила графа

¹ Более подробно об истории русской обложки см. в кн.: А. В. Мезьер. Словарный указатель по книговедению. ч. II, М.—Л., 1933, стлб. 551—554.

Е. Путятин под странным заглавием, отдававшим фразеологией фрунтовой муштры: «Переключка альманахам». Подзаголовок раскрывал смысл этого мало-понятого названия: «Материалы для библиографии русских литературных альманахов и сборников конца XVIII и первой половины XIX столетия (1794 г. по 1850 г.)». Составил в селе Глебове Подольской губернии граф Е. Путятин» (Новая Ушица, 1893, 75 и 31 стр.).¹

Старые альманахи собирали и до Путятина (см. выше — о П. А. Ефремове), однако ими интересовались больше по их связи с декабристами («Полярная звезда», «Звездочка») и Пушкиным («Северные цветы»). Правда, Е. Путятин не сделал в своем кратком предисловии к первому выпуску «Переключки альманахам» никакой теоретической декларации, однако из дальнейшего развития этого направления в библиофильской литературе явствует, что мода на соби- рание альманахов возникла как разновидность коллекционирования изящных, иллюстрированных изданий, вышедших в свет не позднее 1860-х годов.

В 1898 г. поступила в продажу красиво оформлен- ная, напечатанная на хорошей бумаге книга камер- гера императорского двора, помощника статс-секре- таря Государственного совета В. А. Верещагина «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX сто-

¹ Сведений об этом библиофиле мне найти не удалось нигде. Вероятно, это граф Евгений Ефимович Путятин (1852 — ?), в начале 80-х годов прошлого века капитан лейб-гвардии Конно- артиллерийской бригады (В. В. Руммель и В. В. Голуб- цов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, СПб., стр. 292).

летий (1720—1870). Библиографический опыт» (СПб., XXXVIII, 309 стр.). В этой книге, собственно, и была впервые обоснована эстетическая программа нового периода русского книжного собирательства; с нее и началась та новая страница в истории русской библиофильской литературы, к которой мы сейчас обратимся.

Обширная вступительная статья В. А. Верещагина в названной книге состоит из двух разделов: больший, второй (стр. XIII—XXXVIII) представляет собой хотя и тенденциозный, но во многом до сих пор не утративший значения опыт истории русской книжной иллюстрации XVIII — первых двух третей XIX века; в меньшей, первой части (стр. V—XII) автор излагает причины, побудившие его издать свою книгу. Он отмечает при этом, что включенные им «описания касаются трех отраслей отечественной литературы», в которых чаще всего встречаются художественные иллюстрации, отрасли «изящной литературы, мистики и истории». «Эти три отрасли, — обосновывает он далее свою точку зрения, — выбраны не случайно» (стр. X—XI) — и затем бегло характеризует художественные достоинства и особенности каждого из перечисленных им отделов.

Что имел в виду автор, ограничивая свой отбор материала перечисленными тремя областями, станет видно из дальнейшего изложения.

В своей вступительной статье В. А. Верещагин настойчиво проводит мысль о том, что в истории русского книжного искусства с 60-х годов прошлого века замечается сильный упадок и что возрождение художественного вкуса в области производства книги возможно лишь при возвращении к традициям более ран-

него периода. Свою книгу Верещагин рассматривал как одно из средств к восстановлению утраченных связей с книжным искусством первой половины XIX века.

Предисловие заканчивается следующим образом:

«Вкус к художественной иллюстрации проявится (будем надеяться) в нашем обществе тем сильнее и определеннее, что его до сих пор почти не было, что русская книжная гравюра займет в близком будущем то почетное место среди остальных произведений отечественного искусства, которое уже заняли многие другие его отрасли, и покроет себя той же неувядаемой славой. Содействовать этому успеху, способствовать развитию русской иллюстрации и облегчать ее распространение должно служить одной из целей каждого любителя. Эту цель преследуем и мы, решась предложить в числе других средств к ее осуществлению нашу скромную лепту» (стр. XXXVIII).

Книга Верещагина имела успех. На нее появились благожелательные отзывы в реакционном «Новом времени» А. С. Суворина,¹ в «Историческом вестнике»² и в журнале «Новь», издававшемся наследниками М. О. Вольфа;³ в 1902 г. к этим положительным оценкам прибавилась панегирическая рецензия в библиофильском журнале «Антиквар».⁴

¹ См.: «Новое время», 1898, 22 апреля, № 7955 (иллюстрированное прибавление), стр. 7—8 (В. Г. <В. П. Горленко>).

² «Исторический вестник», 1898, № 8, стр. 700 (А. Фаресов).

³ «Новь», 1898, № 8, 15 апреля, стр. 50.

⁴ «Антиквар», 1902, № 2, май, стр. 36—40. (Примечания, сделанные любителем к книге: «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий», библиографический опыт В. А. Верещагина. СПб., 1898).

Зато такой авторитетный знаток русского искусства, как В. В. Стасов, отнесся к книге В. А. Верещагина крайне отрицательно. Он посвятил «Русским иллюстрированным изданиям» В. А. Верещагина большую, острополемическую рецензию в наиболее либеральной тогдашней газете «Новости»¹, озаглавленную «Плохая книга» и начинавшуюся такими жесткими словами: «Я только так, из учтивости, называю эту книгу плохой. Она гораздо больше чего-то шершавого стоит».

Анализируя недостатки книги В. А. Верещагина, В. В. Стасов метко указал самую слабую ее сторону — ее дворянско-эстетский характер...

«...Главное заблуждение г. Верещагина, — писал Стасов, — происходит оттого, что он берет слово «книжные иллюстрации» в слишком узком смысле и не только преимущественно обращает свое внимание на иллюстрации книг, так сказать, «дворянских»,

¹ В. В. Стасов. Плохая книга. — «Новости», 1898, 15 мая, № 132, стр. 2. — Резкий тон этого отзыва, может быть, отчасти объясняется еще и тем, что В. А. Верещагин в предисловии к своей книге заявил, что вследствие сопротивления В. В. Стасова он не имел возможности использовать для работы материалы отдела эстампов императорской Публичной библиотеки (этим отделом заведовал Стасов). Рецензент «Нового времени» не преминул воспользоваться этим случаем, чтобы обругать Стасова и с ним заодно всех «либералов». В одном из последующих номеров «Нового времени» тогдашний директор Публичной библиотеки А. Ф. Бычков поместил «Письмо в редакцию», в котором сообщил, что Стасов на законном основании отказывал Верещагину, так как не имел права разрешать кому бы то ни было работать в отделе эстампов; такие разрешения даются только директором, а к нему Верещагин ни разу не обращался.

оставляя в стороне «народные» (на что ныне уже не согласится ни один порядочный историк и критик искусства), но еще и в «дворянских-то иллюстрациях» он всего более занимается иллюстрациями книг с содержанием литературным и художественным».

«...Что за капризный выбор, — пишет он далее, — что за капризный взгляд, что за капризное распределение! Все, что не касается высших классов занятий, службы и развлечений и потех, мало привлекает к себе внимание автора».

Окончательный вывод рецензента таков: «По материалу, по его выбору, по его трактованию, по направлению книги она стоит очень малого. Чтобы она была на что-нибудь похожа, ее бы надо всю, от А до Z, начать сызнова, а все остальное — в печку».

В. В. Стасов правильно определил дворянско-эстетский характер «библиографического опыта» В. А. Верещагина, его высокомерно-пренебрежительное отношение к русской демократической иллюстрации второй половины XIX века.

Однако знаменитый критик-искусствовед, при всем своем чутье, не уловил того, что книга Верещагина была не единичным фактом в истории русского иллюстрационного искусства, а симптомом целого большого направления в истории русского искусства, а также коллекционерства.

В течение 90-х и в особенности 900-х годов увлечение изящными изданиями приобрело исключительный размах. Одновременно и порою опережая его шло страстное коллекционирование гравюр, старых литографий, вееров, табакерок, старинной мебели, фарфора, цветного хрусталя и стекла и т. п. В столичных

и провинциальных газетах охотно печатали фельетоны, посвященные вопросам коллекционирования, биографиям коллекционеров, характеристикам их книжных и иных собраний. Один из таких авторов, И. И. Лазаревский, выпустил в 1914 г. книгу своих газетных статей под заглавием «Среди коллекционеров», которая выдержала затем еще два издания (Пг., 1917 и Пг. — Берлин, 1922). В этой книге, предваряя очерки о русской мебели, фарфоре, цветном хрустале и стекле, помещена большая статья «Редкие русские издания». Написанная в «легком», газетном стиле, статья эта имеет, однако, значение авторитетного свидетельства очевидца-специалиста об изменениях, которые произошли в русском библиофильстве на рубеже XIX и XX веков; еще больший интерес представляет статья И. И. Лазаревского, как, впрочем, и вся его книга, в качестве явления русской библиофильской литературы предреволюционного времени.

«За последние пятнадцать — двадцать лет, — начинает И. И. Лазаревский свою книгу, — вспыхнул большой интерес к русским иллюстрированным изданиям прошлого века и конца восемнадцатого; немало родовых старинных дворянских библиотек выброшено на рынок из своих тяжелых красного дерева шкафов-хранилищ и попало к антикварам, а оттуда опять в шкафы новых собирателей, не менее любящих книгу и дорожающих ею, нежели их прежние владельцы».

Более подробно об этих новых собирателях говорит Лазаревский далее: «За последнюю четверть века состав наших библиофилов изменился немало. Наряду с людьми старого барского уклада, людьми науки, литературы и государственными деятелями, все чаще

и чаще начинаем встречать представителей старых купеческих фамилий Москвы и Петрограда, страстно прикованных к собиранию старой книги». И далее Лазаревский перечисляет библиофилов из крупной буржуазии Москвы и Петербурга, называя иногда знакомые нам фамилии: Бурцева, Синягина, Бахрушина, а также такие имена, которые известны всем, кто хоть немного помнит «элиту» русской буржуазии предреволюционного времени: Рябушинских, Морозовых и др.

Сам библиофил, И. И. Лазаревский с большим знанием говорит о том, какие книги привлекали этих новых собирателей. Он указывает, что в моду вошло коллекционирование всех изданий XVIII века, «преимущественно из типографий Новикова, Лопухина и иных масонских деятелей». С большими подробностями говорит Лазаревский об «одной из самых излюбленных отраслей коллекционирования книг» — «собирательстве русских иллюстрированных изданий»: «описаний различных празднеств, фейерверков, увеселительных прогулок, частных усадеб, парков, дворцов и т. п.», «истории русского быта, картин прежней жизни», «видов Москвы и Петрограда» и т. д. Заслуживает внимания указание автора на то, что особенно ценились тогдашними любителями «отличавшиеся художественной работой военные книги» — «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», «Галлерея гравированных портретов генералов и офицеров» и т. п.

Далее Лазаревский сообщает, что тогдашние библиофилы начали все более и более интересоваться литературой, относящейся к масонству. После довольно детальной характеристики этого раздела предрево-

люционного русского собирательства и перечисления библиофилов — владельцев больших собраний по масонским изданиям, Лазаревский еще с большей обстоятельностью рассказывает о коллекционерстве театральной и музыкальной иллюстрированной книги.

Даже при беглом чтении книги И. И. Лазаревского или даже нашего пересказа ее содержания видно, что автор в основном перефразирует предисловие и приводит примеры из библиографической части книги В. А. Верещагина «Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий» и лишь отчасти дополняет ее собственными сведениями о разных собирателях. Он почти текстуально повторяет основной тезис своего источника, вызвавший нападки В. В. Стасова.

«Русские иллюстрированные издания, — пишет Лазаревский, — имеют художественный интерес, повторяю, только лишь до половины прошлого века. Начиная с 1860-х годов изящество и своеобразность художественного убранства книги все больше вытесняется аляповатым, шаблонным и почти всегда грубым и неряшливым механическим «художественным» печатанием, в котором лишнее искать хотя крупницу подлинного искусства».

Совершенно ясно, что отрицательное отношение Верещагина и Лазаревского, как и стоявших за ними дворянских и буржуазных библиофилов, к русской иллюстрированной книге 60-х годов представляло собой часть общей борьбы буржуазной идеологии с демократическим и реалистическим передовым искусством второй половины прошлого века.

Определив свое отношение к русской иллюстрированной книге между 1860-ми и 900-ми годами, Лаза-

ревский заключает: «Только за последние годы к типографскому делу привлечены лучшие наши художники, и внешность русских иллюстрированных изданий стала подниматься на большую высоту». «Нет сомнения, — пишет он далее, — пройдет какое-нибудь десятилетие, и внимание наших коллекционеров будет привлечено ко многим теперешним художественным изданиям, уже ныне составляющим библиографическую редкость, как то мы видели доселе по отношению к иллюстрированным изданиям первой половины прошлого века».

Лазаревский не считал нужным конкретнее рассказать о тех изменениях, которые произошли в истории русского библиофильства, и назвать имена лиц, принимавших активное участие в этих изменениях. Однако из литературы мы эти имена знаем.

Одной из самых крупных фигур этого эстетского направления был неоднократно упоминавшийся нами В. А. Верещагин. Он родился в 1861 г. и принадлежал к высшему столичному дворянству. Сам Верещагин (см. стр. 216) в конце XIX века был камергером императорского двора и помощником статс-секретаря Государственного совета, перед 1917 г. — гофмаршалом. Сестра его была замужем за графом Д. И. Толстым, также занимавшим крупные должности, — в течение многих лет он был товарищем управляющего Музея Александра III (ныне Русский музей в Ленинграде), а позднее директором Эрмитажа. Литературную деятельность В. А. Верещагин начал в 1885 г. и посвятил себя изучению русской художественной культуры. Он принимал активное участие во всех русских библиофильских журналах дореволюционного време-

Д. В. Ульянинский

Академик Н. П. Лихачев

ни: в «Антикваре» (1902—1903), «Старых годах» (1907—1917),¹ «Русском библиофиле» (1911—1916; с сентября 1915 г. — редактор). В 1917—1918 гг. Верещагин был председателем комиссии по охране памятников искусства при Временном правительстве, а затем при Наркомпросе. В 1921 г. Верещагин эмигрировал и поселился в Париже. В 1928 г. он стал во главе парижского Общества друзей русской книги. 9 января 1931 г. он умер.²

Одним из важных моментов в деятельности Верещагина была организация в 1903 г. петербургского «Кружка любителей русских изящных изданий».³ Цель этой первой русской юридически оформленной библиофильской организации была изложена в уста-

¹ Он был основателем этого журнала и редактором его в первый год издания; после того как журнал перешел к П. П. Вейнеру, усиленно выдвигавшемуся Верещагиным, последний остался одним из основных сотрудников.

² См.: У. Г. Иваск. Частные библиотеки в России. — «Русский библиофил», 1911, № 4, стр. 51; Большая советская энциклопедия, т. 1, М., 1928, стлб. 289; «Slavische Rundschau», 1931, № 2, стр. 151; А. Н. Бенуа. Воспоминания о Верещагине. — «Временник Общества друзей русской книги», III, Париж, 1932, стр. 9—18; «Весь Петроград», Пг., 1917, отд. III, стр. 118.

³ Вот небольшая библиография об этом первом русском библиофильском обществе: «К юбилею Кружка любителей русских изящных изданий. 1903—1913» (СПб., 1913, 23 стр.); В. Я. Адарюков: 1) Воспоминания. — «Гравюра и книга», 1924, № 2-3, стр. 63—64; 2) В мире книг и гравюр. Воспоминания. М., 1926, стр. 23—41; В. А. Верещагин. Кружок любителей изящных изданий. СПб., 1903—1916. — «Временник Общества друзей русской книги», II, Париж, 1928, стр. 73—84. Перечень изданий кружка по 1914 г. включительно см. в «Каталоге Русского отдела Международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге. 1914» (СПб., 1914, стр. 183—184). К этому

ве¹ следующим образом: «Кружок любителей русских изящных изданий имеет целью содействовать развитию художественной стороны в издаваемых в России произведениях печатного и графического искусств и способствовать взаимному сближению собирателей означенных произведений» (§ 1).

Учредителями Кружка, кроме В. А. Верещагина, были крупные типографы (Р. Р. Голике), книгопродавцы-антиквары (В. И. Клочков, Н. В. Соловьев), ряд видных петербургских библиофилов (П. Д. Кед-

списку следует добавить по крайней мере следующих десять изданий: «Устав Кружка любителей русских изящных изданий» (без обозначения места издания, в петербургской типографии Р. Голике и А. Вильборга. 1903 и 1904); «Список членов Кружка любителей русских изящных изданий» (СПб., 1907 и 1911); «Английские и французские гравюры XVIII века. Выставка Кружка любителей русских изящных изданий» (Пг., 1916); «Краткий каталог выставки английских и французских гравюр XVIII века» (Пг., 1916; два издания); В. А. Верещагин. Памятка о выставке английской и французской гравюры XVIII века (Пг., 1916); А. Т. <А. А. Трубников>. На память о выставке английских и французских гравюр XVIII века (Пг., 1916); «Редактору-издателю ежемесячника «Старые годы» X Кружок любителей русских изящных изданий» (Пг., 1917). В этот список не вошли мелкие издания Кружка: членские и пригласительные билеты, извещение о смерти вице-председателя Кружка Е. Н. Тевяшова, плакат о выставке английской и французской гравюры и пр.

¹ Устав кружка был напечатан четырежды: в первый раз отдельным изданием, без указания места, в 1903 г., второй раз в том же году в журнале «Антиквар» (1903, № 9—12, стр. 95—103); в третий и четвертый раз — в 1904 г. и 1913 г., отдельно, также без обозначения места издания. В последней редакции Устав имеет ряд мелких изменений; наиболее существенное и забавное — отмена примечания к § 9, пункту г: «Лица женского пола не могут быть избираемы на должности по Кружку».

ров, С. Н. Крейтон, М. А. Остроградский, И. В. Ратьков-Рожнов, П. Е. Рейнбот, Н. К. Синягин, Е. Н. Тевяшов) и Г. В. Юдин из Красноярска. По уставу число членов Кружка не могло превышать ста, но, как позднее вспоминал В. Я. Адарюков, никогда число их не доходило до семидесяти, а активных членов, посещавших заседания, было не более двадцати пяти.¹ Председателем Кружка бессменно был В. А. Верещагин.

Среди лиц, позднее вступивших в состав Кружка, следует назвать В. Я. Адарюкова и П. П. Вейнера, редактора-издателя коллекционерского журнала «Старые годы» (1907—1917), о которых см. ниже.

Устав Кружка предусматривал устройство выставок произведений книжного дела и графических искусств. Используя это право, Кружок устроил шесть выставок, из которых пятая, организованная в 1914 г., была посвящена русской и иностранной книге XV—XIX веков. Тогда же был издан каталог этой выставки со вступительной статьей В. А. Верещагина, имевшей характер эстетической декларации Кружка.

Цель выставки, говорит В. А. Верещагин, состояла не в том, чтобы показать в полном объеме историю книги за время с изобретения книгопечатания и до середины XIX века, а «в том лишь, чтобы представить книгу в расцвете ее красоты и изящества и остановить внимание на ее выдающихся образцах».²

¹ См.: В. Я. Адарюков. Воспоминания — «Гравюра и книга», 1924, № 2-3, стр. 63—64. — В имеющихся у меня списках членов Кружка 1907 и 1913 гг. перечислено (включая почетных членов и членов-сотрудников) — 35 и 62.

² «Русская и иностранная книга XV—XIX века». СПб., 1914, стр. 2; В. А. Верещагин. Памяти прошлого. Статьи и заметки. СПб., 1914, стр. 107.

Изложив более или менее подробно состав русской части выставки (71 номер из общего числа 432 номера) и затем иностранной, В. А. Верещагин отмечает, что книг позднее 50-х годов прошлого столетия Кружок на выставку не допускал (самая поздняя русская книга — 1851 г.).

Эту свою позицию В. А. Верещагин подробно обосновывает:

«Вообще современное книжное дело представлено у нас бедно. Но не правы ли мы, относясь к нему с известным безразличием?

Современная книга в подавляющем большинстве, даже и лучших ее образцов, никакого сравнения с изданиями прошлых времен не выдерживает.

Действительно, прежде украшавшая книгу гравюра — произведение чистого артистического творчества — заменена разнообразными ремесленными способами воспроизведения рисунка.

Такой же, часто ¹ ремесленной работой является и облекающий ее переплет, орнаментация которого напоминает гармоничные произведения прежних мастеров только тогда, когда ее мотивы у них же заимствованы.

Мало, затем, кого, особенно в России, удовлетворяет и современный типографский шрифт. Нам приходится поэтому при желании выпустить в свет более или менее изящно отпечатанное русское издание обращаться к уже надоевшему шрифту Ревильона или отливать тот или другой шрифт XVIII века.

Прежняя, наконец, великолепная тряпичная бу-

¹ Вероятно, опечатка, вместо «чисто».

мага, почти не поддающаяся действию времени, уступила место непрочным суррогатам из древесной массы.

И, через какую-нибудь сотню лет, от бесчисленных образцов современного книжного искусства, от наших идеалов и целей, воплощенных в произведениях печатного слова, останется одна жалкая пыль, — как от египетских мумий, извлекаемых из глубины пирамид и рассыпающихся в прах при первом упавшем на них луче...»¹

Из этой пространной цитаты для нас особенно существенно перечисление тех пунктов, которые характеризуют библиофильские вкусы В. А. Верещагина и членов Кружка любителей русских изящных изданий. Пункты эти все касаются внешности книги; это — граiture, переплет, шрифты, бумага. Нам придется немного ниже вернуться к этому вопросу, а сейчас мы отметим, что для библиофилов «верещагинского толка» (если продолжить библиофильские классификации второй половины XIX века) изящная книга была только частью их собирательских интересов. Мы видели это уже в рассмотренной ранее книге И. И. Лазаревского «Среди коллекционеров». Еще отчетливее выступает эта сторона тогдашнего собирательства в книге В. А. Верещагина «Памяти прошлого. Статьи и заметки» (1914). Здесь, наряду со страницами, посвященными старой русской и иностранной книге, мы находим статьи и заметки о русских усадьбах («Разоренное гнездо»), старинных модах («Женские моды

¹ «Русская и иностранная книга XV—XIX века», стр. 21 — 22; В. А. Верещагин. Памяти прошлого, стр. 121—122.

Александровского времени»), веерах («Веер и грация») и т. п.

Однако было бы ошибкой видеть в книге В. А. Верещагина случайное, искусственное собрание статей его, помещенных в «Старых годах» или в качестве предисловий к каталогам выставок, устраивавшихся Кружком любителей русских изящных изданий. В этой книге, начиная с заглавия и предисловия и кончая последней статьей, примечаниями и подбором иллюстраций, все продумано, взвешено и подчинено одной основной идее — увести читателя в прошлое. Если в вводной статье к каталогу выставки «Русская и иностранная книга XV—XIX века» В. А. Верещагин говорил только о художественной внешности старинной книги, то во вступительных — без заглавия — страницах своего сборника «Памяти прошлого» он, тревожно глядя в темное будущее, — словно предчувствуя надвигающуюся революцию, — настойчиво зовет читателя в прошедшее, идеализируя и всячески гримируя эпоху крепостного права («...до шестидесятых годов XIX века»).

Это небольшое вступление настолько показательно как литературный документ русского дворянско-буржуазного библиофильства накануне революции, что нельзя не привести его в полном виде в нашем обзоре русской библиофильской литературы. Вот это предисловие, написанное модным в те времена «красиво-элегическим» языком, которым обыкновенно пользовались авторы, изображавшие идеализированную дворянскую старину.

«Из таинственной дали, окутанной дымкой поэзии, встает наша старая быль с ее манящими воспомина-

ниями: «любезная искренность» слова и непосредственность мысли, прелесть бывшего наряда и грация жеста, жеманный реверанс менуэта... И веет от этой неведомой дали прелестью юности и грустью утраты. Заполонило нас прошлое...

От современной нам тусклой бездарности, от томительных будней мы словно стремимся уйти в мир иной, где жили полнее и благороднее чувствовали. Беспощадный анализ не усиливал горя, не развенчивал радостей; не звенела струна напряженной психической жизни; облекаясь в утонченные формы, казались возвышеннее страсти и помыслы, — жили красивее. И сквозь волшебную призму иллюзии представляется нам этот пройденный путь прекрасным и радостным. Почему же и нам не искать, именно в этом пути, тех источников чувства и вдохновения, которые в своей исторической были нашли деды и прадеды, и не обновить нашу жизнь, как они, могучим расцветом таланта и разума?

Быть может, однако, эта надежда напрасна...

В душе человека наступает с годами ослабление энергии. Душа утомленная и сердце усталое перестают отзываться на живые интересы действительности, отступая от поступательного движения мысли. Тогда все чуждое себялюбивым заботам и эгоистическим помыслам утрачивает свое значение. И на смену горячим ключом бывшей жизни устремляются в опустевшее сердце яркие образы всего забытого и прожитого.

И кто знает, быть может, наше страстное поклонение прошлому есть только тщетный порыв угасающей в бреду воспоминаний человеческой личности...»

Чтобы дополнить и закончить характеристику В. А. Верещагина как библиофильского автора, следует отметить, что иногда в его статьях о русских изящных изданиях проскальзывают и некоторые нотки эротизма, столь характерного для декадентской литературы и искусства. В рассматривавшемся уже нами предисловии к каталогу выставки «Русская и иностранная книга XV—XIX века» В. А. Верещагин с полным сочувствием цитирует одного французского библиофила: «Книга подобна женщине; она создана, чтобы нравиться, чтобы быть одетой со всем великолепием искусства; она сотворена, чтобы соблазнять взгляд до того, как она очарует дух; это — друг, для которого никакая одежда не будет слишком прекрасна, так как его прикосновение должно внушать страсть».¹

Верещагин уехал в Париж в самом начале 20-х годов, до моего приезда в Ленинград, и мне, таким образом, видеть его не пришлось. От лиц, которые знали его, мне довелось слышать, что он держался всегда надменно, даже в советское время, считал себя непрекаемым авторитетом в области русской и иностранной художественной книги. Сведения эти совпадают с тем, что сообщает о В. А. Верещагине Ф. Г. Шиллов:

¹ «Le livre comme la femme, говорит Octave Usanne, est fait pour plaire, pour être vêtu avec appareil de tous les attributs de l'art; il est créé pour séduire le regard avant de charmer l'esprit; c'est un ami, qu'on ne saurait trop embellir, dont l'abord doit inspirer un désir de relation». — «Русская и иностранная книга XV—XIX века», стр. 2—3; «Памяти прошлого», стр. 108.

«С букинистами он держался высокомерно, считал себя большим знатоком. На основе своего собрания и случайно полученных сведений он составил книгу о русских иллюстрированных изданиях. Несмотря на множество ошибок и пробелов, книга была встречена критикой одобрительно <...> Верещагин хоть и держался важно (он имел звание камергера), но всегда был без денег, так как жалованья ему не хватало...»¹

Совсем иными красками рисует его А. Н. Бенуа. «Василия Андреевича, — писал он, — в некоторых смыслах можно назвать типом утонченного петербуржца этих десятилетий <конца XIX — начала XX века> <...> когда я познакомился с этим милым и приятным человеком, сразу меня пленившим особенностью своего тона, своей изящной скромностью, грацией своего скептицизма и своим интересом ко всякого рода явлениям искусства, пленившим и мое внимание».²

Противоречивость этих характеристик не должна удивлять нас: одни отношения могли сложиться у Верещагина с человеком своего круга — А. Н. Бенуа, другие — с петербургскими книгопродавцами из крестьян, как Ф. Г. Шилов.

В. А. Верещагин не ограничился изданием «Русских иллюстрированных изданий XVIII и XIX столетий»; в 1908 г. был опубликован составленный им первый выпуск «Материалов для библиографии русских

¹ Ф. Г. Шилов. Записки старого книжника. М., 1959, стр. 104; ср. стр. 108: «библиографические работы последнего <Верещагина> весьма поверхностны».

² А. Н. Бенуа. Воспоминания о Верещагине. — «Временник Общества друзей русской книги», III, Париж, 1932, стр. 9—10.

иллюстрированных изданий». Второй и четвертый выпуски «Материалов» (1909—1910) были подготовлены Н. К. Синягиным, третий (1910) — Е. Н. Тевяшовым. Все эти издания были выпущены под маркой Кружка любителей русских изящных изданий.

По пути, проложенному В. А. Верещагиным, пошли Е. Н. Тевяшов («Описание нескольких гравюр и литографий». СПб., 1903; «Материалы», вып. III), Н. А. Оболянинов («Каталог русских иллюстрированных изданий. 1725—1860 гг.» В двух томах. М., 1914—1915; «Русские граверы и литографы. Добавление к «Словарю русских граверов» Ровинского и «Описанию нескольких гравюр и литографий» Тевяшова». М., 1913; «Заметки о русских иллюстрированных изданиях. Игры детские». М., 1916), В. Я. Адарюков («Добавления и исправления к «Подробному словарю русских гравированных портретов» Д. А. Ровинского», СПб., 1911; вместе с Н. А. Оболяниновым: «Словарь русских литографированных портретов. Составлено при участии и под редакцией С. П. Виноградова», т. 1. М., 1916) и др. Несмотря на то что все это — работы библиофилов, многие из них выполнены точно и надежно.

Говоря о В. А. Верещагине и Кружке любителей русских изящных изданий, нельзя забыть лицо, близкое и к первому и ко второму. Это — Петр Петрович Вейнер. Из кратких сведений о нем в справочнике «Весь Петроград за 1917 год» и небольшой заметки в первом издании «Большой советской энциклопедии», где указано, что он родился в 1879 г., является писателем по вопросам искусства, и бегло перечислены должности, занимавшие им с 1912 по 1920 г., а так-

же важнейшие его статьи,¹ — трудно создать себе представление об этом крупнейшем после Верещагина представителе эстетического направления в русском библиофильстве.

Не помню и не могу установить, читал ли я или слышал от кого-то, что в молодые годы Вейнер был гвардейским или морским офицером² и по выходе в отставку начал заниматься вопросами коллекционирования. В числе членов-учредителей Кружка любителей русских изящных изданий его имени нет. Однако из печатного адреса, преподнесенного Вейнеру Кружком в 1917 г. в связи с десятилетием существования журнала «Старые годы», явствует, что он был одним из активнейших деятелей этой библиофильской организации.³ С 1907 г. он был секретарем Кружка.

Среди печатных работ П. П. Вейнера, обычно посвященных вопросам искусства, есть одна, которая является своего рода программным документом библиофильства «верещагинского толка». Это — доклад его, прочитанный на Всероссийском съезде художников в

¹ «Весь Петроград за 1917 год». Пг., 1917, отд. III, стр. 115; Большая советская энциклопедия, т. 9. М., 1928, стлб. 192. Никакой другой литературы о Вейнере я найти не мог. От лиц, знавших его, мне стало известно, что он умер в 1924 г.

² Возможным подтверждением этого является статья «Школа и воспитание личного состава», напечатанная в «Морском сборнике» (1908, апрель) за подписью «П. Вейнер».

³ «Редактору-издателю ежемесячника «Старые годы» Х Кружок любителей русских изящных изданий. Пг., 1917, 10 нenum. стр. Печатано в количестве 75 экземпляров для членов Кружка». По-видимому, это было последнее издание, выпущенное Кружком. В. Я. Адарюков утверждает, что брошюра была выпущена в количестве 65 экземпляров, из которых 63 — именные («В мире книг и гравюр. Воспоминания», М., 1926, стр. 41).

Петербурге в конце 1911 — начале 1912 г., под заглавием «Художественный облик книги». В этой работе Вейнер с большой полнотой и, если угодно, даже красноречиво, с увлечением изложил те требования, которые библиофилы его направления предъявляли к художникам, оформлявшим книгу. От аналогичных работ Верещагина, пессимистически смотревшего на книжное искусство после 1850 г., доклад Вейнера отличается большей историчностью и, так сказать, оптимизмом.

Начинается работа Вейнера правильным тезисом, свидетельствующим о том, что докладчик много и серьезно думал над проблемами истории книги и хотя решал их с буржуазно-идеалистических, эстетских позиций, но не был склонен отрицать некоторые закономерности в развитии художественной внешности книги. Характерно, что на всем протяжении доклада он ни разу не говорит об ее идейном содержании.

Первый тезис доклада Вейнера имеет декларативный характер: «Художественный облик книги не поддается ограничению неподвижными законами, и поступательное движение в книжном деле не может отставать от развития художественной техники вообще». Далее докладчик говорит: «По мере усовершенствования способов воспроизведения и печатного искусства отражение этих успехов мы сейчас же видим в книге. Механические способы иллюстраций ныне достигли такой высоты, что с их помощью достигаются вполне художественные издания». «Но, — неожиданно завершает свой первый тезис Вейнер, — говорить об этом я не собираюсь... Я хочу скорее обратить ваше внимание в сторону старой книги».

Несомненные и всеми признаваемые достоинства старой книги, говорит Вейнер, объясняются тем, что «фабричное производство трудно мирится с художественностью». «Что выигрывает в количестве, теряет в качестве, — сентенциозно продолжает Вейнер и делает очень примечательный вывод: это судьба всего, что демократизируется. Вот почему за последнее столетие так понизился процент художественных книг».

Впрочем, докладчик был далек от того элегически-усадебного, упадочного тона, которым пронизаны предисловие и многие страницы книги В. А. Верещагина «Памяти прошлого». Напротив, Вейнер, несколько противореча своему тезису, что потеря качества фабричной книгой — «это судьба всего, что демократизируется», тут же заявляет: «Но это не причина падения книжного искусства, и я далек от того, чтобы считать хорошую книгу неосуществимой мечтой при настоящем укладе жизни, когда условия, вызвавшие фабричное производство книги, могут только прогрессировать, а отнюдь не исчезнуть». Считая, что в конце XIX — начале XX века за рубежом и у нас замечается «возрождение книги», которое стоит, по его мнению, «в теснейшей связи с общим подъемом художественного уровня знаний», Вейнер видит залог дальнейшего развития этого процесса в том «истинном углублении в дух былого творчества, которое властно проявляется теперь в художественных кругах».

Таким образом, Вейнер ставил вопрос о возрождении художественных традиций в книжном деле, и в этом отношении в его позиции мог быть определенный положительный смысл. Однако он, как и Верещагин, имел в виду традиции первой половины XIX века и в

целом стоял на чисто формалистической точке зрения. Его интересовала не массовая, «демократическая», хорошо и красиво оформленная книга, а книга изящная, дорогая, «аристократическая». Хотя этого последнего термина он не употребляет, однако все дальнейшее содержание его доклада говорит об этом. Утверждая, что «причина упадка <книжного искусства> — в непонимании того духа любви к книге, к каждой выпускаемой книге, что руководила прежними создателями их», Вейнер патетически завершает первый раздел своего доклада такой эффектной концовкой:

«К этому старому духу я вас призываю, господа. Не бойтесь этого духа, заражайте им всех художников, привейте его типографам и издателям, распространяйте его широко, и мы, несомненно, добьемся возрождения художественной книги. А книга — ближайший проводник в жизнь принципов и искусства и красоты».

Переходя непосредственно к рассмотрению составных частей, образующих художественную, в его понимании, книгу, Вейнер прежде всего подробно останавливается на бумаге, употреблявшейся в то время при изготовлении «роскошных» изданий. Он высказывается решительно против гляцевитой «меловой» бумаги; ему импонирует употребление высших, дорогих ее сортов — японской, китайской, бумаги с водяными знаками; он понимает, что это — «снобизм, но, — прибавляет он, — милый снобизм, близкий сердцу книголюбов». «В итоге, — говорит Вейнер, — я прихожу к выводу, что книга может быть художественна, если она отпечатана на бумаге матовой, непрозрачной и хорошо приемлю-

щей печать <...> мягче всех для глаз и приятнее — слегка желтоватый оттенок бумаги».

Обращаясь далее к вопросу о формате художественной книги, Вейнер менее категоричен. «Художественные аксиомы в отношении к формату, — пишет он, — сводятся лишь к отрицательным положениям, основанным на опыте, а не на теории: формат не должен быть удлинённый, очень узкий, мудреный, фантастический (например, доходили до таких чудачеств, как печатание треугольных книг)».

Уделяет Вейнер также много внимания и столь существенному для библиофилов вопросу, как ширина полей книги. Принимая за основу «приспособляемость к данному изданию, к формату книги, к размеру шрифта», докладчик все же призывает к «чувству меры» при определении ширины полей: «чутье пропорций, — замечает он, — нужно для установления правильного взаимоотношения полей — боковых, верхних, нижних — между собою». «Тут нужно вспомнить об очаровательной подробности изящной книги, — прибавляет Вейнер, — необрезанном нижнем и боковом краях бумаги, образующих неправильную, волнистую линию, которая при выработке бумаги получается естественным путем». Он только против специальных подгонок таких краев художественной книги, так как «они редко бывают удачны и получается натянутый, слишком искусственный вид».

В тон всему предшествующему — то, что Вейнер говорит о современных ему типографских шрифтах. И здесь он зовет своих слушателей к прошлому: «Старинные наши шрифты (я подразумеваю шрифты XVIII и начала XIX вв.), — пишет он, — были действительно

художественны. В каждой букве чувствовалась воля рисовальщика, чувствовался тот элемент, который обуславливает художественность вообще». «Безличность» современных шрифтов ему претит, и он констатирует: «Как радостно отдыхает глаз теперь, когда во многих художественных изданиях встречается повторение елисаветинского и петровского шрифтов». Вейнер считает, что «тайну их притягательности нужно искать в самом рисунке, в очертаниях». Но он не просто стоит за возврат к старым шрифтам, а напротив, призывает своих слушателей-художников к творческим исканиям в области создания простых, истинно красивых шрифтов.

Бегло коснувшись «соблюдения приятного соотношения длины строки, размера букв и междустрочного пространства», а также вопроса о месте пагинации, Вейнер несколько больше говорит об иллюстрациях и других украшениях книги — инициалах, заставках, концовках, фронтисписах и, наконец, о переплете. «Здесь, — добавляет он, — допустим широкий символизм».¹

Упоминание символизма здесь не случайно. Хотя Кружок любителей русских изящных изданий в самом начале своей деятельности отказался печатать пушкинского «Медного всадника» с иллюстрациями Александра Бенуа, так как последние были признаны большинством членов этой организации «декадентски-

¹ Доклад П. П. Вейнера «Художественный облик книги» был напечатан дважды: в журнале «Искусство» (1912, № 3-4, стр. 121—128) и в «Трудах Всероссийского съезда художников», (Пг., 1915, т. III, стр. 40—45). Я цитировал доклад Вейнера по отдельному оттиску из журнала «Искусство» (8 стр.).

ми», к 1911—1912 гг. эстетические симпатии к символизму возобладали среди участников Кружка, и это отразилось и в докладе Вейнера.

В конце выступления Вейнер для подтверждения своих положений ссылается на выставку, устроенную к Всероссийскому съезду художников, на котором он делал доклад. Эта выставка демонстрировала те художественные достижения, которые должны были убедить художников в правильности предложений Вейнера. Благодаря тому что организаторы выставки позаботились об издании ее каталога — «Искусство в книге и плакате» (СПб., 1911), мы имеем сейчас возможность представить себе содержание, характер и цели этой выставки.¹

Можно без малейшего колебания сказать, что данная выставка была построена как конкретная иллюстрация эстетических позиций Кружка любителей русских изящных изданий. Официальным организатором выставки являлся И. И. Леман, владелец крупнейшей словолитни в дореволюционной России и один из активных участников Кружка любителей русских изящных изданий. Но реальными устроителями ее были лица, которым И. И. Леман принес в конце «Предисловия» «особую благодарность» «за их ценные указания и содействие». Здесь мы встречаем хорошо знакомые имена — А. Н. Бенуа, В. А. Верещагин, П. П. Вейнер, Н. В. Соловьев и Е. Н. Тевяшов.

Выставка «Искусство в книге и плакате», как сви-

¹ См. также: «Выставка «Искусство в книге и плакате» («Труды Всероссийского съезда художников», т. III. Пг., 1915, стр. 181—183 и 185) и приложение «Искусство в книге и плакате» (24 нумеров. стр. — иллюстрации).

детельствует «Предисловие» и соответствующие указания при описании отдельных экспонатов, составившая в значительной части (в так называемом «ретроспективном отделе») из материалов, предоставленных коллекционерами. Самые поздние по времени экспонаты в этом отделе относятся к 1865 г. (А. Лебедев. Погибшие, но милые создания. СПб.), самый ранний в отделе современном — к 1899 г. (А. С. Пушкин. Песнь о вещем Олеге. С иллюстрациями В. Васнецова. СПб.). Той же цели — пропаганде старого «дворянского» искусства, с одной стороны, и нового «модернистского», с другой, — служил приложенный к каталогу «Опыт краткой библиографии русских повременных изданий по искусству» (стр. 83—86) и список «Ныне выходящих русских повременных изданий, выставленных на столах для обозрения» (стр. 87). В последнем перечне мы встречали такие журналы, как «Аполлон», «Старые годы», «Русский библиофил», «Свободным художествам» и др. Следует отметить, что журналы 1870—1900-х годов в первом списке всё же перечислены.

Таким образом, едва ли мы ошибемся, если, объединив в одно целое доклад П. П. Вейнера и выставку «Искусство в книге и плакате», усмотрим в обоих этих мероприятиях попытку библиофилов «верещагинского толка» идеологически воздействовать на русских художников книги.

Среди второстепенных библиофилов, входивших в состав Кружка любителей русских изящных изданий, нельзя в нашем обзоре обойти молчанием упоминавшегося уже несколько раз попутно Н. В. Соловьева (1877—1915).

Он не был, подобно В. А. Верещагину и ряду других библиофилов-эстетов, выходцем из дворянского круга дореволюционного общества. Это был представитель русской буржуазии новой формации: он был сыном миллионера В. И. Соловьева, владельца широко известных в дореволюционном Петербурге «Северной гостиницы» с фешенебельным рестораном при ней и огромного гастрономического магазина. Среднее образование Н. В. Соловьев получил в немецком училище при церкви св. Анны в Петербурге, слушал лекции в Петербургском университете и в Сорбонне (в Париже). Последующая «деятельность его была весьма разнообразна. Он был и гласным городской думы, и членом правления Петроградского купеческого общества взаимного кредита, и литератором, и издателем».¹ В этой цитате из его некролога, — случайно или сознательно, не знаю, — пропущено то, что в 1901 г. Н. В. Соловьев открыл антикварный магазин, сразу же занявший первое место в книжном мире Петербурга и даже Москвы, где существовала более старая антикварная фирма П. И. Шибанова.

По воспоминаниям ветерана советских книжников Ф. Г. Шилова, антикварный магазин Н. В. Соловьева возник следующим образом. В молодые годы Соловьев «числился у отца управляющим Северной гостиницы, получал ежемесячно 500 рублей и, интересуясь книгами, стал покупать их и собрал, в конце концов,

¹ «Н. В. Соловьев». Антикварный книжный магазин Н. В. Соловьева (комисс. императорской Публичной библиотеки). Каталог № 140. Пг., 1915, стр. 1 нenum. — Этот некролог был написан, по-видимому, управляющим магазином Соловьева — А. С. Молчановым.

приличную библиотеку. Когда отец, рассердившись за что-то на сына, лишил его содержания, Соловьев, по совету своих друзей книгопродавцев-антикваров Сиягина¹ и Ключкова, решил открыть книжную лавку на Семеновской улице, положив для начала распродать свою библиотеку. <...> Отец, увидев, что сын умеет жить своим трудом, помирился с ним. Не желая, чтобы сын миллионера торговал в скромном помещении, он выселил Л. Ф. Мелина² из дома Шереметева на Литейном 51, увеличил это помещение вдвое, отделал и открыл роскошный магазин».³

Произошло это в 1903 г. За некоторое время до того, вскоре после основания своего предприятия, Н. В. Соловьев стал издавать «библиографический листок» «Антиктвар», бывший фактически первым или, во всяком случае, одним из первых библиофильских русских журналов. В нем принимали участие В. А. Верещагин, А. В. Петров, библиофил не то «верещагинского», не то «ефремовского толка»,⁴ затем В. Я. Адаюков и некоторые другие петербургские библиофилы

¹ Здесь память, по-видимому, изменила Ф. Г. Шилову: книгопродавца-антиквара Сиягина не было; был известный библиофил Н. К. Сиягин.

² Л. Ф. Мелин — один из первых по времени петербургских книгопродавцев-антикваров.

³ Ф. Г. Шилов. Записки старого книжника. Редакция и предисловие Вл. Лидина. М., 1959, стр. 45—46.

⁴ Результатом его библиофильской деятельности является дважды изданная книга: «Библиотека А. В. Петрова. Собрание книг, изданных в царствование Петра Великого» (СПб., 1913, оба издания). О нем см.: В. И. Срезневский. Памяти А. В. Петрова. — «Альманах библиофила», Л., 1929, стр. 243—260.

начала XX века. Ряд статей и рецензий в «Антикваре» был написан самим Соловьевым. В качестве приложения к журналу давались каталоги соловьевского антикварного книжного магазина.

Просуществовав всего два года, «Антиквар» был закрыт.

Однако идея издания библиофильского органа не была покинута Соловьевым. С 1911 г. он стал издавать журнал «Русский библиофил», задуманный как «вестник для собирателей книг и гравюр», который должен был «послужить делу коллекционерства в России». Но вскоре историко-литературные материалы, в изобилии поступавшие в редакцию журнала — и через антикварный магазин, и от многочисленных сотрудников, — отодвинули на задний план собственно библиофильскую тематику. Тем не менее в журнале Соловьева находится ряд описаний «редкостей» из библиотек тогдашних библиофилов (кстати, преимущественно по масонству), статьи и рецензии по вопросам редких и изящных изданий, обширная хроника о зарубежном библиофильстве в духе Кружка любителей русских изящных изданий. Журнал на практике осуществлял теоретические принципы доклада П. П. Вейнера — он печатался на матовой бумаге с желтоватым оттенком, старинным елизаветинским шрифтом, украшался выдержанными в эстетических вкусах Верещагина иллюстрациями и т. д.

Анонимный автор некролога Соловьева в каталоге № 140 указывает, что «Н. В. был выдающимся знатоком гравюры и книжной иллюстрации; в этой области его перу принадлежат статьи: «Иллюстрированные издания в России начала XIX века», «Русская

книжная иллюстрация XVIII века», «Русская книжная иллюстрация XIX века и произведения Пушкина», «Французские граверы XVIII века», помещенные в «Старых годах», и «Русском библиофиле». <...> В качестве видного участника Кружка любителей русских изящных изданий Н. В. работал по организации художественно-исторических выставок, которые устраивал Кружок («Русская женщина», «Придворная жизнь»), и снабжал их экспонатами из своего богатого собрания; им написана большая вступительная статья к каталогу выставки «Придворная жизнь»...

Существенное значение для русского библиофильства начала XX века имели каталоги магазина Н. В. Соловьева; при его жизни было издано 139 выпусков, после его смерти — еще шесть.¹ Из каталогов, опубликованных Соловьевым, некоторые довольно обьемисты и представляют интерес отчасти и как библиографические пособия; таковы, например: каталог № 104 (1910) — «Русские портреты», первый русский антикварный каталог, специально посвященный портретам и гравюрам;² № 105 (1910) — «Редкие книги», ставший в ряд с аналогичными книгами Геннади и Н. Березина; № 118 (1912) — «Двенадцатый год»;

¹ Каталог № 145, с цензурной датой 7 января 1917 г., был издан «под фирмою Н. В. Соловьев» «владельцем А. С. Молчановым». Более поздних каталогов я не встречал, и в литературе они не отмечены.

² Сведения о портретах имеются также в более ранних каталогах № 18, 85 и 92. Подробнее о каталогах Соловьева (только о №№ 1—113) см. в «Библиотеке Д. В. Ульянинского», т. II, 1913, стр. 555—556.

№ 122 (1913) — «Автографы и рукописи», первый из немногих русских каталогов подобного рода.

Впрочем, трудно судить, были ли библиографические успехи книжного магазина Соловьева обязаны ему лично или его главному приказчику А. С. Молчанову, как об этом можно заключить из воспоминаний Ф. Г. Шилова. Несмотря на то что Соловьев выгодно купил и перепродал ряд богатейших частных библиотек, в том числе и библиотеку проф. И. В. Помяловского, на распродажу которой прибыл специальный представитель из Ватикана,¹ магазин его давал убыток. Занятый делами Кружка любителей русских изящных изданий, отчасти «Русским библиофилом», а также своими финансовыми и общественными обязанностями² и литературными работами (женатый на балерине, он написал исследование о танцовщице пушкинских времен Тальони), Соловьев все больше забрасывал свой антикварный магазин. Заболев ангиной, он скончался в августе 1915 г. от заражения крови.³

¹ Ф. Г. Шилов, ук. соч., стр. 26 и 44. Ср. каталоги Соловьева № 65—72, представляющие частичную опись библиотеки Помяловского.

² Ф. Г. Шилов пишет, что «отец <Соловьева> пристроил его <то есть сына> директором банка» (ук. соч., стр. 46). В некрологах Н. В. Соловьева это сообщение не подтверждается.

³ Любопытные подробности о судьбе антикварного магазина Н. В. Соловьева рассказывает Ф. Г. Шилов: «Перед смертью Соловьев оставил отцу письмо, в котором просил продать магазин А. С. Молчанову. В. И. Соловьев исполнил просьбу сына. Он продал Молчанову магазин за невысокую цену, с рассрочкою на пять лет. Молчанов же расплатился с ним в один год. Соловьева это так рассердило, что он выселил Молчанова из своего дома, в котором тот бесплатно занимал квартиру из пяти комнат. Соловьев-отец был возмущен: при сыне магазин прино-

Именами В. А. Верещагина, П. П. Вейнера и Н. В. Соловьева не исчерпывается, конечно, список дореволюционных библиофилов-эстетов. Однако для нас важно дать не полную историю этого направления в русском библиофильстве, а общее представление о нем.

В. Я. Адарюков, сам в прошлом член Клуба, так характеризовал значение этой библиофильской организации: «В общем, вспоминая и оценивая деятельность Клуба за все истекшее время, нельзя не признать, что Клуб своею деятельностью далеко вышел за пределы простого любительства и внес богатейшие материалы в нашу научную литературу о художественных изданиях. Борясь с укоренившимся дурным вкусом, пропагандируя своими изданиями истинно художественную книгу, воскрешая своими интересными выставками блестящие страницы прошлого, Клуб несомненно проделал крупную работу, объединив в то же время коллекционеров и собирателей и заслужив искреннюю и глубокую признательность всех тех, которые любят книгу и видят в ней художественное значение».¹

сил убыток, Молчанов же, став хозяином, смог уплатить большой долг в один год» (ук. соч., стр. 46). Полагаю, что здесь не совсем все точно: магазин был продан «за невысокую цену», какой же «большой долг» уплатил Молчанов? Наследницей Н. В. Соловьева была его жена В. А. Трефилова, а не В. И. Соловьев. В 1917 г. магазин Молчанова продолжал находиться в прежнем помещении на Литейном 51; если В. И. Соловьев мог выселить Л. Ф. Мелина, почему же он не сделал того же с Молчановым?

¹ В. Я. Адарюков. В мире книг и гравюр. Воспоминания. М., 1926, стр. 41.

Если даже учесть в этой характеристике своеобразный «кружковый патриотизм» В. Я. Адарюкова, все же нужно согласиться с ним в общей оценке деятельности Кружка. Несмотря на свой дворянско-буржуазный характер и специфический уклон, деятельность Кружка любителей русских изящных изданий и вообще библиофилов-эстетов принесла несомненную пользу истории русского книжного искусства: ими были библиографически учтены, описаны и изучены многочисленные, ранее неизвестные или забытые русские иллюстрированные издания, собраны и приведены в определенный порядок биографические и историко-художественные сведения о русских книжных иллюстраторах, граверах и литографах, на деятельность которых Д. А. Ровинский обращал меньше внимания; наконец, благодаря выставкам по истории русской и иностранной изящной книги, устраивавшимся Кружком, а также другим формам пропаганды им своих идей, книжное оформление и книгоиздательская культура были подняты у нас в XX веке на значительную высоту по сравнению с предшествовавшим периодом. Не нужно, конечно, сводить все к деятельности В. А. Верещагина, П. П. Вейнера и Н. В. Соловьева, они только отчетливее отражали и выражали протекавший в те годы процесс и в меру своих сил пытались на него влиять. Но было бы несправедливо и вредно для истории русской книги и русского библиофильства забыть о них вовсе.

Как ни реакционны были истоки и суть этого эстетского направления, нельзя забывать также и того, что от него зависело и во многом на собранных им материалах строило свои концепции широко расцветшее

в 20-е годы течение «искусства книги» (работы А. А. Сидорова, П. М. Дульского, Э. Ф. Голлербаха, М. И. Щелкунова), при всех его ошибках сыгравшее все же существенную роль в формировании советской книжной культуры.

Особое место в истории русского библиофильства и библиофильской литературы начала XX века занимает Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861—1918), о котором на предшествующих страницах мне не раз уже приходилось упоминать. Его называли «поэтом книги», его библиотеку — «дворцом книги»,¹ в московских библиофильских кругах он считался главою русских библиофилов начала XX века, и такая слава до сих пор сохранилась за ним у людей старшего поколения, которые имели возможность непосредственно общаться с ним.

Писал он очень мало: в области библиофильской литературы ему принадлежат всего лишь две работы — «Среди книг и их друзей» (М., 1903) и «Библиотека Д. В. Ульянинского. Библиографическое описание» (три тома, М., 1912—1915, 1717 стр.).² Однако эти две книги по заслугам упрочили известность их автора как выдающегося русского библиофила и как замечательного библиографа. При этом нужно иметь в виду, что назвать Ульянинского «поэтом книги» можно было не за литературный стиль его трудов, а за его влюб-

¹ См.: С. Султанов <С. С. Раецкий>. Поэт книги (Д. В. Ульянинский и его библиотека). М., 1914 (ранее в сокращенном виде в газете «Утро России», 1914, 20 марта, № 66).

² Полный список его работ и литературы о нем составлен Н. Н. Орловым и напечатан в сб. «Дмитрий Васильевич Ульянинский» (М., 1927, стр. 51—67).

ленность в книгу, за то, что всю свою жизнь старого холостяка¹ он полностью, без остатка посвятил книгам, их собиранию и изучению, что он превратил свою жизнь в культ книги.

Сын провинциального врача-дворянина, Ульянинский вырос в Туле, где получил среднее образование. По окончании математического факультета Московского университета он поступил на службу в управление Московского удельного округа, ведавшего имениями членов императорской фамилии. На этой тихой, оторванной от политических злоб дня службе он находился всю свою жизнь, вплоть до революции 1917 г., положившей конец удельному ведомству и его Московскому округу.

Свой путь к библиофильству и свой путь как библиофила Ульянинский рассказал в первой из названных работ — «Среди книг и их друзей». Состоит этот труд, имеющий подзаголовок «Часть первая» (второй не было), из двух больших статей: «Из воспоминаний и заметок библиофила» (стр. 1—79) и «Русские книжные росписи XVIII века (библиографический обзор)» (стр. 83—138). Вторая статья имеет специальный характер и не представляет для наших целей особого интереса, хотя может служить образцом описаний библиотеки (или части ее), составленной по принципам тематического библиофильства. Значительный интерес имеет первая статья.

По существу это первая и, увы! единственная в нашей библиофильской литературе обстоятельная, отчасти художественная автобиография книголюба. Написанная в неторопливой, ясной и спокойной манере,

¹ Он женился за год до своей смерти, и, кажется, неудачно.

статья Ульянинского дает нам довольно полное представление о том, какими судьбами пришел он к собиранию книг, как собирал их и какие взгляды на библиофильство у него постепенно сложились. Попутно он рассказывает неизвестные до того и любопытные (и для него как автора, и для его читателей-библиофилов) истории о книгах, книгособираателях, книгопродавцах и издателях. Любознательно и как бы смакуя подробности, сообщает Ульянинский о том, какие удачные книжные покупки довелось ему делать, как хранит он свои книги, какое пристальное внимание обращает на чистоту, красоту и «девственный вид» приобретаемых экземпляров, на наличие обложки и т. п. Он считает, что «любительские книги», то есть экземпляры, включаемые «истинным библиофилом» в свою коллекцию, должны быть «необрезанными и, как идеал, неразрезанными». К слову «необрезанными» Ульянинский сделал примечание, характеризующее его симпатии и эстетические критерии: «Такие необрезанные книги 18-го столетия зовутся «мохнатыми», по причине крайне неровных краев бумаги того времени».

За множеством подобных указаний и советов библиофилам постепенно определяется собирательский облик Д. В. Ульянинского. Он специализировался на коллекционировании книг по библиографии, биографии, дворянскому родословию и «старинной Rossica», точнее — на книгах, посвященных истории культурных, экономических и дипломатических отношений Московской Руси с Западом. Несколько позднее, по-видимому под влиянием общего для определенной части русских дореволюционных библиофилов увлечения изящными изданиями, Ульянинский стал интере-

соваться «русской художественной и бытовой старинной, точнее — посвященными ей изданиями».¹

Таким образом, библиофильские интересы Ульянинского были довольно широки, с одной стороны, и тесно связаны между собой — с другой. В своей статье «Из воспоминаний и заметок библиофила» он писал: «Объяснить в настоящее время вполне определенно и последовательно, почему я для своей библиофильской библиотеки остановился на тех, а не на других отделах знания и преимущественно заинтересовался ими, я затрудняюсь. Так вышло, и результаты всего этого наполняют в огромной степени мою жизнь».²

Если самому Ульянинскому было неясно, почему его влекло к собиранию библиографической и биографической литературы, а также материалов по генеалогии и геральдике русского дворянства и по допетровской россии, то тем более трудно дать ответ на этот вопрос со стороны. На первый взгляд может показаться не случайным то обстоятельство, что сам он — дворянин, правда не из родовитых,³ что поступил

¹ У. Г. И в а с к. Библиотека Д. В. Ульянинского. — «Библиографические известия», 1918, № 1—4, стр. 28.

² Д. В. Ульянинский. Среди книг и их друзей. Часть первая. М., 1903, стр. 7.

³ Фамилия «Ульянинские» в генеалогической литературе не встречается. Его родственник, тоже библиофил, Н. Ю. Ульянинский в статье «Д. В. Ульянинский (Опыт характеристики по личным воспоминаниям, рукописным и печатным источникам)» (в сб. «Дмитрий Васильевич Ульянинский». М., 1927) сообщает, что родоначальник семейства Ульянинских был священником из деревни Ульяниной. Таким образом, дворянство Д. В. Ульянинского было не древнее, «столбовое», а недавнее, полученное его ближайшими предками за выслугу лет: чин действительного статского советника давал потомственное дворянство.

он на службу в удельное ведомство, что в его библиотеке имелась обширная коллекция, «относящаяся, — как он с почитительностью писал, — к Св. Коронованию Их Императорских Величеств Государя Императора Николая II-го и Государыни Императрицы Александры Феодоровны». ¹ Однако это — только на первый взгляд, потому что известны факты, свидетельствующие о его отрицательном отношении к монархизму и о том, что Февральскую революцию 1917 г. он встретил с радостью. ² Возможно, что эти более поздние факты явились результатом эволюции его политических взглядов, но все же в целом он был, по-видимому, человеком, увлеченным прошлым, поглощенным интересом к стародворянской русской культуре, — явление, довольно часто встречавшееся в конце XIX века.

Первое печатное выступление Д. В. Ульянинского — «Среди книг и их друзей» — сразу обратило на себя внимание его современников-библиофилов. Еще большее впечатление произвело появление трех больших томов библиографического описания его библиотеки. Выпущенное в свет в 1911—1915 гг., то есть тогда, когда в русском книжно-издательском деле упрочились принципы Круга любителей русских изящных изданий, описание библиотеки Д. В. Улья-

¹ Д. В. Ульянинский. Среди книг и их друзей, стр. 8.

² См.: Б. С. Боднарский. Заслуги Д. В. Ульянинского перед Русским библиографическим обществом. — «Библиографические известия», 1918, № 1—4, стр. 9 и 113; Н. Ю. Ульянинский. Д. В. Ульянинский (Опыт характеристики по личным воспоминаниям, рукописным и печатным источникам). — Сб. «Дмитрий Васильевич Ульянинский». М., 1927, стр. 28.

нинского по внешности полностью отвечает требованиям доклада П. П. Вейнера о художественном облике книги: оно напечатано на прекрасной матовой, с легким желтоватым оттенком бумаге, елизаветинским шрифтом, с широкими полями, небольшим тиражом — в количестве трехсот двадцати пяти пронумерованных экземпляров, со строгим наборным титульным листом и такой же обложкой. Это следование моде совпало с отмеченным выше появлением у Д. В. Ульянинского интереса к художественным изданиям.

Хотя в предисловии к первому тому своего описания Ульянинской скромно писал: «Труд мой есть труд любителя, а не специалиста», однако, благодаря полноте собрания (в особенности в части библиографии и генеалогии русского дворянства) и абсолютной точности при воспроизведении титульных листов описываемых книг и при указании количества страниц, «Библиотека Д. В. Ульянинского» может считаться совершенным образцом описания частной библиотеки, вершиной всей русской библиофильской литературы подобного рода. Эти качества рассматриваемого труда, — прямое следствие характера их автора, — превратили библиофильское по замыслу описание частной библиотеки в одно из лучших и надежных библиографических пособий дореволюционного периода, до сих пор сохраняющее свою высокую научную ценность. Отмечая формализм Ульянинского, то есть то, что он описывает только внешнюю сторону книг и никогда не говорит об их идейном содержании, политическом лице их авторов, об их общественной направленности, советские историки русской библиографии все же признают этот труд самым ценным и точ-

ным пособием по русской библиографии, особенно по общей.

Таким образом, мы видим, что Д. В. Ульянинский был действительно выдающейся фигурой в истории русского библиофильства.

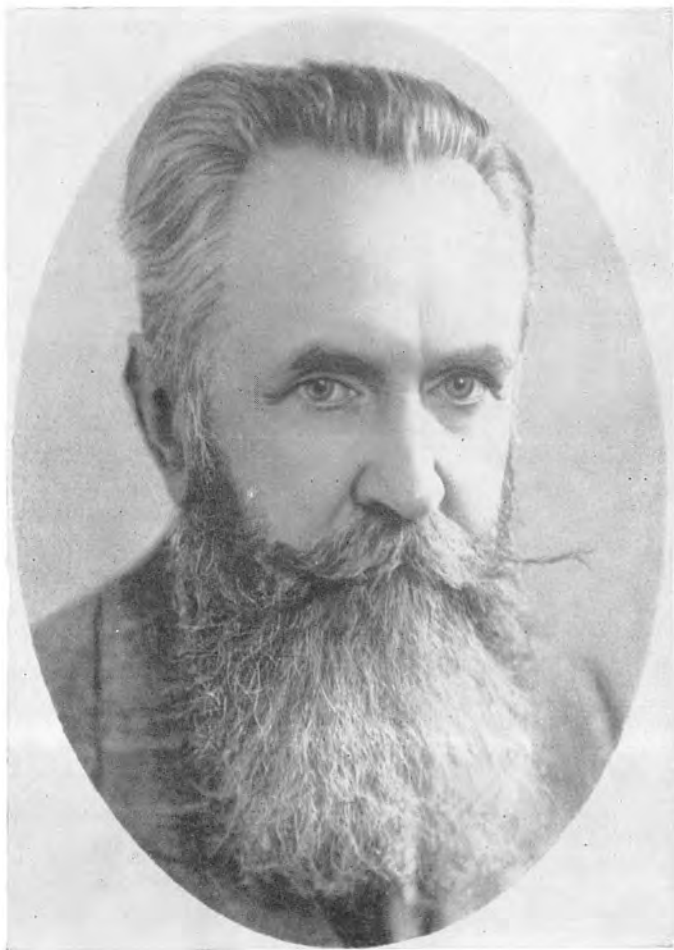
Понять его психологическое своеобразие и вместе с тем определенную закономерность появления в конце XIX — начале XX века такого библиофила, каким был Д. В. Ульянинский, помогают очень интересные воспоминания его родственника, Н. Ю. Ульянинского. Правда, через всю эту мемуарную статью проходит еле заметный, но все же весьма неприятный привкус зависти, скорее всего бессознательной. Н. Ю. Ульянинский неоднократно отмечает, что Дмитрию Васильевичу досталась «доля удачника и баловня судьбы» и что все в жизни давалось и доставалось ему легко и как-то само собой. Тем не менее воспоминания Н. Ю. Ульянинского исключительно ценны и заслуживают самого пристального внимания: это — умные и интересные наблюдения и обобщения человека вдумчивого и способного к серьезному психологическому анализу.

Познакомился Н. Ю. Ульянинский со своим родственником довольно поздно — в конце 1894 г., когда Дмитрию Васильевичу было уже тридцать три года. Вот как мемуарист описывает его внешность в момент их знакомства:

«Он казался старше своих лет, ему на вид было под сорок, в действительности же он был моложе. Высокий ростом, широкоплечий, осанистый, немного обрюзгший, чисто выбритый, с большими черными усами, несколько опущенными вниз, он походил скорее на малоросса, хотя по крови был чистым велико-

Член-корреспондент Академии наук И. А. Шляпкин

Академик И. Ю. Крачковский

россом. Черты лица его в соответствии с ростом были крупные. Прекрасные лучистые серые глаза смотрели ласково, но лениво, держался он с большим достоинством, говорил медленно, растягивая слова; вообще от всей его представительной внешности и костюма веяло сановитостью. Оно и понятно. Он уж и в то время занимал видное положение в служебной иерархии, быстро двигался по службе, имел состоятельных родителей и сам располагал значительными личными средствами.¹

Рассказывая дальше о детских и студенческих годах Д. В. Ульянинского, мемуарист опирается не на свои личные впечатления, которых, как свидетельствует поздняя дата их знакомства, у него не могло быть, а на сведения, полученные как от самого библиофила, так и от других лиц. Н. Ю. Ульянинский живо рисует детство единственного сына состоятельных родителей, ребенка рано развившегося, полюбившего чтение и уже в те годы малообщительного. В результате подобного воспитания, замечает Н. Ю. Ульянинский, Дмитрий Васильевич «впоследствии сделался несколько изнеженным баловнем жизни, сухим и замкнутым в себе человеком».

Характеризуя студенческие годы Д. В. Ульянинского, его родственник пишет:

«На смену старого поколения студентов шестидесятников и семидесятников пришло новое, с его выхоленной внешностью, с его тщательно застегнутым форменным сюртуком, с его, наконец, аккуратным посещением лекций и практических занятий. <...> Для

¹ Н. Ю. Ульянинский, ук. соч., стр. 12—13.

Университета этот новый студент <Д. В. Ульянинский> с его приличной внешностью и светскими манерами являлся лишь очередной разновидностью, продуктом господствующих течений жизни.

С явным неодобрением рассказывает Н. Ю. Ульянинский, что Дмитрий Васильевич не оправдал надежд родителей, полагавших, что их богато одаренный сын изберет путь ученого, приложит некоторые усилия и добьется оставления при университете. Вместо этого он пошел по более приятной дороге — как мы знаем, стал чиновником удельного ведомства.

«Учреждение это по легкости службы и по окладам содержания, — пишет Н. Ю. Ульянинский, — издавна было обетованной землей, куда многие молодые люди стремились поступить, но куда попадали только удачники, каким был Д. В.»

Д. В. Ульянинский, по словам мемуариста, был добросовестным и искренне преданным делу чиновником. Н. Ю. Ульянинский приводит в своей статье отзывы из неизданных воспоминаний какого-то его сослуживца:

«На службе он по справедливости считался выдающимся работником; как начальник был строг, требователен и настойчив; будучи сам образцом исполнительности и аккуратности, он умел внушить их и своим подчиненным, и в его делопроизводстве никто никогда не опаздывал, все вовремя были на местах, и работа шла, как раз заведенная машина. Погруженный в свои любимые книги, он в отношении своих сослуживцев держался несколько особняком и ограничивался более или менее официальными приемами, но вместе с тем пользовался общим уважением».

Насколько удачна у Н. Ю. Ульянинского характеристика его знаменитого родственника как человека, настолько бедна, бледна и невыразительна она, когда речь идет о Д. В. Ульянинском как о библиофиле. Впрочем, это можно с полной определенностью сказать и обо всех, кто пытался обрисовать его с этой стороны. Даже фельетонист «Утра России» С. С. Султанов-Раецкий, первый назвавший Ульянинского «поэтом книги», — это определение постоянно повторяется в литературе о нем, — тоже не сумел найти подходящих и убедительных формулировок. Еще меньше это удалось другим лицам, писавшим об этом специально (У. Г. Иваск, Н. М. Лисовский) или попутно (С. П. Виноградов). Они обычно отмечали то, что Ульянинский с определенного времени своего собирательства «не только ничего не переплетал, а наоборот, предпочитал приобретать и хранить книги непереpletенными, в издательских обложках или папках, по возможности неразрезанными. Во избежание порчи непереpletенных книг при обычном способе их хранения в шкафах Дмитрий Васильевич изобрел другой способ: он клал книги на полки шкафов плашмя, друг на друга, внимательно следя за тем, чтобы при этом не загибались углы обложек» (У. Г. Иваск). Приведя ряд высказываний Д. В. Ульянинского о том, в каком виде должны быть книги в библиотеке «истинного библиофила» (см. выше), — в частности, о том, что они «как идеал» должны быть неразрезанными, — Н. М. Лисовский замечает: «Не содержится ли здесь некоторая утрировка, некоторая напраслина на истых библиофилов, если только не отождествлять их с истыми книголюбями разных категорий. При таком отношении к книге

как же организовать пользование ею, и при чем останется ее содержание? Не надо упускать из виду, что истый библиофил интересуется книгою не только со стороны ее внешности, но в значительно большей степени и ее содержанием; этим он и отличается от библиомана и проч. категорий книголюбов». При всем том Н. М. Лисовский признает, что Ульянинский «великолепно знал содержание своих книг (достигал ли он этого по чужим экземплярам или каким-либо другим путем — является настоящею загадкою)». Поэтому свою характеристику Ульянинского как библиофила Н. М. Лисовский заканчивает несколько противоречащей предыдущему, осторожной формулировкой: «Вообще в Д. В., несмотря на некоторые его странности по отношению к книгам, было много черт истинного библиофила, что и создавало большое к нему расположение (подчеркнуто мной. — П. Б.)».

Н. Ю. Ульянинский, по-видимому ближе многих других знавший своего двоюродного брата, кроме банальных слов о том, что «о книге Д. В. не говорил, как говорят о посторонней вещи, а в буквальном смысле живописал, увлекая и увлекаясь», ничего яркого сообщить не мог.

Однако лучше всех, выразительнее и точнее всех определил себя как библиофила сам Д. В. Ульянинский, притом еще в самом начале своей собирательской деятельности. Начав коллекционировать книги по определенному плану и системе в 1892 г., он через несколько лет завел специальный журнал, куда тщательно и регулярно записывал все свои библиофильские приобретения. На этом журнале, который он методически вел с 1895 по 1917 г., Ульянинский, воз-

можно не осознавая, насколько страшна и точна сделанная им автохарактеристика, написал своим крупным, четким почерком: «Настоящая тетрадь будет представлять поучительную и яркую картину все шире и шире развивающейся страсти убитого книгой человека».¹

И в самом деле, чем ближе вглядываешься в облик этого замкнутого человека, о котором очень мало могут сообщить читателям лица, писавшие о нем свои воспоминания, тем убедительнее кажется автохарактеристика Д. В. Ульянинского. Развивавшаяся страсть к книгам в полном смысле слова убила в нем живого человека: все помыслы и интересы его сосредоточились на книгах, и при этом обязательно на экземплярах безупречной сохранности. В своих мемуарах «Среди книг и их друзей» он подробно рассказывает о том, как много хлопот пришлось ему иметь из-за того, что от Н. В. Соловьева был получен не понравившийся ему экземпляр какой-то антикварной редкости. Вот Н. М. Лисовский вспоминает факт возврата Д. В. Ульянинским экспедиторской конторе библиографического журнала «Книжная летопись» номера, обложка которого не удовлетворила взыскательным требованиям собирателя. Вот У. Г. Иваск спокойно и с полным уважением пишет: «Исключительно тщательный уход за книгами у Д. В. доведен был до культа; он распространялся не только на книжные шкафы, а выходил и за пределы его кабинета. Так, например, на входной двери из года в год красовалось особое наставление для почтальонов, с подробным ука-

¹ Н. Ю. Ульянинский, ук. соч., стр. 41.

занием, как им обращаться с присылаемыми на его имя книжными посылками и бандеролями; тоже и приказчикам книжных магазинов нередко приходилось выслушивать целые лекции о том, как надлежит завязывать пачки с книгами, чтобы последние от этого не портились». Или вот, например, воспоминания Н. Ю. Ульянинского о том, как проходило внеслужебное время Д. В., почти полностью посвященное книгам, обходу книжных магазинов, работе над описанием библиотеки, переписке с библиофилами, учеными, иногородними книгопродавцами и т. д.

Разве все это не подтверждает мрачного смысла автохарактеристики Д. В. Ульянинского?

Но, зная трагическую гибель этого замечательного русского библиофила, надпись на тетради можно понять и как удивительное предчувствие автором своего конца в связи с книгами, в зависимости от книг.

Смерть Д. В. Ульянинского, приключившаяся в самом начале 1918 г., довольно долго освещалась тенденциозно, без точного знания его семейной обстановки, без анализа действительных фактов. Поэтому особенно важно свидетельство Н. Ю. Ульянинского, который, как можно судить по его рассказу, был последним из близких Дмитрию Васильевичу людей, встречавшихся с ним перед его гибелью.

«Я кратко расскажу о последних днях его жизни, предшествовавших его кончине, — начинает Н. Ю. Ульянинский этот раздел своих воспоминаний. — Это тем более необходимо, что имеющиеся в печати сведения, на мой взгляд, страдают односторонним освещением».

В январе 1918 г., после ликвидации Московского управления уделов, Д. В. Ульянинскому, как и многим другим лицам, занимавшим казенные квартиры, было предложено в определенный срок освободить помещение. Привыкший к определенному образу жизни, избалованный постоянным «везением», житейски очень непрактичный, Ульянинский был подавлен предстоявшей ему перспективой перехода в другие жилищные условия, и не столько тревожился за себя, сколько за свои книги.

Н. Ю. Ульянинский сообщает, что 1 февраля 1918 г. его двоюродный брат в страшно расстроенном состоянии пришел к нему и стал с отчаянием говорить о судьбе своей библиотеки. Н. Ю. Ульянинскому было предъявлено такое же предписание об освобождении казенной квартиры, и ему предстояло также озаботиться судьбой своей собственной библиотеки. Но в отличие от Дмитрия Васильевича он спокойнее смотрел на предстоящий переезд и предложил своему кузену совместно подыскать помещение или учреждение, в котором книги могли бы находиться некоторое время на сохранении впредь до подыскания подходящего жилья. Д. В. Ульянинский ушел успокоенный, условившись о дальнейших совместных действиях.

«А на другой день, — продолжает рассказ Н. Ю. Ульянинский, — 2 февраля 1918 г., он был раздавлен маневрирующим паровозом Курско-Нижегородской ж. д. Было ли то обдуманное и сознательное самоубийство, или разум его в то время помутился, сознание оставило его? Последнее более вероятно».

Н. Ю. Ульянинский прибавляет:

«Впоследствии выяснилось, в каком болезненном состоянии он находился в дни, предшествовавшие смерти. Отчаяние охватило его. Он страдал молча и одиноко; часами он сидел в каком-то оцепенении и застыть, был необыкновенно грустен, рассеян, временами безразличен.

Чтобы привести его разум и душу в прежнее нормальное состояние, нужны были радикальные меры, но в эти роковые дни его жизни никто не протянул ему руку помощи — одни не знали об его болезненном состоянии и угрожавшей опасности, других одолевала свои личные тревоги и заботы.

И он погиб безвременно и одиноко, как жил, еще полный сил, не осуществив многих из своих начинаний и планов, не получив заслуженного и достойного признания».

Последние слова Н. Ю. Ульянинского несколько неожиданны: как можно говорить о том, что Д. В. Ульянинский «не получил заслуженного и достойного признания»? При жизни Ульянинский пользовался исключительным уважением и был признан крупнейшим русским библиофилом-библиографом. Каждая его книга, каждый том «Библиотеки Д. В. Ульянинского» неизменно сопровождалась самыми благожелательными отзывами крупнейших специалистов и сразу же приобретали значение авторитетнейшего библиографического справочника. О каком же еще «заслуженном и достойном признании» можно говорить? О том, что в первые революционные месяцы Д. В. Ульянинскому советская власть не предоставила специальной квартиры для его ценной библиотеки? Но ведь сам же Н. Ю. Ульянинский справедливо — и именно

в этой связи — вспоминает замечательные четыре строчки из А. Толстого:

Когда, шумя в морскую бурю, волны
Грозят корабль со грузом поглотить,
Безумец тот, кто из своих сокровищ
Не бросит часть, чтоб целое спасти.

Мне кажется, что более прав Н. Ю. Ульянинский, когда после странных, неуместных слов о «непризнании» Д. В. Ульянинского добавляет: «Но все же на протяжении своей жизни он был удачником и баловнем судьбы».

Какой же след оставил Д. В. Ульянинский в истории русского библиофильства? Н. Ю. Ульянинский утверждал, что «мы живо испытываем сейчас <в 1927 г.> разностороннее влияние его деятельности <...> многие из нас исходят от Ульянинского: свои работы мы часто ведем от него, справляемся по его трудам, описываем его методами, наконец собираем по его плану».

По-видимому, для тех лет, когда писались цитированные слова, это так и было, и наряду с «геннадиевским», «ефремовским», «березин-ширяевским», «верещагинским» толками в русском библиофильстве существовал также и «толк Ульянинского», однако очень недолго и заметного следа в истории русской библиофильской литературы он не оставил: кроме Н. Ю. Ульянинского, я не могу назвать никого из последователей Д. В. Ульянинского.

Личность Д. В. Ульянинского очень интересовала меня с давних пор, я старался получить как можно больше сведений о нем от живых еще его современни-

ков библиофилов и просто от знавших его людей, а также от библиофилов, выставивших в ближайшие годы после его смерти и находившихся под ее почти непосредственным впечатлением. Из собранных мною материалов можно заключить, что всепоглощающая любовь Ульянинского к книге, с одной стороны, его подчеркнутая замкнутость, внутренняя сосредоточенность — с другой, наконец ходившие среди тогдашних библиофилов полуфантастические рассказы о его книжных богатствах, образе жизни, чуть ли не сверхъестественном знании русской книги — все это создавало вокруг личности Ульянинского какой-то ореол таинственности и исключительности. Смерть его, которую многие считали самоубийством, еще больше повлияла на оценку его современниками. Вокруг него содалась легенда об отмеченном перстом судьбы трагическом «мученике книги». И это было главной причиной его посмертного обаяния.

Д. В. Ульянинский как библиофил был фигурой резко индивидуальной, яркой, самостоятельной, в известном смысле — не типичной. Он необыкновенно интересен как явление психологическое, даже психопатологическое. Можно понять его как трагический продукт уродливой эпохи реакции 80—90-х годов XIX века, наложившей на его психику неизгладимый, страшный отпечаток, но все же нельзя не признать в нем одного из виднейших представителей русского дореволюционного библиофильства.¹

¹ Библиотека Д. В. Ульянинского в 1919 г. была приобретена Государственным Румянцовским музеем (ныне Библиотека СССР имени В. И. Ленина). См. «Государственный Румянцовский музей». Путеводитель. I. Библиотека. М.—Л., 1923, стр. 120—121.

В истории русской библиофильской литературы дореволюционного времени нельзя обойти молчанием такого своеобразного автора, как профессор, впоследствии академик Н. П. Лихачев (1862—1935).

Историк по специальности, крупнейший авторитет в области так называемых вспомогательных исторических дисциплин (палеография, дипломатика, сфрагистика), Н. П. Лихачев был владельцем огромной и превосходной библиотеки. Происходя из города Чистополя, Казанской губернии, он очень ревностно собирал все издания, выходившие в Казани, а также «летучие издания» XVIII—XIX веков (указы, манифесты, стихотворения, напечатанные на отдельных листах, и пр.). Первые работы Н. П. Лихачева библиофильского характера представляют описания его коллекций по казанской печати¹ и «летучим изданиям»². Они ничем не выделяются на общем фоне подобных библиофильских публикаций конца XIX века.

Однако основной вклад Н. П. Лихачева в историю русской библиофильской литературы состоит в книге совершенно другого жанра, заглавие которой сразу делает читателю ясным ее характер: «Генеалогическая

¹ «Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографий. обстоятельный каталог книг и листов казанской печати из коллекции Н. Лихачева, выставленных на Первой всероссийской выставке печатного дела в С.-Петербурге». СПб., 1895.

² «Каталог летучих изданий и их перепечаток: Манифесты, указы и другие правительственные распоряжения в отдельных изданиях и перепечатках. Разные отдельные листы и брошюры (Коллекция листов и их перепечаток из собрания Н. П. Лихачева; была выставлена на Первой всероссийской выставке печатного дела в С.-Петербурге)». СПб., 1895.

история одной помещицкой библиотеки» (СПб., 1913, 103 стр., отдельный оттиск из журнала «Русский библиофил», 1913, сентябрь, № 5, СПб., 1913; Приложение (издание для родных и друзей), 22 стр., 66 таблиц). Потомок старинного, но, по словам самого Н. П. Лихачева, «неродословного» дворянского рода, он унаследовал от своего отца обширную библиотеку, составлявшуюся в течение почти трех столетий¹ разными поколениями его предков.

Столь беспримерно длительная история родовой библиотеки, не имеющая параллелей ни в русском, ни в западном библиофильстве, естественно, преисполнила Н. П. Лихачева законной гордостью и побудила его подробно ознакомиться с каждой книгой унаследованного собрания. Он прочитал все или, во всяком случае, большую часть владельческих и иных надписей, оказавшихся на отдельных экземплярах, определил, кому из рода Лихачевых или их родственников и знакомых принадлежала та или иная книга, и на основании таким путем добытого материала создал не простую историю данной библиотеки, а историю генеалогическую, построенную на тщательных родословных разысканиях. В конечном результате книга Н. П. Лихачева переросла рамки первоначального замысла и превратилась в страницу из истории дворянской культуры отдаленной «Казанской провинции». Написана эта страница не без идеализации, не без «закрытия глаз» на другие стороны жизненного пути библиофильских предков автора. Задачей Н. П. Лихачева, — созна-

¹ Первая книга с владельческой надписью одного из предков Лихачева имеет дату — 28 сентября 1612 г.

тельно или бессознательно, не так уж важно, — была культурная реабилитация старого помещичьего дворянства. Эта идеологическая установка автора чувствуется с самых первых страниц его интересной, в отдельных местах даже талантливой книги.

«Существует большая литература, — пишет Н. П. Лихачев, — о грубости нравов <в XVIII веке>, о невежестве общества, об офицерских оргиях и кутежах, но никем еще не собраны материалы на тему, какое количество из этих елисаветинских и екатерининских офицеров собирало и читало книги. Не только не использованы надписи на многочисленных экземплярах книг XVIII столетия, вращающихся на антикварном рынке, но не тронуты и росписи пренумерантов¹ — документы весьма любопытные. Конечно, были и случайные подписчики на ту или другую книгу по родству или по знакомству, покупатели, так сказать, случайные, на один раз, — но рядом с этим всякое имя, встреченное в нескольких подобных росписях, — есть уже имя библиофила, собирателя. Сколько неизвестных офицеров не только покупали, тщательно переплетали и надписывали свои книжки, но и именовали свои собрания библиотеками!»

И хотя как библиофил, имеющий дело со множеством книг из недворянских библиотек, Н. П. Лихачев прибавляет: «И не только вельможи и офицеры, но и другие сословия имели и хранили книги: архиереи, священники и дьяконы, купцы, мещанство, крестьяне,

¹ Пренумерант — подписчик, предварительно вносивший деньги за книгу или журнал с условием, что его имя будет указано в «списке особ подписавшихся».

даже, в редких случаях, дворовые люди оставили записи на книжках», — все же больше всего его занимали библиотеки «из старых помещичьих гнезд», и больше всего, конечно, из «лихачевского гнезда».

В связи с этим у Н. П. Лихачева возникает вопрос: «Что такое страсть к книгам? Признак ли это известной культуры отдельного лица, или это нечто большее, склонность, с которой человек рождается?» «Соблазнительно было бы думать, — продолжает он развивать эту мысль, — что в некоторых семьях страсть коллекционерства является наследственной». Но Н. П. Лихачев полагает, что для подобного вывода в его распоряжении слишком мало материалов: «Доказывать такую смелую идею мы не будем, тем более что это и едва ли было бы возможно».

И хотя автор на этом прерывает свою мысль и обращается к «простому рассказу» о судьбах «небольшой помещичьей библиотеки, принадлежавшей казанской ветви рода Лихачевых», подспудно идея о наследственности библиофильства проходит у него на всем протяжении книги. В итоге у читателя, если он доверчиво, некритически отнесется к точке зрения автора, может остаться впечатление, что библиофильство — наследственная страсть, главным образом свойственная старинным культурным дворянским семействам.

Завершив рассказ о библиотеке своих предков, перешедшей согласно акту о разделе отцовского имущества, как уже указывалось, в его личное владение, Н. П. Лихачев писал: «В 1908 году книги были перевезены в Петербург и распределены среди книжных собраний нового владельца в совершенно ином

порядке и без соблюдения прежних отделов. Так кончилась история помещичьей библиотеки. Помещичья библиотека больше не стало — она растворилась, книжка по книжке, в однородных коллекциях библиофила. Книжки книголюбцев одной семьи стали рядышком с книгами многих других любителей и собирателей.

Кто знает, какова будет судьба книжного собрания в новом составе».

Таким образом, свою собственную библиотеку, библиотеку библиофила нового времени, Н. П. Лихачев решительно отделяет от наследственной библиотеки своих предков — помещиков.

Ограничившись описанием лихачевского собрания, он не ставит вопроса о типичности помещичьих библиотек, хотя в литературе существует немало материалов по этой теме, их отличии от наследственных, но не таких старых, интеллигентских, купеческих, мещанских библиотек, библиотек духовных лиц и крестьян, — не ставит потому, что, по его концепции, устойчивые культурные традиции вообще, и в частности в области собирания библиотек, были присущи лишь старому усадебному дворянству. «Непрочны библиотеки городских собирателей!» — с горечью говорит Н. П. Лихачев и в то же время с умилением прибавляет: «Нет в городах тех деревенских сундуков, кладовых и чердаков, в которых помещичьи библиотеки отлеживались, но зато и сохранялись, иногда десятилетиями. По нынешним временам хорошо еще, если собирателю не приходится при жизни расставаться с своими сокровищами, а для наследников такое наследство всегда является тяжкой обузой».

Но прав ли Н. П. Лихачев в своей идеализации владельцев помещичьих библиотек? Прав ли он, когда писал: «Мы вообще склонны презрительно относиться к культуре книголюбцев XVIII столетия и к самому числу их. Не ошибочно ли это? Ведь если сопоставить число лиц, получающих образование теперь, и число таковых же в XVIII столетии с числом библиофилов того и другого времени, пожалуй, что пропорция окажется неблагоприятной для нас и нашей эпохи». Выражая огорчение по поводу упадка книголюбия в начале XX века, Н. П. Лихачев писал: «Да и где у нас благородные Новиковы, которые бы заботились о распространении хороших книг, о размножении книголюбцев?»

Может быть, в связи с тем, что здесь только что был упомянут Новиков, бесполезно вспомнить, что писал о книжной торговле в XVIII веке этот энтузиаст русского просвещения в предисловии к третьему изданию своего сатирического журнала «Живописец» (1775):

«...У нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям <мещанам>, по незнанию их чужестранных языков, нравятся... Напротив того, книги, на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных».

Не мешает также в параллель к размышлениям Н. П. Лихачева, идеализирующего помещичьих читателей XVIII века, вспомнить, как изображены последние в сатирических журналах того же Новикова. «Ма-тушка моя, пришедши из конюшни, в которой по

обыкновенно ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам, — пишет герой сатирического очерка «Следствия худого воспитания», — читает бывало французскую любовную книжку и мне всю прелесть любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает».

Могут сказать: «Это сатира, а не мемуары». Но сатира всегда исходит из реальных фактов, сгущенных, усиленных, но никогда не выдуманных. И поэтому вполне возможно, что дворянские книголюбцы (Н. П. Лихачев почти никогда не называет их библиофилами), с таким умилением описанные в «Генеалогической истории одной помещицкой библиотеки», были такими же крепостниками, как их соседи, не любившие книг и не собиравшие библиотек. И то же самое, с соответствующими изменениями, следует сказать и о библиофилах — купцах, промышленниках и банкирах и библиофилах из крупной и средней бюрократии дореволюционного времени.

Библиофильство — одна из сторон истории культуры, и поэтому нельзя говорить о библиофилах какой-либо эпохи, того или иного народа, отъединяя, обособляя их любовь к книгам от их социальной и профессиональной деятельности, от социальной обстановки, в которой это библиофильство проявлялось.

Из сказанного очевидно, что, воссоздавая «психологический облик» библиофилов разных времен и социальных слоев, о котором говорилось в начале настоящей статьи, мы не можем и не должны ограничиваться односторонней характеристикой отношений этих библиофилов к собиранию книг и к книге вообще. Античный библиофил-рабовладелец, русский библио-

фил — помещик XVIII века и американский библиофил-капиталист, вроде миллиардера Пирпонта Моргана, скупавшего по баснословным ценам книжные редкости и прятавшего их под замок от кого бы то ни было, о чем со справедливым негодованием писал Н. П. Лихачев на последней странице своей книги, — все это исторически разные явления, и никакая «психологическая общность» их как библиофилов не сотрет исторически и социально обусловленных различий между ними.

Несколько слов о библиотеке Н. П. Лихачева, о судьбе которой он так задумывался (см. приведенную выше цитату): эта замечательнейшая библиотека была пожертвована владельцем Академии наук СССР, на основе ее был создан сначала Музей палеографии, затем Музей книги, документа и письма, позднее переименованный в Институт книги, документа, письма. Об изумительных богатствах этого разнообразного по своему составу собрания нужно когда-нибудь рассказать особо, сейчас же заметим, что после слияния Института книги, документа, письма с Ленинградским отделением Института истории Академии наук бывшая библиотека Н. П. Лихачева вошла в состав библиотеки последнего института; часть ее передана Библиотеке Академии наук.

Читатель данного очерка не мог не заметить, что в нашем изложении, за исключением «Прощальной элегии», стихотворения Стефана Яворского, ни разу не встречались упоминания о каких-либо художественных произведениях русских библиофилов. Произошло это не по нашему невниманию к данному разделу русской библиофильской литературы, а потому,

что среди крупных русских книгособирателей XVIII—XIX веков не было людей, писавших, подобно французскому поэту Фернану Фертио (Fertiault) и французскому же прозаику Октаву Юзанну (Uzanne) или немецкому писателю Федору фон Цобельтитцу (Fedor von Zobeltitz), специально на библиофильские темы. Русские писатели (из которых многие, даже почти все, любили, ценили и собирали книги) попутно, наряду с другими литературными проблемами, откликались на книжные темы, давали иногда меткие, афористически острые отзывы и оценки книги как явления человеческого гения и факта общественной культуры, но специальных поэтов библиофильства у нас никогда не было. Да ведь и Фертио, с его «Сонетами библиофила»¹ и «Легендами о книгах»,² насколько мне

¹ Книга Фертио «Влюбленные в книгу» (1877) («Les amoureux du livre») состоит из трех разделов: «Сонеты библиофила», «Фантазии библиомана», «Библиофилиана (Что было сказано о книге)». В конце находятся «Примечания и анекдоты».

² Les legendes du livre, Paris, 1886. — О библиофильстве во французской литературе см.: В. К. О х о ч н и с к и й. Библиофилия в изящной литературе. Экскурс I. Франция. — «Памятка Ленинградского общества библиофилов от 5 января 1929 г.» (заседание XLVI — тезисы доклада); Экскурс II — «Хроника Ленинградского общества библиофилов 5 января — 20 июня 1930 г.». Л., 1931, стр. 20—26. О библиофильской теме в английской литературе см. сб. «Пирушка для библиофилов. Сокровищница рассказов, повестей, песен, эпиграмм и всевозможных забавных материалов, относящихся к этой благородной теме. Издал со своей вступительной статьей Уильям Тарг» (Нью-Йорк, 1947, XII, 402 стр.) (Carrousel for Bibliophiles. A Treasury of Tales, Narratives, Songs, Epigrams and Sundry Curious Studies relating to a noble Theme. Edited, with an Introduction by William Targ. — N-Y., Philipp C. Duschnes, 1947, XII, 402 p.).

известно, стоит одиноко в западноевропейской общей и библиофильской литературе.

В самом конце истории русской досоветской библиофильской литературы, в 1917 г., вышла в свет единственная наша библиофильская литературная антология — «Похвала книге». Обложка, заглавие и последняя страница (обычного титульного листа эта книга не имеет) напечатаны славянским шрифтом; в подражание первопечатным русским книгам XVI века на последней странице «Похвалы книге» в форме колофона,¹ сужающегося книзу, сообщены на стилизованном старорусском языке сведения о составителе-редакторе данной антологии, а также и о лице, на чьи средства она издана: «Докончана бысть сия книга у столичном великом граде у Петрограде всея Руси в годину войны с нечестивым германским и швабским родом труды и тщанием дохтура слова российского Илии Шляпкина коштом книгокúпца Федора Шилова богу ко чести, а книголюбцам русским к доброму услаждению в лето господне 1917».

«Книгокúпец Федор Шилов», издатель этой антологии, — тот самый «старый книжник», на «Записки» которого мне не раз уже пришлось ссылаться на предшествующих страницах. «Дохтур российского слова» Илья Александрович Шляпкин (1858—1918), профессор Петербургского университета и член-корреспондент Академии наук, был, по словам академика

¹ Колофон — заключительные строки в рукописной или первопечатной книге, еще не имевшей титульного листа; в колофоне обычно указывалось имя переписчика или типографа, место и год выхода книги в свет.

С. Ф. Платонова, «сложной и замысловатой натурой»¹. Специалист в основном по истории древнерусской литературы, он как ученый не блистал особенно ярким дарованием и печатался сравнительно мало. В то же время он был, несомненно, очень интересной личностью. Крестьянин по происхождению,² Шляпкин в молодые годы очень короткое время был причастен к движению народников, но затем отошел от него и свернул сильно вправо. В своей автобиографии, написанной в 1907 г., он называет себя «эпикурейцем по привычкам, мистиком по созерцанию, антикваром и коллекционером по наклонностям, старым народником-черносотенцем в политическом отношении». Автор одного некролога Шляпкина, академик С. Ф. Платонов, писал по поводу последней фразы: «Напрасно,

¹ С. Ф. Платонов. Илья Александрович Шляпкин. — «Русский исторический журнал», кн. 5, 1918, стр. 325.

² Крестьянское происхождение Шляпкина долгое время служило препятствием к предоставлению ему должности профессора в Петербургском университете. Он угрожал университетскому начальству, что в случае отказа откроет против университета сенную лавку и назовет ее лавкой профессора Шляпкина (Ф. Г. Шолов. Записки старого книжника, стр. 36). Вероятно, не «профессора Шляпкина», а «доктора русской словесности». Как на более достоверный факт, свидетельствующий о его «демократизме», можно указать, что на Охтенском кладбище, где был (точное место — неизвестно) похоронен писатель-крестьянин петровских времен И. Т. Посошков, на средства Шляпкина был поставлен мраморный памятник с надписью: «На кладбище этой церкви погребено тело поборника русского просвещения, автора книги «О скудости и богатстве», Ивана Тихоновича Посошкова, скончавшегося 1 февраля 1726 года. Крестьянину-писателю крестьянин-профессор. 1909 г.» («Петербургский некрополь», т. III, стр. 484).

шутки ради, И. А-ч называл себя «народником-черносотенцем»: он им не был». Эти слова можно понять лишь в том смысле, что Шляпкин, «Илья крестьянский сын», как он любил себя называть, нередко подчеркивая свое демократическое происхождение, не участвовал ни в каких монархических организациях тех лет.

К чести его должно также сказать, что своими политическими убеждениями он, в отличие от многих своих коллег, например того же С. Ф. Платонова, не пользовался в карьерных целях. За это его уважали такие люди, как профессор С. А. Венгеров и более молодые профессора В. Е. Евгеньев-Максимов и А. Г. Фомин, в советское время хорошо о нем отзывавшиеся.

Невероятно тучный человек (знавшие его лично люди передавали мне, что, когда он садился в извозчию пролетку, рессоры на ней сильно опускались, почти сходились), большой ожирением сердца, ленивый и малоподвижный в обычной жизни, он преобразился, когда дело заходило о книгах.

«Антиквар и коллекционер в душе, — писал о нем один его ученик, повторяя знакомую нам автохарактеристику своего учителя, — Шляпкин с упорной настойчивостью, начиная с гимназической скамьи, в продолжение сорока лет, как пчела, собирал книги и вещественные предметы истекших столетий. Никакие внешние препятствия не смогли заставить его отказаться от приобретения той или иной вещи или книги, даже если возникала необходимость воспользоваться знаменитым строевским методом «усвоения» исторических памятников, столь характерным для многих русских ученых и собирателей. Коллекционирование

для И. А. было делом исключительной важности. Он искренно верил, что каждая вещь, какая бы то она ни была, сохранный для потомства, сможет облегчить работу будущего историка, ибо, говорил он: «От нас, современников, часто бывает скрыт истинный смысл того, что мы видим и осязаем»...»¹

Как собиратель Шляпкин не был похож ни на одного из тех представителей русского библиофильства конца XIX — начала XX века, с которыми мы познакомились в данной книге. Скорее всего его можно причислить к библиофилам «ефремовского толка», с тем лишь отличием, что его «монархический демократизм» был решительно непохож на политические убеждения П. А. Ефремова, бывшего последователем — хотя и умеренным — революционного демократа Добролюбова. Шляпкин был библиофил-ученый, собиравший рукописную, старопечатную и новую книгу, автографы Пушкина, Л. Толстого, Григоровича, Лескова и др. не из коллекционерской жадности книголюбов из купцов или из «милого снобизма» кого-либо из членов Кружка любителей русских изящных изданий, а потому, что все эти материалы были нужны ему или предполагались нужными для его преподавательской и исследовательской работы. С точки зрения «чистых» библиофилов такое книгособирательство, связанное с родом деятельности, с профессией коллекционера, не является библиофильством. «Это — его научный аппарат, — говорят они, — а не библиофильская библиотека». Но ведь и Ефремов собирал книги для своей научной

¹ В. Н. Соловьев. Памяти И. А. Шляпкина. — «Сборник Историко-театральной секции», т. I, Пг., 1919, стр. 3.

работы, а не ради них самих. И кто может «точно» сказать, любил ли библиофил Шляпкин свои книги меньше, чем библиофил Березин-Ширяев или библиофил Верещагин?

Одинокий (он рано разошелся со своей женой), состоятельный человек, Шляпкин много денег тратил на пополнение своего собрания и на устройство дачи в Белоострове под Петербургом, где была размещена его библиотека и коллекция старинных кружев, лубочных картин и т. п.

Уже цитированный нами его ученик В. Н. Соловьев удачно характеризует своеобразие Шляпкина как библиофила: «Шляпкин никогда не был сухим собирателем, спокойно расставляющим по полкам свои коллекции и самодовольно-равнодушно отмечающим в своем каталоге каждое новое поступление. Он с каким-то особым чувством радости вез к себе в Белоостров каждую «новую» книгу, случайно найденную в лавке антиквара или заранее выслеженную, долгожданную и приобретенную на аукционе».

Не менее живо и даже картинно изображает В. Н. Соловьев белоостровскую квартиру Шляпкина: «Своему собранию И. А. старался придать характер оживленного музея, где существовала таинственная и тесная связь между предметами и самым помещением. Его гостиная представляла собою комнату XVIII века с клавесином, старинной люстрой с восковыми свечами, — комнату, на стенах которой висели полотна Лампи, Фрагонара, Чумакова. Своеобразный, хотя, может быть, недостаточно точный стиль комнаты несколько нарушал небольшой шкафчик, на полках кото-

рого стояли «Весы»¹ и произведения новейших поэтов».

Затем В. Н. Соловьев рисует наиболее поражающую воображение посетителей дачи Шляпкина комнату, — впрочем, не оригинальную по своему замыслу, а скопированную с аналогичного помещения Петербургской Публичной библиотеки:

«Одна из комнат второго этажа, так называемый «кабинет доктора Фауста» с традиционной пентаграммой у порога, была отведена под отдел старопечатных книг. Здесь в углу сводчато-стрельчатой комнаты, заваленной старинным оружием, стоял шкаф, где хранилась богатая коллекция весьма редких книг по демонологии, алхимии и магии XVII и XVIII вв.».

С таким же умением отмечать главное описывает В. Н. Соловьев и остальные комнаты шляпкинской дачи:

«Спальня И. А., согласно художественным и живописным традициям XVII в., была украшена на потолке знаками зодиака и солнечной системой.

Индивидуальную особенность хозяина помещения сохранял его просторный, почти двухсветный кабинет, где помещался преимущественно русский отдел его библиотеки и где стоял знаменитый письменный стол, некогда находившийся в редакции журнала «Телескоп» и принадлежавший в свое время Н. И. Надеждину».

Из этого почтительного, даже восторженного описания квартиры И. А. Шляпкина можно заключить

¹ «Весы» (1904—1909) — журнал символистского направления, в котором руководящую роль играл В. Брюсов.

о своеобразии художественного вкуса владельца «белоостровского библиофильского уголка».¹

Когда мы обращаемся к анализу единственной библиофильской работы Шляпкина — сборника «Похвала книге», легко обнаруживается, что и он тоже несколько разностилен; впрочем, в подобных антологиях, имеющих целью дать представление об историческом развитии темы, такая разностильность не только неизбежна и допустима, но и необходима; больше того, она является даже достоинством.

Небольшое предисловие, подписанное «заслуженный ординарный профессор Петроградского университета, старый библиофил И. А. Шляпкин», сообщает читателям о том, что антология «имеет в виду любителей и друзей книги, число которых, слава богу, все увеличивается на нашей родине»; она «посвящается издателем и редактором друзьям книги — русским библиофилам. Да процветают и умножаются их собрания! Vivant, crescant, floreant!»

О том, как эта книга готовилась к изданию, насколько не лишенных интереса подробностей сообщил в своих «Записках старого книжника» издатель «Похвалы книге». «Шляпкин, — пишет Ф. Г. Шилов, — неутомимо собирал всевозможные изречения о книге. Я предложил издать эти изречения, тем более что у меня была тряпичная бумага, и сборник мы напечатали под названием «Похвала книге». «Похвала книге» имела блестящий успех, издание быстро разошлось

¹ П. А. Горчинский. Библиофильский уголок в Белоострове. — «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1916, № 9-10, стлб. 161—168.

и сделалось библиографической редкостью. В него были включены изречения, афоризмы о книге и похвалы ей, от цитат из священного писания, мыслей книголюбов Древней Руси до изречений Чернышевского и Пирогова».

Все это верно, но Ф. Г. Шилов не указывает, что из Чернышевского взята всего одна и притом не особенно яркая и политически заостренная мысль. Зато Герцена, Добролюбова и Писарева здесь нет, нет ни одной цитаты из Горького, хотя уже в самом начале XX века в одном популярном библиографическом журнале была помещена статья «Мысли о книге, читателях и писателях в произведениях М. Горького».¹ Вряд ли все это случайно: политические взгляды И. А. Шляпкина не могли не оказать воздействия на осуществленный им отбор цитатного материала.

Жаль также, что один из наиболее красноречивых в древнерусской литературе «книжных панегириков», известная по рукописям XIV—XVII веков «Иякова Жидовина похвала книге», не был включен Шляпкин в его антологию. Вот текст этого небольшого произведения:

«Сия книга — мерило праведное, извет истинный, свет и ум, око словеси, зеркало совести, тьме светило, слепоте вождь. Припутен² ум, сокровен разум, прикрут³ помысел. Пастырь стаду, кораблю кормник, волком ловец, татем пес, враном сокол, нетопырем солнце,

¹ Статья В. Русакова (псевдоним С. Ф. Либровича) была помещена в «Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1902, № 6, стр. 55—56.

² Путеводный.

³ Строгий.

оку квас, червем соль, древу секира, уму крепость, слову хитрость. О убогий человече! Потрудиcя в книгах бога ради, да душу свою спасеши, и тело свое прокормиши и одежеши. По смерти в землю пойдеши, и руце твои будета яко прах, а писание се во веки пребывает». ¹

Можно было бы упрекнуть составителя антологии и в том, что из русских писателей и поэтов XVIII — XX веков взято было не все существенное, в то время как в нее было включено довольно много второстепенного и третьестепенного материала: стихи никому не известных поэтов — К. Баришевского, П. И. Н—а, И. Рончевского и т. д., цитаты из мало кому ведомых прозаиков — В. Мурзаева и др.

И главное, в подобных случаях не чувствуется вкус, они не содержат ничего заслуживающего внимания.

Жаль также, что из-за того, что книга Шляпкина вышла во время войны с Германией, в эту антологию не было включено ни одно изречение на книжные темы из немецких авторов. Это объясняется тем, что в основном источнике, из которого, по собственному признанию Шляпкина, он черпал иностранные цитаты, — в антологии Ф. Фертио «Влюбленные в книгу», — из общего числа 269 афоризмов на долю немецких авторов приходится едва ли пять-шесть.

¹ Алексей Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-петербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894, стр. 327. — «Похвала книге» — с именем Иакова Жидовина и без него — нередко встречается в рукописной литературе XIV—XVII веков.

И все же «Похвала книге» И. А. Шляпкина — крупное явление в русской библиофильской литературе: она показала, что у русского книгособирательства есть длительная национальная традиция, восходящая к самым истокам русской книжности, к XI—XII векам. Из антологии Шляпкина явствует также, что тема книги, похвалы ей, панегирики чтению проходят через всю русскую литературу — и древнюю, и петровской поры, и периода классицизма, и времени романтиков, и т. д.

Очень разнообразна, интересна вторая, иностранная часть «Похвалы книге». Замечательны переводы с арабского, сделанные И. Ю. Крачковским, выдающимся ученым и столь же выдающимся книголюбом, о котором нам придется в дальнейшем сказать подробнее.

Большую роль сыграла шляпкинская антология в развитии последующего русского библиофильства и библиофильской литературы: из нее черпали библиофилы девизы для своих экслибрисов, историки русской книги и книжного искусства заимствовали из нее эпиграфы и фактические материалы для своих работ, — словом, зоркий наблюдатель истории русского библиофильства во многом заметит явные и тайные следы влияния «Похвалы книге», к сожалению никогда не признаваемого открыто.

Книгой Шляпкина как бы замкнулся круг русской библиофильской литературы дореволюционного периода: она началась со стихов Стефана Яворского и завершилась шляпкинской «Похвалой книге».

Как ни бегло рассматривалось в настоящем очерке развитие русского дореволюционного библиофильства,

читатель не мог все же не заметить, что речь все время шла о библиофилах-дворянах, библиофилах-купцах и вообще представителях буржуазии, библиофилах из духовенства, отчасти о библиофилах из крестьян; конечно, были и библиофилы из городского чиновничества и мещанства. Но о библиофилах-рабочих нам говорить не приходилось. Не потому, что их не было, — они были, но лица, писавшие о частных библиотеках в России, их не замечали, авторы адресных и справочных книг для русских библиофилов не учитывали их, даже книгопродавцы, оставившие воспоминания о разных своих покупателях, не сообщали нам ничего об этих любителях книги.

В конце 20-х годов Ф. Г. Шилов сделал в Ленинградском обществе библиофилов доклад под заглавием «Библиофилы из народа». Мне не пришлось присутствовать на этом заседании, но по изложению доклада, напечатанному в «Альманахе библиофила», видно, что материалы докладчика охватывали только крестьянство и купечество; «библиофилами из народа» Ф. Г. Шилов считал крупнейшего железнодорожного подрядчика Синицына, лесопромышленника-богача Колобова, директора Волжско-Камского банка Малышева, известного нам банкира Бурцева и т. д.¹

Но все же и в дореволюционной литературе есть сведения о рабочих, любивших и собиравших книги. Пусть их библиотеки не насчитывали тысячи и даже сотни томов, но библиотеки у них были.

¹ См.: «Альманах библиофила». Л., 1929, стр. 377—378; Ф. Г. Шилов. Записки старого книжника, стр. 20—22, 65—67, 78—80.

В самом начале нашего столетия библиофил А. В. Петров в статье «Пристрастие к книгам» мимоходом охарактеризовал «весьма интересную библиотеку (состоявшую из отделов исторического и беллетристического) столяра Матвеева, который долгие годы с любовью собирал книги и держал их в отличном порядке — переплетенными и в шкафах собственной работы».¹

В 1913 г. редакция популярного библиографического журнала «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» (этот журнал, напомним, очень нравился В. И. Ленину) провела две анкеты среди своих подписчиков — об отношении их к современной поэзии и о наличии у них собственных библиотек. На первую откликнулось 3429 человек, среди которых было 30 рабочих и мастеровых. Еще интереснее итоги второй анкеты, на которую ответило значительно больше подписчиков вольфовских «Известий». В то время как процент рабочих, отозвавшихся на первую анкету, едва был равен одному, во второй он был равен уже четырем с половиной процентам (218 человек из 4895).

Среди десяти вопросов вольфовской анкеты для наших целей существен третий: «Сколько приблизительно Вы тратите в год на книги?» Суммируя материалы, полученные по этому пункту анкеты, редакция вольфовских «Известий» писала: «Ответы на 3-й вопрос показывают, что расход на книги далеко не пропорционален доходам отдельных лиц, люди, пользующиеся незначительным заработком, тратят сравнитель-

¹ «Антиквар», 1902, апрель, № 1, стр. 18.

но больше (в процентном отношении к заработку), нежели лица обеспеченные. В общем расходующая сумма колеблется между 25 и 1500 р. в год».

Особенно интересно то, что редакция сообщает далее: «Трогательны многочисленные заявления рабочих, приказчиков, мелких служащих, студентов и курсисток о том, что у них треть денежных ресурсов уходит на книги».

Характерно, что с этими указаниями совпадает фраза, приводимая М. Горьким в статье «О писателях-самоучках» (1914): один из его корреспондентов-рабочих писал ему: «Я иногда отказываю себе в пище, чтобы приобрести хорошую книжку».

Возвращаясь к анкете вольфовских «Известий», отметим ответ рабочего Обуховского завода на четвертый вопрос: «Какая часть книг у Вас в переплетах?» «Я приобретаю в год, — писал этот рабочий, — не меньше 30 книг; на переплет их уходило бы не меньше 10—12 руб., а на эти деньги, если бы я был в состоянии их тратить, я бы лучше приобретал еще 10—12 книг».¹

Весьма существенные дополнительные данные о книголюбях-рабочих в предреволюционные годы находятся в книге Л. М. Клейнборта «Очерки рабочей интеллигенции. Том первый (1905—1916 гг.)». Подробно изложив обширные сведения о росте числа читателей-рабочих в различных типах общественных библиотек («общественных», «народных», «рабочих»), автор

¹ «Книга в России. Итоги нашей четвертой анкеты». — «Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1913, № 12, столб. 332—334.

далее пишет: «Но не одни общественные библиотеки — и домашние растут в рабочих районах. Книжные магазины свидетельствуют, что родился новый покупатель — рабочий, что с каждым годом доля рабочего бюджета, идущего на приобретение книг, растет». «Насколько это так, — продолжает Л. М. Клейнборт, — показывает специальный книжный магазин, торгующий рабочей литературой, и торгующий бойко. В течение 5 месяцев им продано в рабочие районы до 15 000 книг. О том же говорят издания таких фирм, как «Прибой» или «Накануне». Рабочий календарь изд. «Прибой» был расхвачен в один день в рабочей среде. Страховая литература выдерживает издание за изданием, а каждое издание — 10 000. Аналогичен успех изданий Суриковского кружка в Москве. Напр., последняя брошюра («Стихотворения поэта из деревни» И. М. Корнева) разошлась в несколько дней в низах, согласно сообщению председателя кружка».

Л. М. Клейнборт указывает далее, что иногда в таких домашних рабочих библиотеках сосредоточивались конфискованные царским правительством брошюры и книги, то есть что тем самым эти библиотеки приобретали новый, политический характер и становились хранилищами нелегальной литературы. «Но не в одном хранении, — продолжает исследователь, — смысл домашних библиотек. Спросите любого владельца библиотеки, для чего он приобрел ее: «Идти вперед страшная охота». Он уже не может не покупать, уже голодает без книги, как голодает без хлеба. Дороговизна жизни растет; удовлетворять насущные потребности становится все труднее. Но он жаждет

книги, жаждет в буквальном смысле, отказать себе в удовольствии иметь библиотечку, хотя бы из 10—15 любимых книжек, он не в состоянии».¹

Подобные данные показывают, что в предреволюционные годы в некоторой части русского рабочего класса появились серьезные любители и собиратели книг, следившие за современной художественной и политической литературой, выписывавшие популярные библиографические журналы. Все это позволяет утверждать, что, наряду со существовавшим с давних пор дворянским и более новым, буржуазным, библиофильством, с начала XX века у нас зародилось и рабочее книголюбие. Эти рабочие не были библиофилами в специфическом смысле слова, не коллекционировали «редкости» или роскошные издания, в их ответах на анкету вольфовского журнала и в других их высказываниях речь всегда идет о «хорошей» книге. Перед нами не «завзятые» коллекционеры, но и не простые любители чтения, довольствующиеся книгами из общественной библиотеки или из библиотеки своих знакомых. Это люди, которые стали собирать книги так, как собирали в свое время, не будучи библиофилами, тогдашние новые книги дворянские любители домашнего чтения, с такой идеализирующей теплотой описанные Н. П. Лихачевым. «Психологический облик» этих собирателей-рабочих был иной. Но они покупали книгу, потому что любили ее, потому что она им в той или иной степени была дорога, потому что она будила их мысль и укрепляла их волю. Пусть к

¹ Л. М. Клейнборг. Очерки рабочей интеллигенции. Том первый (1905—1916 гг.). Пг., 1923, стр. 57—58.

ним не подходит название библиофилов в том смысле, какой применим к коллекционерам, рассмотренным выше, но это были настоящие книголюбые.

Прошло несколько десятилетий, на наших глазах выросло и продолжает расти движение советских друзей книги, в рядах которого — можно в этом не сомневаться — находится немало старых рабочих-книголюбов дореволюционного периода.

Если не считать «Кружка любителей русских изящных изданий», о котором шла речь выше, у нас в дореволюционное время не было специальных библиофильских организаций: ни московское «Русское библиографическое общество», ни петербургское «Русское библиологическое общество», несмотря на участие в них видных русских библиофилов (например Д. В. Ульянинского, Н. П. Лихачева), не имели отчетливо выраженного библиофильского характера.

Совершенно иначе сложилась судьба библиофильства в нашей стране в советское время. Ряд эфемерных библиофильских объединений, просуществовавших несколько месяцев («Русское библиофильское общество», «Общество друзей книги» и др.), возник в 1917—1918 гг. Большое научное значение имели в Москве «Русское общество друзей книги» (1920—1929), в Ленинграде — «Ленинградское общество библиофилов» (1923—1931). С 1931 по 1934 г. действовала «Секция собирателей книг и экслибрисов Московского отдела Всесоюзного общества филателистов». «Ленинградское общество библиофилов» с середины 1931 г. было переименовано в «Секцию библиофилов и экслибрисов Северо-Западного отделения Всесоюзного общества филателистов» и просуществовало до начала

1934 г. Позже и московские и ленинградские библиофилы влились в местные общества коллекционеров. Были общества библиофилов в Казани (кружок «Друзей книги»), Киеве, Одессе и, кажется, в Тбилиси.

Новый этап развития советских библиофильских организаций начался после Великой Отечественной войны: в 1947 г. при ленинградском Доме ученых возникла секция коллекционеров с подсекцией собирателей книг; при московском Доме ученых с 1953 г. действует секция книги. В последние годы во главе ее стоит крупнейший советский библиофил, профессор А. И. Маркушевич. И московская и ленинградская секции и сейчас продолжают энергично работать,¹ устраивают регулярные собрания, на которых читаются доклады как общекниговедческого, так и библиофильски-коллекционерского характера. При московском Центральном Доме работников искусств существует Клуб любителей книги, возглавляемый одним из крупнейших и старейших советских библиофилов, членом-корреспондентом Академии художеств В. М. Лобановым. В 1966 г. при московском Центральном Доме литераторов также возник Клуб любителей книги. Интересно работает Клуб любителей книги в Харькове под председательством известного книговеда доцента И. Я. Каганова.

¹ Секция коллекционеров ленинградского Дома ученых в июне 1962 г. отметила пятидесятилетие своего существования. Сейчас она называется «Секция книги и графики». Секция книги московского Дома ученых отпраздновала 12 апреля 1961 г. свое сотое заседание.

Помимо «памяток» и пригласительных билетов на очередные заседания, списков членов, библиографий изданий, «хроник», кратких отчетов и тому подобных публикаций небольшого размера разных библиофильских организаций, в советское время было издано несколько сборников библиофильского содержания более крупного объема. Таков, например, журнал «Казанский библиофил» (1921—1923, № 1—4) и особенно «Альманах библиофила», изданный «Ленинградским обществом библиофилов» в 1929 г. Содержание последнего очень разнообразно. Здесь помещены статьи «Пушкин-библиофил» (М. Н. Куфаева), «Об одном летучем издании XVIII в., относящемся к Пугачевскому бунту» (И. М. Картавцева), «Декабристы и полковые библиотеки» (М. И. Ахуна), «Конан Дойль и книга» (А. М. Ловягина), «О библиофильстве и древности» (А. И. Малеина) и др. Ряд статей был посвящен отдельным частным библиотекам («О библиотеке Д. А. Ровинского» А. Ф. Кони; «Судьбы некоторых книжных собраний за последние 10 лет» Ф. Г. Шилова). Впервые на русском языке, в переводе А. И. Малеина, здесь были опубликованы отрывки из «Филобиблона» Ричарда де Бери.

«Альманах библиофила» остался единственным большим литературным выступлением специально библиофильского характера. Во всех последующих изданиях библиофильская тема находилась в соседстве с темами книговедческими.

При ближайшем участии членов «Секции книги» московского Дома ученых и ряда членов «Секции коллекционеров» ленинградского Дома ученых в издании Всесоюзной Книжной палаты с 1958 г. вышли в

свет тринадцать томов сборника «Книга», в которых, наряду с общекниговедческими, печатаются материалы также и библиофильского характера (например, «О редкой книге (По материалам личной библиотеки автора)» И. Н. Розанова, интереснейшие статьи С. П. Фортинского о книжных знаках и др.).

В довоенное и последующее время появился ряд литературных произведений на библиофильские и вообще книжные темы («Мамай» Е. Замятина, «Книжники» Чернокова, цикл стихов «На полях книги» и «Книжники» Вс. Рождественского, «Книжная лавка» Вс. Воеводина и многие другие). В московской и ленинградской организациях библиофилов были свои поэты — А. А. Сидоров и Э. Ф. Голербах, писавшие шуточные стихи на разные «торжества» своих обществ. Широкому читателю эти литературные произведения не известны вовсе.

Совсем иное дело — книга, написанная автором, не входившим в библиофильские организации.

Один из выдающихся советских ученых, академик И. Ю. Крачковский (1883—1951) написал книгу «Над арабскими рукописями», представляющую в одинаковой мере блестящий труд ученого и гимн книге — пусть рукописной, пусть только арабской — старого библиофила. Труд академика Крачковского имел огромный успех у широкого читателя, выдержал четыре издания с общим тиражом в 31 000 экземпляров,¹ а в сокра-

¹ Первое издание в 1945 г. — 3000, второе в 1946 г. — 5000, третье в 1948 г. — 10 000, четвертое в 1965 г. — 13 000 экземпляров. Кроме того, книга была перепечатана в «Избранных сочинениях» И. Ю. Крачковского (т. I, М.—Л., 1955, стр. 15—148).

щённом варианте был напечатан и в популярной «Библиотеке „Огонек“» в количестве 150 000 экземпляров.

Книга И. Ю. Крачковского поразила читателя удивительно гармоничным сочетанием мемуаров с лирикой, фактических материалов с неповторимо индивидуальным их освещением и толкованием, тонких проявлений изящнейшего ума с не менее изящным стилем. Многие страницы этой книги, написанной во время Великой Отечественной войны, звучат как стихотворения в прозе, звучат то торжественно и строго, то проникновенно-элегически и мягко, очаровывая и увлекая нас экзотической трактовкой темы, столь близкой каждому книголюбу. Из всего неисчерпаемого богатства этой «божественной симфонии книги», как назвал труд академика И. Ю. Крачковского один литературовед в устной рецензии, мне хочется привести отрывок из ее «финала», где особенно веско и чело-вечно звучит голос автора-гуманиста, за каждой книгой, за каждой рукописью видевшего связанных с нею людей:

«...Одна за другой встают передо мною картины прошлого. Бесконечной лентой, все дальше и дальше разворачиваются они в памяти; я не в силах, я не хочу их остановить. Ведь каждая рукопись, старая и новая, арабская и русская, что мне вспоминается теперь, властно вошла в мою жизнь, по-своему меняла и расширяла ее. Не было бы их, и я не мог бы показать этого прошлого, не мог бы сам увидеть тех людей, что писали эти рукописи, и тех, о ком они писали. Немой осталась бы для меня история нашей науки; безжизненным, сухим списком звучали бы имена наших

«предков», великих и скромных тружеников арабистики».

Характерной чертой как дореволюционной, так и ранней советской библиофильской литературы была относительная узость ее читательской аудитории, в основном состоявшей из одних только библиофилов, и как следствие этого — микроскопические тиражи обычных библиофильских изданий. Печатавая свои произведения, авторы-библиофилы сознательно и в силу своеобразной устойчивой традиции стремились создавать новые так называемые «библиографические редкости». Даже «Альманах библиофила», изданный в 1929 г., был напечатан в количестве трехсот экземпляров, и из этого небольшого тиража сорок четыре экземпляра было именных.

Между тем правильно понимаемая история книги, в частности история отдельных книг, библиотек и библиофилов, настолько в историко-культурном плане содержательна, интересна, а порою полна драматизма и увлекательности, что и широкие круги советских читателей охотно знакомились и продолжают знакомиться с подобными материалами. Об успехе книги И. Ю. Крачковского мы уже говорили. Но то же можно сказать и о других произведениях русской библиофильской литературы. С 20—30-х годов нашего века стали появляться в центральных газетах и толстых журналах очерки крупнейших советских библиофилов — Демьяна Бедного, И. Н. Розанова, В. Г. Лидина, посвященные рукописным и печатным ценностям их библиотек.

В самом конце Великой Отечественной войны выступил с первыми рассказами о любопытных книгах

своего собрания Н. П. Смирнов-Сокольский. Летом 1959 г. вышло в свет первое издание его «Рассказов о книге», вызвавшее много благожелательных печатных рецензий крупных советских литераторов (И. Л. Андроникова, Г. Е. Рыклина, В. Б. Шкловского¹ и др.) и еще больше устных откликов в широких кругах читателей. Всего на эту книгу появилось 19 рецензий.

Книга Смирнова-Сокольского, несомненно, талантливое, яркое произведение советской художественной литературы вообще, а не только библиофильской. Автору очень удаются «сюжетные» новеллы о книгах; большая часть очерков или, как их называет сам писатель, «рассказов» построена умело, интересно и в то же время строго фактично. В этом смысле «Рассказы о книгах» Смирнова-Сокольского — и литературное произведение и научное: автор включает в свое изло-

¹ Рецензия В. Б. Шкловского, озаглавленная «О пользе личных библиотек и о пользе собирания книг в первых изданиях в частности» («Новый мир», 1959, № 10, стр. 265—268), сама является заслуживающим внимания произведением советской библиофильской литературы. Выдающийся мастер острого литературного афоризма, Шкловский разбросал в своей небольшой рецензии массу отточенных, удачно сформулированных мыслей, которые так и просятся в будущую советскую «Похвалу книге». Иногда они звучат как библейские изречения, например: «Лестницы государственных библиотек священны, и те, кто ходят по этим ступеням, не разочаровываются»; иногда это меткие наблюдения: «Книга должна иметь друга, иначе она растеряется, зачитывается», «Очень важны книги, оставшиеся после работы; они важны в своей совокупности, по своей неожиданности», наконец это забавные парадоксы: «Если от книг становится тесно и некуда поставить кровать, то лучше заменить кровать раскладушкой».

жение не только много затерянных, мало и почти во все не известных печатных материалов, но также и архивные документы, имеющие значительную историческую ценность. В своей книге Смирнов-Сокольский остроумно решает ряд историко-книжных и историко-литературных загадок, и сделанные им открытия уже учитываются и, несомненно, будут учитываться в дальнейшем исследователями. Но все эти, казалось бы специальные, темы настолько увлекательны, фактический материал «Рассказов» настолько литературно обработан, что они воспринимаются читателями как бесспорно художественные произведения. Удача, на мой взгляд, и монтровка всего материала книги — последовательность рассказов внутри циклов, в которые они объединены, и самый порядок этих циклов.

Назвав свое произведение «Рассказами о книгах», автор как бы направляет внимание своих читателей на судьбу книг, о которых он повествует; однако на самом деле большое место в этих очерках уделено людям — писателям, библиофилам, книгопродавцам и т. д. Иногда художественные портреты людей в «Рассказах о книгах» достигают значительной психологической выразительности. В особенности в этом отношении хочется выделить эпизод с экземпляром редчайшего радищевского «Жития Федора Васильевича Ушакова», «перехваченным» сперва Демьяном Бедным у автора «Рассказов о книгах» и затем «с кровью сердца уступленным» ему поэтом-библиофилом (стр. 88—92). Смирнов-Сокольский излагает этот случай как историю поступления в его библиотеку одной из

самых больших ее редкостей, «одной из самых замечательных русских книг в моей библиотеке», как он пишет. Однако читателя в этом мастерском рассказе, несомненно, больше поражает психологическая тонкость и литературное мастерство, проявленные автором при характеристике душевных переживаний Демьяна Бедного. Так описать этот случай мог только настоящий, опытный писатель.

Однако, будучи, как уже сказано, фактом советской художественной и научной литературы, «Рассказы о книгах» Смирнова-Сокольского являются в то же время и определенным моментом в истории русской библиофильской литературы. Они выросли на почве личного собирательства автора, отражают его опыт и наблюдения над процессом собирания, характеризуют и его, и изображаемых им книголюбов как библиофилов определенной исторической эпохи, — словом, тематически книга Смирнова-Сокольского целиком укладывается в традиции русской дореволюционной и советской библиофильской литературы.

В то же время она безусловно новый этап в этой истории, и не только потому, что Смирнов-Сокольский как писатель много талантливее Г. Н. Геннади Д. В. Ульянинского, А. П. Бахрушина, И. И. Лазаревского. Новизна «Рассказов о книгах» как явления русской библиофильской литературы заключается в том, что автор обращается со своей книгой к широкой читательской аудитории, а не к узкой категории записных библиофилов, он пишет свои очерки, с первой и до последней строчки насквозь пронизанные глубокой любовью к книге, для того чтобы сделать огромные

слои читателей книголюбам, в новом, советском смысле ценящими печатное произведение.

В этом огромная заслуга Н. П. Смирнова-Сокольского перед советской культурой, этим он высоко поднял значение библиофильства, раскрыл его исторический смысл.¹

Летом 1962 г. в книжные магазины поступил и немедленно был распродан сборник «библиофильских новелл» В. Г. Лидина «Друзья мои — книги». И это, конечно, не случайно: не только специфическая тематика была причиной успеха сборника, но и его большие литературные достоинства.

Автор — один из старейших советских писателей, выдающийся мастер психологически-бытовой новеллы и романа, замечательный, признанный стилист — во всех своих многочисленных произведениях обнаруживает **две неизменные** и в то же время подкупающие, **всегда привлекательные** черты: глубоко искренний гуманизм и художественную зоркость. Лидин не любит исключительных сюжетов и необыкновенных героев; его писательское внимание привлекает простая, обыкновенная, но полная глубокого смысла и поэтичности жизнь. Лучшее, чем любой критик и искушенный литературовед, охарактеризовал мир своего художнического наблюдения сам писатель в новелле «Утро города»: «Это был длинный день, полный событий в жизни людей, событий неприметных, но без событий **нет жизни**, и, значит, жизнь шла своим путем, и люди

¹ Вышедшая посмертно книга Смирнова-Сокольского «Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина» (М., 1962, 631 стр.) представляет собою большой интерес и как явление русской библиофильской литературы, и как научный труд.

жили каждый по-своему, и у каждого были свои радости и удачи и свои неприятности и неудачи, но в этом и состоит жизнь». ¹

И об этой «жизни, идущей своим путем», о людях, создававших книги, хранивших, любивших и читавших их, о радостях и удачах, о неприятностях и неудачах людей и книг и рассказывает Лидин. На неполных двухстах страницах книги перед читателем проходит длинная вереница разных людей — писателей, книгоиздателей, книгопродавцев, антикваров, букинистов, библиофилов и особенно много людей «простых», «обыкновенных», но, к нашей радости, вовсе уж не таких простых, а богатых внутренней, содержательной жизнью.

Поводом для характеристики всех этих героев является у Лидина книга. От нее идет он к человеку. Ему даже кажется, что его сборник — повесть «о встречах с книгами, иногда таинственными, как самые необычные приключения, иногда простодушными». Он говорит: «Я расскажу просто о встречах с книгами — моих личных встречах, иногда радовавших, иногда разочаровывавших, но всегда в той или иной степени приоткрывавших многое, о чем не знает ни один библиограф в мире, потому что это твоя личная встреча, то есть так или иначе неповторимая». ²

Но, как и Н. П. Смирнов-Сокольский, как и другие

¹ В. Г. Лидин. Дорога журавлей. Рассказы 1959—1961 гг. М., «Советский писатель», 1962, стр. 15.

² В. Г. Лидин. Друзья мои — книги. Заметки книголюбца. М., «Искусство», 1962, стр. 3. В дальнейшем ссылки делаются по этому изданию внутри текста — в скобках после цитаты указываются страницы.

авторы-библиофилы, думающие, что они пишут о книге и только о книге, Лидин ошибается. Героем всех его новелл о книгах является человек, прежде всего человек. Незаметно для себя автор как бы проговаривается и признается в том, что привлекает его в книгах.

В новелле «Живые надписи» Лидин пишет: «Много лет книги дарят меня находками. Находки позволяют проникнуть в глубину жизни писателей, которых отделяют от нас иногда целые столетия. . . На моих книжных полках есть книги, с которыми у меня давно установилось потаенное содружество: я знаю некоторые их тайны, открытие которых волнует меня, потому что они дополняют образ писателей, написавших эти книги, или образ бывших владельцев этих книг» (стр. 32).

Много таких «тайн» своих книг «открыл» Лидин и поделился с читателями. Но, пожалуй, самым «человечным» и производящим глубокое впечатление является короткий рассказ «„Венок“ и „шапка“», завершающийся раздумьями автора: «Так хранят иногда надписи на книгах не только следы отношений писателей к тому или другому лицу, но и приметы событий, зачастую интимных и личных, приоткрывающих, однако, эпоху и дающих возможность прочесть гораздо больше, чем это заключено в самой надписи. Венок, сплетенный рукой Л. И. Стасюлевич Гончарову, и шапка, подаренная В. Ф. Одоевскому Кошелевой, — это почти материализованные приметы времени и отношений, глубоко располагающие к тем, кто так хорошо понимал впечатлительное существо писателя, отзывчивого к любому проявлению дружбы и внима-

ния: и Гончаров и Одоевский, судя по их надписям на книгах, это прочувствовали» (стр. 98).

«Находки» и «открытия» Лидина на страницах принадлежащих ему книг далеко не ограничиваются одними только владельческими пометами и дарственными надписями. В некоторых экземплярах он обнаруживает неопубликованные или неточно опубликованные произведения писателей (Державина, Бунина, Надсона, Чехова, Андреевского и др.), записи неосуществленных литературных замыслов («апокрифическое предисловие» — автонекролог В. Брюсова), вложенные или вклеенные приглашения на разные заседания, на встречи с писателями и пр. «История дышит в этих документах, — пишет Лидин, — в них запечатлена и жизнь каждого из нас; по приглашениям этим и пропускам будущий литературовед или историк сможет установить точные даты, которые иногда отсутствуют даже в официальных документах. Так, сохранившееся у меня приглашение на чтение Алексеем Толстым своего рассказа «День Петра» в литературном кружке «Среда» помогло биографу Толстого установить точную дату написания этого рассказа» (стр. 160).

Книга Лидина — драгоценный источник неизвестных в литературной науке фактов, не громких, эффектных, сенсационных, а мелких, незаметных, но удивительно интересных, как интересна всегда «жизнь, которая идет своим путем». Поэтому «Друзья мои — книги» Лидина будут многократно и по разным поводам упоминаться историками литературы.

Однако по замыслу автора она обращена не к специалисту-литературоведу, а к широкому советскому

читателю, даже не к библиофилу, а просто к культурному советскому человеку. И именно этим, вероятно, объясняется обилие размышлений автора о книжном собирательстве, любви к книгам, «о людях, влюбленных в книгу» (стр. 3), и о многом другом. Пишет Лидин обо всем этом умно, изящно, тонко. В каждой фразе чувствуется рука превосходного мастера, которому равно повинуются и мысль, и язык, и душевные переживания. «Конечно, если пишешь о книге, — читаем мы в очерке «Вместо вступления», — надо рассказать и о чувстве, какое она порождает: чувство это испытали все, кому знакомо собирательство, — это очень тонкая, очень глубокая любовь, и странно, иногда кажется, что человек, который любит книгу, встречает и ее ответную любовь» (стр. 3—4).

Лидин — первый из больших русских писателей, серьезно и специально обратившихся к «книжной» теме. Это — не библиофил, занявшийся писательством, а писатель-профессионал и в то же время писатель-библиофил. Читая его сборник «Друзья мои — книги», имеющий подзаголовок «Заметки книголюб», я невольно сопоставлял новеллы Лидина с одним явлением зарубежной русской библиофильской литературы — с «Заметками библиофила» Юлия Геннса, вышедшими в Тарту в 1932 г. в количестве двухсот экземпляров. Для читателя-небиблиофила «Заметки» Геннса мало интересны, написаны — это заметно по первым же фразам — литератором-дилетантом.

«Друзья мои — книги» — большая, подлинная литература. В сборнике Лидина, как и в «Рассказах о книгах» и «Рассказах о первых прижизненных изданиях Пушкина» Н. П. Смирнова-Сокольского, библиофиль-

ская литература сомкнулась с настоящей художественной литературой, и в этом большая радость для историка русской библиофильской литературы. Она обрела ту художественность, то отточенное мастерство, которые только и могут вывести литературу для библиофилов, литературу, обычно печатавшуюся в пятидесяти — ста экземплярах, к широкой аудитории.

Мне хочется сказать несколько слов о сборнике «Друзья мои — книги» уже как о явлении собственно библиофильской литературы. Внимательный читатель библиофил найдет в ней множество интересных в чисто библиофильском отношении мест. Я уже приводил слова Лидина о том, что книга как бы отвечает любовью любящему человеку. В другом месте он пишет: «Мне кажется, что, когда я беру в руки ту или другую книгу, она тоже знает меня, и нам ничего не нужно объяснять друг другу» (стр. 26). «Первая книга с автографом Чехова пробудила во мне желание найти еще какие-либо чеховские автографы, и, как известно, горячее желание всегда находит отклик», — говорит Лидин в очерке «Неизвестные автографы Чехова» (стр. 133).

Особенно интересен в этом отношении очерк «Степь» (стр. 148—150). Автор рассказывает о не совсем обыкновенном случае, происшедшем с ним несколько лет назад. Он читал в только что вышедшем томе «Литературного наследства», посвященном столетию со дня рождения Чехова, письма А. Н. Плещеева. В одном из писем старый поэт сообщал Чехову, что его знакомый П. Н. Островский, прочитав в журнале «Северный вестник» повесть «Степь», намерен

Написать на нее рецензию и «нетерпеливо ждет оттиска». В то самое время, когда Лидин читал письмо Плещеева, к нему позвонил по телефону знакомый молодой писатель, попросивший разрешения зайти и передать «на память одну вещичку». Через несколько минут, — писатель находился поблизости, — в руках Лидина оказалась книга, состоявшая из переплетенных журнальных оттисков и вырезок. Первым был оттиск «Степи» с автографом: «Петру Николаевичу Островскому. А. Чехов. 1888».

«Конечно, — пишет Лидин, — это только случайность, что оттиск «Степи» попал мне в руки именно в те минуты, когда я читал о нем в «Литературном наследстве», но ведь собирательство книг не всегда бывает планомерным, оно зависит нередко от случаев, однако совокупность случаев создает своего рода планомерность, по старой пословице, что «на ловца и зверь бежит» <...> (стр. 150).

От одного из старых библиофилов, притом человека вполне диалектико-материалистически мыслящего, мне нередко приходилось слышать сентенцию, произносившуюся с глубокой убежденностью: «Книга ищет хозяина». Очерк Лидина «Степь» и особенно его концовка — пословица «на ловца и зверь бежит» — в какой-то мере вариант старого библиофильского афоризма. Да и заглавие сборника — «Друзья мои — книги» — говорит то же самое: с «бездушными» предметами не дружат. Но здесь мы вступаем в область особой, библиофильской психологии, о которой следовало бы поговорить отдельно.

В сборнике Лидина разбросано много интересных мыслей о собирательстве книг, так много, что трудно

выбрать из них наиболее ценные. Ограничусь все же двумя-тремя: «Биография любого собирателя была бы неполной, если бы в ней не было событий — иногда смешных и нелепых, иногда грустных, иногда разочаровывавших, а иногда радующих находками, открытиями, а главным образом — ощущением, что спас что-то, чему суждено было погибнуть и затеряться в безвестности. Это относится не к пополнению своего книжного собрания, а к крупицам культуры, которые именно книголюб подбирает, и в огромном большинстве случаев — для всех, а не только для себя» (стр. 89—90). «Каждому из нас, — пишет Лидин в другом случае, — дано в той или иной мере помогать в деле собирания памятников нашей культуры; без этой высокой мысли любое книголюбие было бы только частным любительством, о котором и писать не стоит» (стр. 101). «Все труды и дела человека, все его открытия, всю его пытливую мысль и искания отражает прежде всего книга, и это и побудило меня написать о книгах, о малых открытиях собирателя, его встречах с книгой и его находках» (стр. 192).

А в самом конце своего сборника Лидин пишет: «Хорошие книги никогда не стареют, им даны вечная молодость и обновление во времени, они — живой организм, воздух, без которого не может жить и развиваться человек» (стр. 193). Эти умные, глубокие, прочувствованные слова с полным правом могут быть отнесены к сборнику Лидина «Друзья мои — книги», едва ли не вершине русской художественной библиофильской литературы.

В 1966 г. вышло второе издание книги В. Г. Лидина, значительно дополненное: в нем прибавлено еще

42 рассказа (в первом издании было 60). Здесь приведено много новых или забытых имен («Отец и сын» — о поэтах Н. М. и Л. Н. Ибрагимовых, «Кожебаткин» — о талантливом издателе 1910—1920-х годов, «Забытые имена», «Безвестные книжечки» и т. д.). В этих добавлениях к своей книге, ставшей одной из самых любимых книг советских библиофилов, автор проявил все свои замечательные черты художника-гуманиста. «Забытые имена людей, которые писали книги или сочиняли песни, или музыку к этим песням, — замечает В. Г. Лидин в последнем из новых очерков, озаглавленном «Читательские постскриптумы», — всегда тревожат тех, кто ищет историческую правду и не может примириться с забвением того или другого имени» (стр. 343). Историческую правду ищет не только сам автор — хотя и это большая и благородная его заслуга, — еще большая заслуга В. Г. Лидина состоит в том, что своими увлекательными очерками он пробуждает в читателях такое же искреннее, порою трогательное искание исторической правды. Он прав, когда в том же очерке пишет: «Восстановление несправедливо забытых имен благородно по своей сути...»

Книги В. Г. Лидина и Н. П. Смирнова-Сокольского сделали большое культурное дело: они вызвали к жизни не только интересные «читательские постскриптумы», но и целую литературу «поисков, находок, встреч», при этом не только в Москве и Ленинграде, но и в областных и республиканских городах. Не претендуя на полноту, упомяну некоторые из таких работ: А. Блюм и Г. Дмитрин. Книга и время. Рассказы о редких изданиях и библиографических находках. Челябинск, 1962; Никита Брыгин. Как хлеб и воздух. Одесса,

1962; Г. Горбачевский. Люди, книги, библиотеки. М., 1963; Г. Р. Дрюбин и П. И. Левашов. Книги имеют свою судьбу. М., 1963; Ю. И. Масанов. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963; Б. Д. Челышев. Поиски, встречи, находки. Кемсрово, 1963; Евг. Осетров. Поиски, находки, тайны. М., 1964; Н. Никифоров. Поиски и находки. Воронеж, 1964; Ю. Курочкин. Памятные тропы. Свердловск, 1964; Г. Горбачевский. С первой печатной строчки. М., 1964; А. Гессен. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. М., 1965; О. Ласунский. Власть книги. Воронеж, 1966, и т. д.

В. Г. Белинский, напомним, начал свою критическую деятельность знаменитой статьей «Литературные мечтания», в которой проводил «еретическую» мысль: «У нас нет литературы». Впоследствии великий критик отказался от этой полемически заостренной идеи и с гордостью утверждал, что у нас есть настоящая, большая, серьезная литература.

Если разрешено сравнивать великое с малым, то мы скажем, что было время, когда у нас не было настоящей библиофильской литературы, когда были отдельные явления ее, но не было широкой читательской аудитории, когда немногочисленные выступления библиофилов-писателей были отделены одно от другого десятилетиями и трудно было говорить о какой бы то ни было литературной преемственности в данной области. Сейчас у нас есть настоящая, серьезная, не побоюсь сказать, большая библиофильская литература.

И если она у нас есть, если у нас библиофильские книги выходят тридцатитысячными тиражами, если би-

блиофильские журналы имеют свыше 70 000 подписчиков, то это результат не появления книг Н. П. Смирнова-Сокольского и В. Г. Лидина, а того колоссального культурного подъема, который произвела в советском народе Великая Октябрьская социалистическая революция. Советская библиофильская литература — детище Октября.¹

¹ В своем обзоре русской библиофильской литературы я не остановился на одной ее разновидности — на воспоминаниях книгопродавцев, большей частью антикваров. Они писались, конечно, в расчете в первую очередь на читателей-библиофилов. Таковы «Воспоминания старого книгопродавца о петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 года» Н. Г. Овсяникова, «Воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах» И. Т. Лисенкова, «Воспоминания пропащего человека» И. И. Свешникова, «Воспоминания старого букиниста» А. А. Астапова, «Записки старого книжника» Ф. Г. Шилова, ряд статей П. Н. Мартынова в журналах «В мире книг» и «Советская книжная торговля» (сейчас печатаются отдельным изданием).

Обойдена мною эта интересная часть нашей библиофильской литературы не случайно: это все же особая литература, о ней надо говорить не в связи с историей русской библиофильской литературы, а отдельно, в связи с историей русского библиофильства и русской антикварной и букинистической книжной торговли. Может быть, когда-нибудь я обращусь и к этой любопытной теме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранные в настоящей книге очерки написаны в разное время, по разным поводам, но их объединяет одна мысль — о большом культурном значении библиофильства, иногда еще недооцениваемом и не всегда ясно осознаваемом.

В разные эпохи на разном материале, в разных, но в общем сходных формах и вместе с тем постоянно библиофильство вносит свой важный, порою неоценимый вклад в историю каждой национальной и, значит, мировой культуры. Оно сохранило и сохраняет для науки и для всего культурного человечества многие рукописные и печатные материалы, существенные и интересные как по содержанию и по исторической судьбе, так и по своей художественной внешности, по каллиграфическому или типографскому оформлению. Тем самым оно сберегает для истории письма и для истории искусства важные источники изучения.

Главным образом благодаря библиофилам дошли до нас коллекции папирусов, пергаменных свитков и кодексов, инкунабул, альдин и эльзевиров, чудесных творений итальянских, голландских, французских печатников и других мастеров типографского дела. Наши первопечатные и петровские книги, издания Новикова, книги, сжигавшиеся на кострах инквизиции и уничтожавшиеся царской цензурой, книги революционные или принадлежавшие выдающимся людям, первые издания поэтов, писателей, философов, политиков,

ученых и т. д. — все это было сбережено преимущественно библиофилами. Они ревностно собирали и собирают биографические сведения и иконографические материалы об авторах интересующих их книг, иллюстраторах, переплетчиках, издателях, печатниках, книгопродавцах, а также о цензорах, литературных мистификаторах и плагиаторах и о многом другом. Библиофилы тщательно изучают и сравнивают разные экземпляры книг, устанавливают их особенности, выясняют их историю, освещающую иногда крупные политические и культурные события. Внимание книголюбов к автографам, начиная от дарственных надписей на книгах и кончая целыми рукописями, также дает свои результаты — пополняются наши сведения о писателях, их биографиях, отношениях к современникам; иногда мы узнаем даже новые их произведения.

Вкусы и пристрастия библиофилов способствовали появлению и развитию истории книги и искусства книги. Описания специальных, тематически подобранных библиофильских коллекций внесли и продолжают вносить ценный вклад в историю литературы и в историю других наук и искусств.

Еще одной, и немаловажной, заслугой библиофилов является то, что они собирают произведения о книге и о чтении, а также отдельные высказывания о них писателей и ученых и время от времени издают антологии, вроде шляпкинской «Похвалы книге». Какое большое эстетическое и общественно-воспитательное значение имеют подобные издания, едва ли нужно доказывать.

Такие материалы дают также возможность изучать влияние чтения на психику человека. Этот вопрос

давно интересовал художников слова, начиная с Сервантеса, изобразившего в «Дон Кихоте» персонажа, полностью живущего в мире рыцарских романов, и продолжая Пушкиным, Татьяна которого воображалась «героиней своих возлюбленных творцов», и М. Горьким, автором потрясающего рассказа «Книга» и других произведений, разрабатывающих тему «книга в жизни человека».

Привлекает внимание писателей также и чисто библиофильская тема. Сколько превосходных произведений и в русской и в мировой литературе посвящено теме любви к книге. Нет поэтому ничего случайного в том, что в литературе мы встречаем портреты библиофилов и библиоманов. Естественно и то, что многие крупные писатели XIX—XX веков — и среди них в первую очередь должны быть названы Анатолий Франс и Валерий Брюсов, сами страстные библиофилы, — с такой теплотой и глубиной, с таким большим искусством изображали типы разных книголюбов, их психологию, внутренний мир и с исключительным мастерством характеризовали библиотеки библиофилов разных времен и народов.

Все это говорит о том, что распространение в широких читательских массах правильных взглядов на книголюбие, разумно, систематически поставленная пропаганда библиофильства как собирания книг, ценных для культуры, — не только редких в том или ином, порою несущественном, отношении, но и вообще хороших, умственно и душевно обогащающих и возвышающих читателя, — несомненно, может и будет способствовать росту сознательности, культурности народных масс.

Читательский интерес к библиофильской литературе, существование в СССР около десяти клубов любителей книги и других подобных объединений, возрастающий тираж ежемесячника «В мире книг» (за шесть лет он вырос почти в три раза — с 28 000 до 75 000), устраиваемые почти ежегодно выставки книжных знаков в Москве, Ленинграде, Вологде, Минске, Кемерове, Воронеже и других городах являются веским доказательством того, что библиофильство в нашей стране не только количественно, но и качественно изменяется. Прошло то время, когда представление о библиофиле воплощалось в Березине-Ширяеве, Мазурине или эстетах из Кружка любителей русских изящных изданий. Сейчас мы сплошь да рядом читаем в газетах сообщения о том, что то пенсионер, то домохозяйка дарят свои книги домохозяйству и создается успешно работающая домовая библиотека; что книголюбы такого-то поселка, имеющие личные библиотечки, предоставили их в общественное пользование; что на таком-то заводе давно уже действует кружок «друзей книги», открылся книжный киоск, работающий на общественных началах, и постепенно возникает широкое движение «друзей книги»; что в клуб другого завода или советского учреждения приезжают библиофилы и книговеды и читают доклады о книгособиранательстве, о книге будущего, о художнике и книге, о книголюбях и т. д.¹

¹ «Друзья книги». — «Известия», 1962, 25 января, № 21, стр. 1 (переводная); И. Андроников. Книголюбые. — «Известия», 1961, 28 мая, № 126, стр. 4; Вл. Блохин. У истоков знаний. — «Московский автозаводовец», 1963, 15 февраля, № 39, стр. 4.

В многочисленных статьях и книгах о происходящей на наших глазах технической революции говорится о том, что будущая организация производства даст людям гораздо больший досуг. Естественно, что они смогут больше читать, и, следовательно, резко повысится спрос на книгу. Нет сомнения, что это скажется не только на посещаемости государственных и общественных библиотек, но и на росте библиотек личных, на увеличении числа книголюбов. Нельзя не согласиться с К. Л. Зелинским, писавшим — может быть, несколько вычурно — в статье «Мало петь гимны книге»: «Девятый вал народного интереса еще далеко впереди. К этому нужно готовиться задолго».¹

При подготовке к этому предстоящему подъему спроса на книгу необходимо предусмотреть также и систематическое распространение правильных сведений о культурном и общественно-воспитательном значении библиофильства.

Все должны понять и помнить, что библиофильство, книголюбие — не болезненная, уродливая прихоть книжных маньяков, не временный каприз праздных, скучающих, пресыщенных богачей, коллекционеров, даже не страсть, непонятно почему овладевающая отдельными личностями, а высокая, благородная потребность всякого истинно культурного человека. Библиофильство заслуживает не снисходительной улыбки трезвого ума к «милым чудачествам» книголюбов, а вдумчивого и дальновидного признания, серьезного и благожелательного внимания, сочувственной и умной поддержки.

¹ Корнелий Зелинский. Мало петь гимны книге. — «Литературная газета», 1962, 22 мая, № 60, стр. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
В. И. Ленин — книголюб	12
Личные библиотеки трех русских писателей (Ломоносова, Пушкина, М. Горького)	44
Старинные русские библиофилы и советские книголюбы	95
Из истории русской библиофильской литературы	136
Заключение	311

БЕРКОВ Павел Наумович РУССКИЕ КНИГОЛЮБЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967, 316 стр.
Тем. план вып. 1967 г., № 368

Редактор А. Я. Кучеров

Художник Н. И. Васильев. Худож. редактор А. Ф. Третьякова.
Техн. редактор В. Г. Комм. Корректор Э. И. Панова

Сдано в набор 17/XII 1966 г. Подписано в печать 16/V 1967 г. М 25876.
Бумага 70×108^{1/2} № 1. Печ. л. 9^{7/8}+7 вкл. (14,43). Уч.-изд. л. 12.64.
Тираж 10 000 экз. Зак. № 252. Цена 71 к.

Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3

